

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Научный журнал
Издается с октября 2006 г.
Выходит четыре раза в год

E-mail: editor62@yandex.ru
<https://pl.editorum.ru/>

ISSN 2072-2427
e-ISSN 2687-122X
2025
Т. 20(1–4)
№ 1

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

2025. Т. 20(1–4), № 1

ISSN 2072-2427
E-ISSN 2687-122X

Научный журнал.

Издается с октября 2006 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – [федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» \(Академия ФСИН России\)](#).

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись СМИ [ПИ № ФС 77-74887 от 21.01.2019](#).

Главный редактор – [А. П. Скиба](#).

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.
<https://pl.editorum.ru/>

Дата выхода в свет 04.04.2025. Цена свободная.

Распространяется на территории Российской Федерации и зарубежных стран.

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Индексация:

[Российский индекс научного цитирования;](#)

[КиберЛенинка;](#)

[Перечень рецензируемых научных изданий.](#)

[в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.](#)

© Академия ФСИН России, 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Скиба Андрей Петрович, главный редактор, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными, Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, apskiba@mail.ru.

Родионов Алексей Владимирович, заместитель главного редактора, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики, менеджмента, организации производственной деятельности и трудовой адаптации осужденных, Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, avrpost@bk.ru.

Бутенко Татьяна Павловна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия, butanya1979@yandex.ru.

Громов Владимир Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного, экологического права и криминологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия, gromov_vg@mail.ru.

Детков Алексей Петрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия, kafupik@law.asu.ru.

Ермасов Евгений Викторович, кандидат исторических наук, начальник отдела законодательства об исполнении уголовных наказаний Департамента государственной политики в сфере уголовно-исполнительной системы, Минюст России, г. Москва, Россия, vvk6974@yandex.ru.

Иванцов Сергей Вячеславович, доктор юридических наук, профессор, ученый секретарь ученого совета, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Москва, Россия, isv1970@mail.ru.

Кашуба Юрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными, Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, koshianatol@yandex.ru.

Кийко Николай Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, начальник уголовно-исполнительного факультета, Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, avant_n@mail.ru.

Козаченко Иван Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права, Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия, uglaw@yandex.ru.

Кунц Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы, НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия, 73kuntc@mail.ru.

Маликов Борис Зуфарович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа, Россия, malikov_bz@mail.ru.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Малолеткина Наталья Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России, г. Самара, Россия, levkovka707@mail.ru.

Петрянин Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Россия, petryanin@mail.ru.

Салаев Нодирбек Сапарбаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и противодействия коррупции, Ташкентский государственный юридический университет, г. Ташкент, Узбекистан, nodir-law@mail.ru.

Скаков Айдаркан Байдекович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры организации исполнения наказаний, Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева, г. Костанай, Казахстан, aidarkan@mail.ru.

Скоморох Олег Александрович, кандидат юридических наук, доктор богословия, профессор кафедры церковно-практических дисциплин, Санкт-Петербургская духовная академия, г. Санкт-Петербург, Россия, skomorokh@mail.ru.

Скрипченко Нина Юрьевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия, n.skripchenko@narfu.ru.

Тепляшин Павел Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск, Россия, pavlushat@mail.ru.

Терещенко Татьяна Георгиевна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии, Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, tati2034@yandex.ru.

Токубаев Зайрулла Сембаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Центрально-Казахстанская академия, г. Караганда, Казахстан, zairulla@mail.ru.

Уткин Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия, utkin@ui.tsu.ru.

Шабанов Вячеслав Борисович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by.

Шеслер Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Кузбасский институт ФСИН России, г. Новокузнецк, Россия, sofish@inbox.ru.

EDITORIAL BOARD

Skiba Andrey Petrovich, Editor-in-chief, DSc (Law), Professor, professor of penal law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, apskiba@mail.ru.

Rodionov Alexey Vladimirovich, Deputy Editor-in-chief, DSc (Economics), Associate Professor, professor of department of economics, management, organization of production activities and labor adaptation of convicts, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, avrpost@bk.ru.

Butenko Tatyana Pavlovna, PhD (Law), Associate Professor, head of criminal law department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, butanya1979@yandex.ru.

Gromov Vladimir Gennadievich, DSc (Law), Professor, professor of criminal, environmental law and criminology department, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia, gromov_vg@mail.ru.

Detkov Aleksey Petrovich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law and criminology department, Altai State University, Barnaul, Russia, kafupik@law.asu.ru.

Ermsov Evgeny Viktorovich, PhD (History), head of department of legislation on the execution of criminal penalties of the Department of State Policy in the field of the Penal System, The Ministry of Justice of Russia, Moscow, Russia, vvk6974@yandex.ru.

Ivantsov Sergey Vyacheslavovich, DSc (Law), Professor, Academic Secretary of the Academic Council, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia, isv1970@mail.ru.

Kashuba Yuriy Anatolevich, DSc (Law), Professor, professor of penal law and organization of educational work with convicts department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, koshianatol@yandex.ru.

Kiyko Nikolay Vladimirovich, PhD (Law), Associate Professor, head of penal law faculty, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus, avant_n@mail.ru.

Kozachenko Ivan Yakovlevich, DSc (Law), Professor, Honored worker of science of the Russia, head of criminal law department, Ural State Law University, Ekaterinburg, Russia, uglaw@yandex.ru.

Kunts Elena Vladimirovna, DSc (Law), Professor, leading researcher of department for the development of methodologies for the execution of sentences related to deprivation of liberty and the study of penal crime of the Center for the study of security issues in institutions of the penal system, Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russia, 73kuntc@mail.ru.

EDITORIAL BOARD

Malikov Boris Zufarovich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law and criminology department, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs, Ufa, Russia, malikov_bz@mail.ru.

Maloletkina Natalia Sergeevna, PhD (Law), Associate Professor, head of public law disciplines department, Samara Law Institute of the FPS of Russia, Samara, Russia, levkovka707@mail.ru.

Petryanin Alexey Vladimirovich, DSc (Law), Professor, Director of the Nizhny Novgorod Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russia, Nizhny Novgorod, Russia, petryanin@mail.ru.

Salaev Nodirbek Sapparbaevich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law, criminology and anti-corruption department, Tashkent State Law University, Tashkent, Uzbekistan, nodir-law@mail.ru.

Skakov Aydarkan Baidekovich, DSc (Law), Professor, professor of execution of sentences organization department, Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Sh. Kabylybayev, Kostanay, Kazakhstan, aidarkan@mail.ru.

Skomorokh Oleg Alexandrovich, PhD (Law), Doctor of Theology, professor of ecclesiastical and practical disciplines department, St. Petersburg Theological Academy, St. Petersburg, Russia, skomorokh@mail.ru.

Skripchenko Nina Yurievna, DSc (Law), Associate Professor, professor of criminal law and procedure department, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, n.skripchenko@narfu.ru.

Teplyashin Pavel Vladimirovich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law and criminology department, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia, pavlushat@mail.ru.

Tereshchenko Tatyana Georgievna, PhD (Law), Associate Professor, deputy head of penal law department, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus, tati2034@yandex.ru.

Tokubaev Zairulla Sembayevich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law and procedure department, Central Kazakhstan Academy, Karaganda, Kazakhstan, zairulla@mail.ru.

Utkin Vladimir Aleksandrovich, DSc (Law), Professor, Honored lawyer of the Russia, head of penal law and criminology department of Law Institute, National research Tomsk State University, Tomsk, Russia, utkin@ui.tsu.ru.

Shabanov Vyacheslav Borisovich, DSc (Law), Professor, head of criminology department, Belarusian State University, Minsk, Belarus, lawcrim@bsu.by.

Shesler Alexander Viktorovich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law disciplines department, Kuzbass Institute of the FPS of Russia, Novokuznetsk, Russia, sofish@inbox.ru.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Миссия журнала

Деятельность учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, играет важную роль в функционировании правоохранительной системы России, а также в обеспечении целостности внутренней политики государства. Уголовно-исполнительное право ориентировано на достижение целей наказания, органично дополняет различные правоотношения в области уголовного права, уголовного процесса, общественного контроля, прокурорского надзора и других форм обеспечения законности при исполнении уголовных наказаний, а также затрагивает сферу управленческих, экономических, психолого-педагогических и иных основ деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Немаловажное значение имеет исследование международных стандартов и зарубежного опыта в области исполнения уголовных наказаний. В связи с этим журнал «Уголовно-исполнительное право» является площадкой для обсуждения теоретических, правовых, организационных и иных аспектов исполнения уголовных наказаний, а также деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Журнал посвящен актуальным проблемам теории уголовно-исполнительного права, эффективности и практики его применения, межотраслевым аспектам применения уголовных наказаний, совершенствованию уголовно-исполнительного и иного законодательства, разнообразным аспектам деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, а также их взаимодействию с различными органами (организациями). Издание ориентировано на расширение контактов между учеными-пенитенциаристами, специалистами из других отраслей науки России и других государств, занимающимися различными аспектами деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Рубрики журнала охватывают все основные разделы уголовно-исполнительного права, межотраслевые

Journal mission

The activities of institutions and bodies that execute criminal penalties play an important role in the functioning of the Russian law enforcement system, as well as in ensuring the integrity of the state's internal policy. Penal law is aimed at achieving the goals of punishment, organically complements the various legal relations in the field of criminal law, criminal procedure, public control, prosecutorial supervision and other forms of ensuring the rule of law in the execution of criminal penalties, and also affects the sphere of administrative, economic, psychological, pedagogical and other activities of institutions and bodies executing punishment. The study of international standards and foreign experience in the field of execution of criminal sanctions is of great importance. In this regard, the journal «Penal law» is a platform for discussion of theoretical, legal, organizational and other aspects of the execution of criminal penalties, as well as the activities of institutions and bodies executing punishment. The journal is devoted to actual problems of theory of penal law, efficiency and practice of its application, cross-sectoral aspects of the application of criminal penalties, improvement of penal and other legislation, various aspects of Penal system and other institutions and bodies executing sentences, as well as their interaction with various bodies (organizations). The publication is aimed at expanding contacts between penitentiary scientists, specialists from other branches of science in Russia and other countries involved in various aspects of activities of institutions and bodies executing punishment. The headings of the journal cover all the main sections of penal law, inter-sectoral aspects of the application of criminal penalties, take into account the full range of penal issues. The journal publishes announcements of conferences and other information about scientific and educational life. Specific sections dedicated to the ideas of famous penitentiary scientists, including M. N. Galkin-Vraskoj, N. A. Struchkov and M. P. Melentiev.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

аспекты применения уголовных наказаний, учитывают весь спектр уголовно-исполнительной проблематики. На страницах журнала размещаются анонсы конференций и иные сведения о научной и образовательной жизни. Отдельные рубрики посвящены идеям известных пенитенциаристов, в том числе М. Н. Галкина-Враского, Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева.

Периодичность

4 выпуска в год.

Принципы работы редакции

научно обоснованный подход к отбору, рецензированию и размещению публикаций;

свободный открытый доступ к результатам исследований, использованным данным, который способствует увеличению глобального обмена знаниями;

соблюдение международных этических редакционных правил.

Плата за публикацию

Публикация в журнале бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в журнале, сохраняют за собой авторские права и предоставляют журналу право первой публикации работы, которая после публикации автоматически лицензируется на условиях [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](#), позволяющей другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в журнале.

Политика свободного доступа

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Publication Frequency

Quarterly.

Principles of editorial work

scientifically proven approach to selection, review and publication placement;

free and open access to research results, used data, which contributes to increasing of global knowledge exchange;

compliance with international ethical editorial rules.

Publication fee

Publication in the journal is free. The editors do not charge authors for preparation, placement and printing of materials.

Copyright

Authors who publish articles in the journal retain copyright and grant the journal the right to publish the material for the first time, which is automatically licensed after publication on the terms of [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](#). It allows others to distribute this work with the obligatory preservation of references to the authors of the original work and the original publication in the journal.

Free access policy

The journal provides direct open access to its content based on the following principle: free open access to research results contributes to increasing of global knowledge exchange.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи по электронной почте (editor62@yandex.ru) на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов. Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество приводятся полностью, без сокращений. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

Индивидуальные номера авторов в системах ORCID, Scopus Author ID.

Контактная информация – e-mail (публикуется в журнале).

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов, определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья. Недопускаются аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний. Должны отражать тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction); методы (Materials and Methods); результаты (Results); обсуждение (Discussion). Каждая часть должна иметь заголовок (примерно до 5 слов). Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Шрифт – Times New Roman 14 пт. Интервал – 1,5. Выравнивание – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление по ГОСТ Р 7.05-2008.

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2019. № 3. С. 17–19. URL: www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2019).

Источники приводятся в порядке их цитирования и не повторяются. У статей указывается интервал страниц (С. 54–59), у книг – общее количество страниц (542 с.).

ARTICLE REQUIREMENTS

The Editorial Board accepts articles by e-mail editor62@yandex.ru in Russian or English, with the observance of the following requirements.

Title

Up to 10–12 words. Abbreviations and formulas in the title of an article are not allowed.

Information about authors

Names are given in full, without abbreviations. The editorial office recommends the uniform spelling of names' transliteration in all articles of the author. The editors transliterate names according to the standard BSI from website <http://translit.net>.

Affiliation. Author's full affiliation (including position, name of the department, faculty and university, address and e-mail address). If the author affiliates him/herself with a public organization or institution, please, supply adequate information on the organization's full title and address.

The position is indicated in full, without abbreviations. Adjuncts, graduate students, doctoral students and applicants must indicate their status and the department to which they are attached, in full, without abbreviations.

Academic title and degree are indicated in full, without abbreviations.

Individual numbers of authors in the following database systems: ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID.

An abstract

250–400 words, determined by the content of the article. It includes the characteristics of the researched problem, objectives, research methods and materials of the study, as well as the results and main conclusions of the study. It is advisable to point out the main scientific result of the work. Unencrypted abbreviations, for the first time entered terms (including neologisms) are not allowed. For articles in Russian language it is recommended to use the Interstate standard 7.9–95 «Summary and abstract. General requirements».

Keywords

5–10 words or phrases. The list of basic concepts and categories used to describe the problem under study.

Main body of the article

Structure. The body of the text should be divided into meaningful sections with individual headings (1–5 words) to disclose the essence of this section. Every article should contain Conclusions, where the author(s) are expected to ground meaningful inferences. Implications for a future research might also find their place in Conclusions. The Editorial Board recommends using the IMRAD structure for the article. This structure is reference and can be adapted (expanded and (or) more detailed) depending on the characteristics and logic of the research.

Text of the article (design)

The text may contain tables and figures, which should have separate numbering (one numbering system for tables; another – for figures). They should be placed in the text at the appropriate paragraph (just after its reference).

References in text

References must be in Harvard style. References should be clearly cited in the body of the text, e.g. (Smith, 2006) or (Smith, 2006, p. 45), if an exact quotation is being used.

Excessive and unreasonable quoting is not allowed. Self-citations are not recommended.

Bibliographic list

At the end of the paper the author(s) should present full References in the alphabetical order as follows:

Sources are given in the order of their citation in the text (not alphabetically) and are not repeated. Interval of pages of scientific articles and parts of books must be indicated (pp. 54–59), and in monographs, textbooks, etc. – the total number of pages in the publication (p. 542).

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

- 12** *Ермасов Е. В.* Нормативно-правовое регулирование деятельности центров пробации
- 24** *Скиба А. П., Петрянин А. В.* Повышение эффективности противодействия преступлениям экстремистской направленности на примере деятельности учреждений объединенного типа
- 33** *Скоморох О. А.* К вопросу о реализации права на свободу вероисповедания осужденных при создании учреждений объединенного типа

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ, ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ИЛИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

- 41** *Тепляшин П. В.* Специальный порядок реализации прав осужденных при введении режима особых условий в исправительных учреждениях

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

- 50** *Громов В. Г., Ефремова И. А.* Восстановительное правосудие в местах лишения свободы
- 57** *Аверкин С. Д.* К вопросу о соотношении понятий «средства» и «элементы» обеспечения режима отбывания наказания
- 63** *Пронина О. В.* Предупреждение поджогов на объектах учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в контексте обеспечения личной безопасности подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Прикладной аспект
- 72** *Одинокоев К. В.* Актуальность применения оперативно-тактических методов в решении правовых и организационных проблем использования труда как одного из средств исправления осужденных

УЧРЕЖДЕНИЯ И ОРГАНЫ, ИСПОЛНЯЮЩИЕ НАКАЗАНИЯ, И ИХ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- 84** *Маликов Б. З.* Учреждения уголовно-исполнительной системы России в механизме применения и исполнения лишения свободы

ПОМОЩЬ ОСУЖДЕННЫМ, ОСВОБОЖДАЕМЫМ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ, И КОНТРОЛЬ ЗА НИМИ

- 92** *Головастова Ю. А., Елисеева Т. Н.* Понятие и признаки контроля за лицами, освобожденными от наказания в связи с болезнью

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ В ОБЛАСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

- 99** *Рахимбердин К. Х.* Экспертный анализ Правил по организации теологической реабилитационной работы с осужденными лицами в учреждениях уголовно-исполнительной системы и должностной инструкции старшего инспектора группы по организации теологической, реабилитационной работы отдела по воспитательной и социально-психологической работе среди осужденных в контексте законодательства Республики Казахстан и международных стандартов обращения с заключенными
- 113** *Гайкович С. Л.* Институт изменения условий отбывания лишения свободы: теория, практика, направления оптимизации
- 126** *Терещенко Т. Г.* Предупреждение правонарушений, совершаемых персоналом уголовно-исполнительной системы

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

- 133** *Головастова Ю. А., Видова Т. А., Митяева Ю. В.* Принудительные меры медицинского характера: история, теория и практика применения
- 142** *Стебенева Е. В.* Идеологический фактор в детерминации коррупции
- 156** *Кириллов А. А.* Некоторые особенности доказывания в процессе наложения ареста на имущество, принадлежащее юридическому лицу, для возможной его конфискации

АВТОРСКИЙ ПЕРЕВОД ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

- 163** *Бальчиндоржиева О. Б., Мяханова А. Н., Скиба А. П.* Раздел 2 «Рассмотрение апелляций, жалоб и сообщений о противоправных и преступных действиях, поданных осужденными» главы 3 «Исполнение наказаний» Закона о тюрьмах Китайской Народной Республики: авторский перевод и краткий сравнительный анализ с законодательством Российской Федерации

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Научная статья

УДК 364.465:343.8

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.012-023

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРОВ ПРОБАЦИИ

Евгений Викторович Ермасов^{1, 2, 3}

¹ Минюст России, г. Москва, Россия, vyk6974@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9523-1316>

² Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

³ НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия

Аннотация. В связи с началом применения в Российской Федерации постпенитенциарной пробации в отношении лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, автор проводит детальный анализ законодательства, определяющего правовые основы деятельности центров пробации.

Ключевые слова: центр пробации, постпенитенциарная пробация, нормативно-правовое регулирование, некоммерческие организации, индивидуальная программа ресоциализации

Для цитирования

Ермасов Е. В. Нормативно-правовое регулирование деятельности центров пробации // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 1. С. 12–23. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.012-023.

PENAL LEGISLATION

Original article

LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF PROBATION CENTERS

Evgeny Viktorovich Ermasov^{1, 2, 3}

¹ Ministry of Justice of Russia, Moscow, Russia, vvk6974@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9523-1316>

² Kutafin Moscow State Law University (MGUA), Moscow, Russia

³ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

Abstract. In connection with the beginning of the application of post-penitentiary probation in the Russian Federation for persons released from institutions serving sentences of forced labor or imprisonment, the author conducts a detailed analysis of the legislation defining the legal basis for the activities of probation centers.

Keywords: probation center, post-penitentiary probation, regulatory and legal regulation, non-profit organizations, individual rehabilitation program

For citation

Ermasov, E. V. 2025, 'Legal regulation of the activities of probation centers', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 1, pp. 12–23, doi: 10.33463/2687-122X.2024.20(1-4).1.012-023.

С 1 января 2025 г. применяется постпенитенциарная пробация в отношении лиц, освободившихся из учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Среди организаций, осуществляющих деятельность в отношении данной категории лиц, особого внимания заслуживают центры пробации. В научной литературе возникают вопросы о создании данных организаций, их статусе и организационно-правовых формах, правовых основах деятельности [1, с. 172; 2, с. 86; 3, с. 186; 4; 5; 6].

Следует учесть, что Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон о пробации) впервые в отечественной правовой системе предусмотрена возможность создания специализированных организаций, предметом деятельности которых является оказание помощи лицам, освобожденным от отбывания уголовных наказаний (лишение свободы, принудительные работы).

Вместе с тем их возникновение не является абсолютно новым в отечественном праве. Система «патроната» в Российской империи, существовавшая в XIX и начале XX вв., предусматривала оказание социальной поддержки арестантам, в том числе отбывшим наказание. Такая деятельность осуществлялась первоначально Попечительным о тюрьмах обществом и различными благотворительными учреждениями, с 1908 г. – обществами покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения (обществами патроната), и включала в себя материальную поддержку, содействие в поиске жилья и трудоустройстве, юридические услуги. Внимание уделялось также заботе о семье арестантов и сохранению их семейных связей. Особо выделялись наибо-

лее уязвимые категории – женщины и несовершеннолетние. На практике арестантам и членам их семей оказывались следующие виды помощи: обеспечение питанием, одеждой, рабочими инструментами, содействие в поиске работы и жилья, способствование возвращению на родину. Члены обществ патроната осуществляли также наблюдение за лицами, освобожденными условно-досрочно. Организации помощи освобожденным из мест заключения уделялось большое внимание учеными-правоведами, в том числе С. К. Гогелем, Д. А. Дрилем, П. И. Люблинским, С. В. Познышевым, Н. С. Таганцевым, Г. С. Фельдштейном, И. Я. Фойницким и др.

Согласно определению, содержащемуся в п. 12 ч. 1 ст. 5 Федерального закона о пробации, центром пробации является специализированная организация, создаваемая в целях оказания помощи лицам, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация, в том числе в предоставлении временного места пребывания. В соответствии с ч. 1 ст. 27 Федерального закона о пробации правом создания центров пробации наделяются некоммерческие, в том числе религиозные, организации и общественные объединения, социально ориентированные некоммерческие организации. Создание центров пробации коммерческими организациями Федеральным законом о пробации не предусматривается.

Понятие «центр пробации» содержится только в Федеральном законе о пробации и не встречается в других законодательных актах Российской Федерации. Создание центров пробации является правом, а не обязанностью организаций, указанных в ч. 1 ст. 27 Федерального закона о пробации, и таким образом не представляет собой обязательное условие реализации постпенитенциарной пробации. Обеспечение мероприятий в рамках постпенитенциарной пробации возложено на уголовно-исполнительные инспекции с участием других субъектов пробации.

В соответствии с названными положениями Федерального закона о пробации в качестве учредителей центров пробации могут быть только некоммерческие, в том числе религиозные, организации и общественные объединения, социально ориентированные некоммерческие организации. Согласно ст. 3 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее – Федеральный закон № 7-ФЗ) некоммерческая организация создается в качестве юридического лица. Следовательно, учредителем центров пробации не могут быть иные субъекты, например физические лица, которые в соответствии со ст. 10 Федерального закона № 7-ФЗ могут создавать автономные некоммерческие организации.

Создаваемые некоммерческими организациями центры пробации сами являются некоммерческими организациями и могут осуществлять один или несколько видов деятельности, не запрещенных законодательством Российской Федерации и соответствующих целям деятельности некоммерческих организаций, которые предусмотрены их учредительными документами (ст. 24 Федерального закона № 7-ФЗ).

Центры пробации не указаны в перечне субъектов пробации, содержащемся в ст. 6 Федерального закона о пробации. Однако учредители центров пробации упоминаются в ч. 3 названной статьи, согласно которой в целях осуществления мероприятий ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации могут привлекаться также некоммерческие, в том числе религиозные, социально ориентированные некоммерческие организации, организации и общественные объединения. В связи с этим мнение о проблеме отсутствия субъектности центров пробации как субъектов пробации [4, с. 76] полагаем необоснованным, так как такой субъектностью обладают учредители центров пробации.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

В Федеральном законе о пробации не регламентируются вопросы создания центров пробации, их ведомственной принадлежности, не устанавливается их организационно-правовая форма. Эти вопросы должны рассматриваться в рамках норм действующего законодательства, прежде всего Федерального закона № 7-ФЗ, Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях».

Например, согласно гл. II Федерального закона № 7-ФЗ формами некоммерческих организаций являются: общественные и религиозные организации (объединения), общины коренных малочисленных народов Российской Федерации, казачьи общества, фонды, государственная корпорация, государственная компания, некоммерческие партнерства, частные учреждения, государственные муниципальные учреждения, бюджетное учреждение, автономная некоммерческая организация, ассоциации (союзы).

Таким образом, центры пробации могут создаваться как государственными, так и негосударственными некоммерческими организациями. Еще до издания Федерального закона о пробации в субъектах Российской Федерации имелся опыт создания центров социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, как в качестве государственных, так и в качестве негосударственных организаций. В связи с этим заслуживает внимания точка зрения Уполномоченного по правам человека в Вологодской области О. А. Димони, выступающего за создание центров пробации в виде государственных бюджетных организаций социального обслуживания [7, с. 9].

При этом в рамках действующего законодательства центры пробации могут быть созданы в качестве некоммерческой организации с оформлением в виде юридического лица (согласно ч. 1 ст. 13 Федерального закона № 7-ФЗ некоммерческая организация может быть создана в результате ее учреждения или реорганизации другой некоммерческой организации такой же организационно-правовой формы и в случаях, предусмотренных федеральными законами, в результате реорганизации в форме преобразования юридического лица другой организационно-правовой формы), филиала или представительства некоммерческой организации (ст. 5 Федерального закона № 7-ФЗ: некоммерческая организация может в соответствии со ст. 55 Гражданского кодекса Российской Федерации создавать филиалы и открывать представительства, которые не являются юридическими лицами, наделяются имуществом создавшей их некоммерческой организации, действуют на основании утвержденного ею положения), территориального подразделения общественных организаций и ассоциаций, союзов (с оформлением в качестве юридического лица согласно ст. 5.1 Федерального закона № 7-ФЗ).

В соответствии с Федеральным законом о пробации основной характеристикой центра пробации является цель его создания – оказание помощи лицам, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация, в том числе в предоставлении временно-го места пребывания. Таким образом, отнесением некоммерческой организации или ее филиала, представительства, территориального подразделения к центрам пробации является наличие указанной цели в уставе некоммерческой организации – учредителя или соответствующем положении, утвержденном некоммерческой организацией, создавшей данный центр пробации без образования юридического лица. При этом использование наименования «центр пробации» не является обязательным.

Главной особенностью, юридическим признаком такой организации является оказание помощи лицам, в отношении которых применяется пробация. Может ли организация, специализирующаяся на оказании помощи лицам, в отношении которых применяется

постпенитенциарная пробация, предоставлять помощь и другим лицам (в том числе тем, кто еще отбывает наказания в виде лишения свободы или принудительные работы, или тем, кто состоит на учете в уголовно-исполнительной инспекции и в отношении которых применяется исполнительная пробация)? На наш взгляд, может, если это соответствует ее целям и направлениям деятельности, но такая организация будет выступать в качестве центра пробации только в отношении тех лиц, к кому применяется постпенитенциарная пробация. Оказание помощи в центрах пробации лицам, в отношении которых применяется исполнительная пробация, Федеральным законом о пробации не предусмотрено. Так как центр пробации является организацией, специально созданной для оказания помощи лицам, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация, то ее деятельность как центра пробации ориентирована на указанных лиц.

Постпенитенциарная пробация применяется в отношении лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и нуждающихся в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации (ч. 1 ст. 19 Федерального закона о пробации). Помощь указанным лицам оказывается в соответствии с индивидуальной программой ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации (далее – индивидуальная программа).

В центрах пробации должна оказываться помощь, предусмотренная в названной индивидуальной программе. Перечень мероприятий, подлежащих включению в индивидуальную программу, установлен в ст. 32 Федерального закона о пробации и предусматривает следующие мероприятия: 1) восстановление и формирование социальных связей; 2) консультирование по социальным и правовым вопросам; 3) оказание психологической помощи; 4) оказание содействия: в получении лицом, в отношении которого применяется постпенитенциарная пробация, документов, необходимых для реализации своих прав; в трудоустройстве; в получении общего образования, среднего профессионального образования, прохождении профессионального обучения, повышении квалификации; в получении пособия по безработице; в получении государственной социальной помощи на основании социального контракта в соответствии с законодательством Российской Федерации; в получении медицинской помощи; в получении пенсионного обеспечения (для лиц, имеющих право на его получение); в получении социальных услуг; в получении иной помощи. Приведенный перечень не является исчерпывающим.

Некоторые из указанных видов помощи являются по своей природе социальными услугами, предоставляемыми организациями, входящими в систему социального обслуживания в соответствии со ст. 5 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 442-ФЗ). Согласно п. 5 ст. 5 названного Закона в систему социального обслуживания входят также негосударственные некоммерческие организации социального обслуживания, в том числе социально ориентированные некоммерческие организации, предоставляющие социальные услуги.

В случае если центр пробации осуществляет оказание социальных услуг, то он должен руководствоваться положениями Федерального закона № 442-ФЗ. Формы социального обслуживания (на дому, полустационарная форма, стационарная форма) и виды социального обслуживания (социально-бытовые услуги, социально-медицинские услуги, социально-психологические услуги, социально-педагогические услуги, социально-трудовые услуги, социально-правовые услуги, услуги в целях повышения коммуника-

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

тивного потенциала, срочные социальные услуги) приведены в гл. 6 Федерального закона № 442-ФЗ. К срочным социальным услугам относятся в том числе обеспечение бесплатным горячим питанием или наборами продуктов, обеспечение одеждой, обувью и другими предметами первой необходимости, содействие в получении временного жилого помещения, содействие в получении юридической помощи, содействие в получении экстренной психологической помощи с привлечением к этой работе психологов и священнослужителей, иные срочные социальные услуги. Порядок предоставления таких услуг регламентирован Федеральным законом № 442-ФЗ и изданным во исполнение его положений нормативными правовыми актами.

Отдельные виды деятельности могут осуществляться центрами пробации (как некоммерческими организациями) только на основании специальных разрешений (лицензий). Перечень этих видов деятельности определяется законом (ст. 24 Федерального закона № 7-ФЗ).

В рамках подготовки введения с 1 января 2025 г. постпенитенциарной пробации Минюстом России 16 сентября 2024 г. издан приказ № 278 «Об утверждении Правил организации деятельности центров пробации» (далее – Правила), которым регламентируются вопросы организации деятельности центров пробации, устанавливаются основные мероприятия, осуществляемые центрами пробации с учетом индивидуальной программы гражданина, в отношении которого применяется постпенитенциарная пробация, порядок и основания предоставления социальных услуг и оказания помощи гражданам в центре пробации.

Вопросы утверждения структуры, штатной численности, финансирования и правил внутреннего распорядка центра пробации не являются предметом регулирования указанного приказа Минюста России и определяются в том числе уставными документами центра пробации, источниками формирования его имущества (ст. 26 Федерального закона № 7-ФЗ) или нормативными правовыми актами в сфере социального обслуживания населения (например, п. 22, 34, 37 Правил организации деятельности организаций социального обслуживания, их структурных подразделений, утвержденных приказом Минтруда России от 24 ноября 2014 г. № 940н).

Согласно Правилам, центр пробации оказывает помощь гражданину в соответствии с мероприятиями, включенными в его индивидуальную программу. При предоставлении социальных услуг помощь гражданину в соответствии с мероприятиями, включенными в его индивидуальную программу, оказывается на основе договора о предоставлении социальных услуг, заключаемого между центром пробации и гражданином или его законным представителем (ст. 17 Федерального закона № 442-ФЗ).

Основные направления деятельности центров пробации указаны в п. 6 Правил, в соответствии с которым они:

- осуществляют деятельность по оказанию помощи, не относящейся к социальным услугам, в соответствии с мероприятиями, включенными в индивидуальную программу гражданина;
- заключают между центром пробации и гражданином или его законным представителем договор о предоставлении социальных услуг в целях реализации индивидуальной программы гражданина;
- предоставляют гражданину социальные услуги в соответствии с его индивидуальной программой и договором о предоставлении социальных услуг, заключенным между центром пробации и гражданином или его законным представителем;

– обеспечивают гражданина отдельным койко-местом с комплектом постельных принадлежностей при предоставлении ему временного места пребывания;

– осуществляют регистрацию граждан по месту пребывания в порядке и случаях, установленных Правилами регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 г. № 713 (при предоставлении гражданину временного места пребывания).

Правилами определен перечень документов, при наличии которых предоставляются социальные услуги и (или) оказывается помощь гражданам в центре пробации (п. 7), перечень случаев, при которых гражданину не предоставляются социальные услуги и (или) не оказывается помощь в центре пробации (п. 10).

П. В. Тепляшин считает, что в п. 7 Правил следует предусмотреть электронную форму предоставления документов, при наличии которых предоставляются социальные услуги и (или) оказывается помощь гражданам в центре пробации [6, с. 345]. В Правилах не конкретизирована форма предоставления указанных документов. И это не случайно, так как форма предоставления документов зависит от профиля центра пробации, форм и видов предоставляемых им социальных услуг и (или) оказываемой помощи, технической оснащенности центра пробации. Вместе с тем Правила не исключают возможности предоставления таких документов и в электронной форме. Полагаем, что эта возможность будет устанавливаться центром пробации самостоятельно, а установление форм и порядка предоставления данных документов Минюстом России не требуется. Кроме того, полагаем, что такие документы, как заявление гражданина или его законного представителя, а также договор о предоставлении социальных услуг между центром пробации и гражданином или его законным представителем (при предоставлении социальных услуг) удобнее будет составлять при явке гражданина в центр пробации. При этом подача заявления гражданина или его законного представителя в письменной или электронной форме предусмотрена законодательством Российской Федерации при предоставлении социального обслуживания (ст. 14 Федерального закона № 442-ФЗ), форма подачи заявления об оказании иной помощи законодательством Российской Федерации не установлена.

Форма заключения уполномоченной медицинской организации о наличии (об отсутствии) противопоказаний, в связи с наличием которых гражданину или получателю социальных услуг может быть отказано, в том числе временно, в предоставлении социальных услуг в форме социального обслуживания на дому, или в полустационарной форме, или в стационарной форме, предусмотренная ч. 3 ст. 18 Федерального закона № 442-ФЗ, установлена приказом Минздрава России от 2 мая 2023 г. № 202н «Об утверждении Перечня медицинских противопоказаний, в связи с наличием которых гражданину или получателю социальных услуг может быть отказано, в том числе временно, в предоставлении социальных услуг в форме социального обслуживания на дому, или в полустационарной форме, или в стационарной форме, а также формы заключения уполномоченной медицинской организации о наличии (об отсутствии) таких противопоказаний». Федеральным законом № 442-ФЗ Минюст России не наделен полномочиями по установлению формы предоставления такого документа.

Согласно п. 17 Правил центр пробации ведет и использует единый реестр лиц, в отношении которых применяется пробация, в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации. Частью 4 ст. 34 Федерального закона о пробации установлено,

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

что Правительством Российской Федерации определяются не только перечень органов и организаций, имеющих доступ к единому реестру лиц, в отношении которых применяется пробация, перечень органов и организаций, уполномоченных на внесение информации, подлежащей включению в единый реестр лиц, в отношении которых применяется пробация, но и перечень видов такой информации и порядок ведения и использования единого реестра лиц, в отношении которых применяется пробация. Кроме того, в рамках реализации указанных норм центр пробации получит возможность доступа к названному реестру, который в соответствии с ч. 1 ст. 34 Федерального закона о пробации должен содержать информацию о видах, сроках, результатах реализации мероприятий пробации, лицах, в отношении которых применяется пробация, об их индивидуальных программах, индивидуальной нуждаемости, оказанных мерах социальной помощи, отказах от применения пробации.

Частью 1 ст. 28 Федерального закона о пробации на уголовно-исполнительные инспекции возложены обязанности, в том числе по направлению лиц, нуждающихся в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, в организации социального обслуживания граждан, находящиеся в ведении субъектов Российской Федерации, и иные государственные и негосударственные организации, участвующие в социальном обслуживании граждан, в случаях, предусмотренных Федеральным законом о пробации, а также по осуществлению контроля за выполнением мероприятий, предусмотренных индивидуальными программами. В целях реализации данных положений в отношении гражданина, обратившегося в центр пробации, в п. 8 Правил предусмотрено, что такой гражданин регистрируется в журнале учета лиц, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация. Следует обратить внимание на то, что журнал учета лиц, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация, содержащийся в приложении к Правилам, является рекомендуемым образцом, а не нормативным предписанием, обязательным к исполнению. Его форма может дополняться правоприменителем по собственному усмотрению.

Положение о том, что в целях оказания помощи, в том числе по предоставлению временного места пребывания, лица, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация, могут направляться уголовно-исполнительными инспекциями в центры пробации, содержится в п. 63 Порядка исполнения обязанностей и осуществления прав учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и уголовно-исполнительных инспекций в сфере пробации, утвержденного приказом Минюста России от 29 ноября 2023 г. № 350. Пунктом 39 Порядка оказания содействия осужденным, освобождающимся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, в получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве, утвержденного приказом Минюста России от 29 ноября 2023 г. № 350, предусмотрено, что в случае, если осужденный, освобождаемый из учреждения, является лицом, не имеющим постоянного места жительства и утратившим социальные связи, администрация учреждения обращается с запросом в организации социального обслуживания, предоставляющие временное место проживания, и центры пробации, предоставляющие временное место пребывания, по избранному осужденным месту пребывания. Направление в центры пробации предусмотрено также в перечне мероприятий, рекомендуемых к включению в индивидуальную программу ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, содержащемся в приложении № 3 к Порядку подготовки индивидуальной программы ресоциа-

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

лизации, социальной адаптации и социальной реабилитации, утвержденному приказом Минюста России от 29 ноября 2023 г. № 350.

Правилами также устанавливается, что основанием для приема гражданина в центр пробации, подтверждающим, что в отношении него применяется постпенитенцианая пробация, является наличие направления уголовно-исполнительной инспекции по месту жительства (месту пребывания) гражданина в центр пробации, выданного гражданину, или направления учреждения, исполняющего наказание в виде принудительных работ или лишения свободы, выданного гражданину при его освобождении от отбывания наказания, а также копии его индивидуальной программы.

П. В. Тепляшин предлагает внести в п. 10 Правил дополнение, указав в качестве случая, при котором гражданину не предоставляются социальные услуги и (или) не оказывается помощь в центре пробации, наличие у этого гражданина «неадекватного поведения с признаками психического расстройства» [6, с. 346]. Данное предложение нуждается в дополнительном обосновании, так как для его применения требуется установить признаки такого неадекватного поведения и психического расстройства, конкретизировав, о каком психическом расстройстве идет речь. В противном случае предлагаемая норма может стать основанием для необоснованного отказа в предоставлении социальной услуги и (или) оказании иной помощи в центре пробации. Кроме того, полагаем, что в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации нуждаются в том числе лица, имеющие психические заболевания, прежде всего страдающие алкогольной или наркотической зависимостью. Вопросы приема в стационарные организации социального обслуживания, а значит, и в центры пробации, предоставляющие социальные услуги в указанной форме, и выписки из таких организаций лиц, страдающих психическими расстройствами, в соответствии с ч. 6 ст. 19 Федерального закона № 442-ФЗ регулируются законодательством Российской Федерации о психиатрической помощи, в частности ст. 41 Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

В соответствии с п. 15 Правил предоставление гражданину социальных услуг и (или) оказание помощи в центре пробации прекращаются в следующих случаях:

- окончания предоставления центром пробации социальных услуг (согласно договору о предоставлении социальных услуг, заключаемому между центром пробации и гражданином или его законным представителем) и (или) оказания помощи в соответствии с мероприятиями, включенными в индивидуальную программу гражданина;
- обращения гражданина или его законного представителя с письменным заявлением об отказе в предоставлении социальных услуг и (или) оказании помощи;
- окончания срока реализации мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой гражданина;
- истечения срока действия договора о предоставлении социальных услуг, заключенного между центром пробации и гражданином или его законным представителем (при предоставлении социальных услуг);
- нарушения гражданином условий, предусмотренных договором о предоставлении социальных услуг, заключенным между центром пробации и гражданином или его законным представителем (при предоставлении социальных услуг);

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

– поступления из уголовно-исполнительной инспекции уведомления о прекращении оказания гражданину помощи и содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации;

– возникновения у гражданина медицинских противопоказаний к получению социальных услуг, подтвержденных заключением уполномоченной медицинской организации (при предоставлении социальных услуг);

– смерти гражданина или признания его судом безвестно отсутствующим или умершим;

– ликвидации (прекращения деятельности) центра пробации.

Наличие в указанном перечне таких оснований для прекращения предоставления гражданину социальных услуг и (или) оказания помощи в центре пробации, как окончание срока реализации мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой гражданина, и поступление из уголовно-исполнительной инспекции уведомления о прекращении оказания гражданину помощи и содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, обусловлено тем, что центр пробации осуществляет свою деятельность только в отношении лиц, к которым применяется постпенитенциарная пробация. Предоставление гражданину социальных услуг и (или) оказание помощи в центре пробации после прекращения применения постпенитенциарной пробации является необоснованным и будет противоречить нормам Федерального закона о пробации. Правоотношения в сфере пробации, в том числе нормы, установленные в Федеральном законе о пробации и Правилах, в этом случае уже применяться не могут. Вместе с тем гражданин может продолжить получать по другим основаниям помощь в данной организации, которая уже не будет выступать в отношении него в качестве центра пробации.

Следует также обратить внимание на то, что центры пробации не являются учреждениями уголовно-исполнительной системы. Федеральным законом о пробации ведомственная принадлежность центров пробации не определена¹. На учреждения и органы уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, включая уголовно-исполнительные инспекции, не возложена функция контроля за деятельностью центров пробации. Полномочиями по контролю за лицами, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация, уголовно-исполнительные инспекции не обладают. Лица, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация, являются лицами, отбывшими уголовное наказание, на них не распространяются уголовно-исполнительные правоотношения.

В соответствии со ст. 36 Федерального закона о пробации надзор за соблюдением законодательства Российской Федерации в сфере пробации осуществляет прокуратура Российской Федерации в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

В ряде регионов страны уже проводится работа по созданию сети центров пробации, в том числе на основе существующих некоммерческих организаций, имеющих большой и разнообразный опыт в оказании помощи лицам, освобожденным от отбывания наказания. Важнейшим условием для достижения целей постпенитенциарной пробации, в том числе профилактики рецидивной и повторной преступности в целом, является эффективная реализация мероприятий, предусмотренных в индивидуальных программах.

¹ Ведомственная принадлежность центров пробации определяется с учетом ведомственной принадлежности их учредителей в случае, если учредителями являются государственные некоммерческие организации.

Для качественной подготовки индивидуальных программ целесообразно создание общего перечня социальных услуг (федеральных, субъектовых, местных), которые могут быть предложены освобождающимся от отбывания наказания в виде лишения свободы или принудительных работ, а также общего перечня центров пробации и иных некоммерческих организаций в каждом субъекте Российской Федерации с указанием видов и форм оказываемой ими помощи лицам, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация. Использование данных перечней (реестров) позволит повысить качество наполнения индивидуальных программ конкретными мероприятиями, обеспечить индивидуальный клиентоориентированный подход при оказании содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации освобожденных лиц.

Список источников

1. Лаверычева С. А., Даланов Д. С. К вопросу о пробации в России // *Аграрное и земельное право*. 2023. № 5(221). С. 171–172.
2. Скиба А. П., Малолеткина Н. С. Закон «О пробации в Российской Федерации» как предпосылка дальнейшего развития уголовно-исполнительного права // *Вестник Кузбасского института*. 2023. № 1(54). С. 80–90.
3. Громов В. Г. Пробация и проблемы ее реализации в Российской Федерации // *Известия Саратовского университета. Сер. Экономика. Управление. Право*. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 184–191.
4. Дворянсков И. В. О создании центров пробации // *Петербургские пенитенциарные конференции : материалы комплекса Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, Пушкин, 16–17 мая 2024 г.) : в 2 т. СПб. : Университет ФСИН России, 2024. Т. 1. С. 75–78.*
5. Морозов Р. М. К вопросу об эффективности применения постпенитенциарной пробации для предупреждения преступлений // *Актуальные проблемы пробации в Российской Федерации : сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. (Вологда, 18–19 июня 2024 г.)*. Череповец : ИП Мочалов С. В., 2024. С. 134–140.
6. Тепляшин П. В. Проект правил организации деятельности центров пробации: основные положения и практические замечания // *Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер пробации, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества : сб. тез. выступ. и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 90-летию со дня образования Академии ФСИН России (г. Рязань, 31 окт. – 1 нояб. 2024 г.) : в 5 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2024. Т. 1, С. 344–347.*
7. Димони О. А. О роли центров социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, в системе пробации // *Актуальные проблемы пробации в Российской Федерации : сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. (Вологда, 18–19 июня 2024 г.)*. Череповец : ИП Мочалов С. В., 2024. С. 5–10.

References

1. Laverycheva, S. A. & Dalanov, D. S. 2023, 'On the issue of probation in Russia', *Agrarian and land law*, iss. 5(221), pp. 171–172.
2. Skiba, A. P. & Maloletkina, N. S. 2023, 'The law "On Probation in the Russian Federation" as a prerequisite for the further development of penal law', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 1(54), pp. 80–90.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

3. Gromov, V. G. 2024, 'Probation and the problems of its implementation in the Russian Federation', *Proceedings of the Saratov University. The Economics series. Management. Right*, vol. 24, iss. 2, pp. 184–191.

4. Dvoryanskov, I. V. 2024, 'On the establishment of probation centers', in *St. Petersburg Penitentiary conferences: proceedings of the complex of the International Scientific and practical Conference (St. Petersburg, Pushkin, May 16–17, 2024)*, in 2 vols, vol. 1, pp. 75–78, St. University of the Federal Penitentiary Service of Russia, St. Petersburg.

5. Morozov, R. M. 2024, 'On the effectiveness of the use of post-penitentiary probation for the prevention of crimes', in *Actual problems of probation in the Russian Federation: collection of materials of the interregional scientific and practical conference (Vologda, June 18–19, 2024)*, pp. 134–140, IP Mochalov S. V., Cherepovets.

6. Teplyashin, P. V. 2024, 'Draft rules for organizing the activities of probation centers: basic provisions and practical remarks', in *Penal system of the Russian Federation: issues of the execution of criminal penalties, the implementation of probation measures, interaction with public authorities and institutions of civil society: collection of abstracts of speeches and reports of participants of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 90th anniversary of the founding of the Academy of the FPS of Russia (Ryazan, October 31 – November 1, 2024)*, in 5 vols, vol. 1, pp. 344–347, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

7. Dimoni, O. A. 2024, 'On the role of centers for social adaptation of persons released from prison in the probation system', in *Actual problems of probation in the Russian Federation: collection of materials of the interregional scientific and practical conference (Vologda, June 18–19, 2024)*, pp. 5–10, IP Mochalov S. V., Cherepovets.

Информация об авторе

Е. В. Ермасов – кандидат исторических наук, заместитель директора Департамента государственной политики в сфере уголовно-исполнительной системы (Минюст России); доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права (МГЮА); ведущий научный сотрудник (НИИ ФСИН России).

Information about the author

E. V. Ermasov – PhD (Historical Sciences), deputy director of the State Policy in the Field of the Penal System Department (Ministry of Justice of Russia); associate professor of criminology and penal law department (MGUA); leading researcher (Research Institute of the FPS of Russia).

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 14.01.2025; одобрена после рецензирования 15.02.2025; принята к публикации 14.03.2025.

The article was submitted 14.01.2025; approved after reviewing 15.02.2025; accepted for publication 14.03.2025.

Научная статья

УДК 343.85

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.024-032

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ ОБЪЕДИНЕННОГО ТИПА

Андрей Петрович Скиба^{1,2}, Алексей Владимирович Петрянин³

¹ Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия, apskiba@mail.ru

² Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия

³ Нижегородский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Россия, petryanin@mail.ru

Аннотация. В статье с учетом недостатков российского уголовно-исполнительного и иного законодательства, а также результатов сравнительного анализа с зарубежными нормативными правовыми актами на примере деятельности учреждений объединенного типа выделяются возможности повышения эффективности противодействия преступлениям с признаками экстремизма, совершаемым осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми: изоляция осужденных за преступления экстремистского или террористического характера от основной массы содержащихся лиц и раздельное содержание между собой в зависимости от их индивидуальных характеристик как в отдельном специализированном учреждении объединенного типа по России, так и в соответствующих локальных участках таких учреждений; акцентированное применение к ним комплекса режимных, оперативных, воспитательных, психологических и иных мер, а также общественного воздействия; унификация практики исправительно-профилактической работы с рассматриваемой категорией осужденных и их досрочного освобождения от отбывания наказания.

Ключевые слова: учреждения объединенного типа, противодействие преступлениям экстремистской направленности, исправление осужденных, предупреждение преступлений и иных правонарушений, условно-досрочное освобождение, профилактический учет, религиозные организации

Для цитирования

Скиба А. П., Петрянин А. В. Повышение эффективности противодействия преступлениям экстремистской направленности на примере деятельности учреждений объединенного типа // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 1. С. 24–32. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.024-032.

© Скиба А. П., Петрянин А. В., 2025

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Original article

IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF COUNTERING EXTREMIST CRIMES USING THE EXAMPLE OF JOINT TYPE INSTITUTIONS

Andrey Petrovich Skiba^{1,2}, Alexey Vladimirovich Petryanin³

¹ St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, apskiba@mail.ru

² Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia

³ Nizhny Novgorod Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia, petryanin@mail.ru

Abstract. Taking into account the shortcomings of Russian penal and other legislation, as well as the results of a comparative analysis with foreign regulatory legal acts, the article highlights the possibilities of improving the effectiveness of countering crimes with signs of extremism committed by convicts, suspects and accused: isolation of those convicted of crimes of an extremist or terrorist nature from the bulk of the detained persons and separation from each other, depending on their individual characteristics, both in a separate specialized institution of a combined type in Russia and in the corresponding local areas of such institutions; the emphasized application of a complex of regime, operational, educational, psychological and other measures to them, and also public impact; unification of the practice of correctional and preventive work with the category of convicts in question and their early release from serving their sentences.

Keywords: joint type institutions, counteraction to extremist crimes, correction of convicts, prevention of crimes and other offenses, parole, preventive accounting, religious organizations

For citation

Skiba, A. P. & Petryanin, A. V. 2025, 'Improving the effectiveness of countering extremist crimes using the example of joint type institutions', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 1, pp. 24–32, doi: 10.33463/2687-122X.2024.20(1-4).1.024-032.

Учреждения объединенного типа фактически представляют собой новую основу организации деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС), что нашло свое закрепление в Законе РФ «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 № 1138-р) и иных документах. Смысл их создания заключается в том, чтобы в одном регионе или на межрегиональной основе сосредотачивались исправительные учреждения (ИУ) и следственные изоляторы (СИЗО) в едином центре, модернизировались и унифицировались имеющиеся технологии в сфере обеспечения режима и развития производственного сектора, а также предусматривался клиентоцентричный подход к созданию условий для содержания осужденных, подозреваемых и обвиняемых, предоставления свиданий с их родственниками, осуществления деятель-

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

ности адвокатов и общественных организаций, включая оборудование помещений для предоставления свиданий, а также для осуществления деятельности судов, органов прокуратуры, следователей, в том числе оборудование помещений для осуществления их деятельности (разд. VII Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года).

Соглашаясь с мнением Ю. П. Синельщикова, поддерживающего необходимость создания учреждений объединенного типа, но выразившего ряд озабоченностей по поводу дополнительного расходования денежных средств по их строительству вдали от крупных городов, трудностей с обеспечением изоляции разных категорий содержащихся лиц, а также реализацией их некоторых прав (в частности, на свободу совести и свободу вероисповедания), сложностей по созданию инфраструктуры для проживания сотрудников и их подбора в связи с новыми требованиями, предъявляемыми к ним [1, с. 368–374], мы считаем, что создание рассматриваемых учреждений повысит эффективность противодействия преступлениям, особенно экстремистского характера, угрожающим безопасности Российской Федерации.

В учреждениях УИС, имеющих одно из основополагающих значений в обеспечении безопасности нашей страны, противодействие преступлениям экстремистского характера должно быть на наиболее высоком уровне, особенно с учетом того, что в условиях изоляции содержатся наиболее опасные лица – осужденные, подозреваемые и обвиняемые, являющиеся приверженцами различных экстремистских или террористических организаций (АУЕ, радикальных квазирелигиозных организаций, украинских военизированных националистических объединений и т. п.).

Особенно это важно с учетом фактически ведущейся так называемой гибридной войны против России, включающей в себя новые средства достижения ее стратегического поражения (как это официально обозначается высшими должностными лицами ряда западных государств). Нельзя забывать и о пропагандистско-идеологическом воздействии из-за рубежа на российских граждан, иногда приводящем к совершению ими провокаций, преступлений и иных правонарушений, в том числе экстремистского характера, фактически направленном против нашего государства и (или) его органов, важнейших общественных институтов, наиболее значимых нематериальных благ. В последние годы подобные проявления различного рода имеют место и в ИУ, нередко с квазирелигиозной подоплекой, направленные на дестабилизацию деятельности УИС и фактически представляющие собой враждебные действия (или непосредственно связанные с ними) в отношении государственных институтов России в целом. Ввиду этого, кроме усиления боевого и иного потенциала нашей страны для обеспечения ее суверенитета, представляется также необходимой разработка теоретических аспектов и правовой основы деятельности государственных органов, в том числе по исполнению уголовных наказаний, не только в условиях «классической» агрессии против России, но с учетом применения против нее новых форматов деструктивного противодействия [2, с. 300–308; 3, с. 56–65].

Однако до сих пор уголовно-исполнительное и иное законодательство не надлежаще регулирует вопросы специализированного исправительно-профилактического воздействия в отношении такой специфической категории лиц, как осужденные за преступления экстремистского характера, когда в их отношении преимущественно лишь предусматривается установление административного надзора [ст. 173.1 Уголовно-исполнительного кодекса (УИК РФ)], возможность

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

отбывания лишения свободы за пределами территории субъекта РФ, в котором они проживали или были осуждены (ст. 73 УИК РФ), а также постановка на профилактический учет ряда лиц, в отношении которых требуется дополнительное оперативно-режимное обеспечение исполнения наказания: изучающих, пропагандирующих, исповедующих либо распространяющих экстремистскую идеологию, склонных к совершению преступлений террористического характера и экстремистской направленности, лидеров и активных участников группировок отрицательной направленности (п. 24 Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, утвержденной приказом Минюста России от 20 мая 2013 г. № 72). Налицо отсутствие законодательного закрепления адекватных мер противодействия преступному и иному правонарушающему поведению осужденных за преступления экстремистского (террористического) характера, например, при определении перечня злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания (ч. 1 ст. 116 УИК РФ) или запретов перевода в колонию-поселение (ч. 3 ст. 78 УИК РФ) либо предоставления права выезда за пределы ИУ (ст. 97 УИК РФ). Кроме того, обращает на себя внимание то, что совершение многочисленных тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе экстремистского или террористического характера, не является основанием для введения режима особых условий в ИУ (ст. 85 УИК РФ), и его установление законодательно не предусмотрено при исполнении иных наказаний, не связанных с лишением свободы (например, принудительных работ).

При этом уголовно-исполнительное законодательство зарубежных стран содержит ряд примеров по акцентированному исправительно-профилактическому воздействию в отношении рассматриваемой категории лиц:

- согласно ст. 96 УИК Республики Казахстан не подлежат переводу в учреждения минимальной безопасности, помимо прочих, осужденные за террористические или экстремистские преступления;
- по ст. 113 УИК Республики Казахстан выезды из учреждений не предоставляются в том числе осужденным за террористические или экстремистские преступления;
- в соответствии со ст. 76 УИК Киргизской Республики не подлежат оставлению в СИЗО, направлению в тюрьму или исправительную колонию особого режима для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию осужденные за преступления террористического характера или экстремистской направленности;
- согласно ст. 79 УИК Киргизской Республики изолированно от других осужденных в ИУ содержатся осужденные за преступления террористического характера или экстремистской направленности;
- не подлежат переводу в колонию-поселение разные категории осужденных, включая осужденных за преступления террористического характера или экстремистской направленности (ст. 80 УИК Киргизской Республики);
- по ст. 96 УИК Киргизской Республики запрещается передвижение без конвоя или сопровождения за пределами охраняемой территории осужденных за преступления террористического характера или экстремистской направленности;
- выезды за пределы ИУ не предоставляются осужденным за преступления террористического характера, экстремистской направленности (ст. 97 УИК Киргизской Республики);
- осужденные за преступления террористического характера или экстремистской направленности в первоначальный период в соответствии со ст. 126 УИК Киргизской Республики содержатся на строгих условиях в исправительных колониях строгого режима.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Кроме необходимости разрешения указанных проблем, выделим несколько аспектов того, почему учреждения объединенного типа могут создать основу для повышения эффективности противодействия преступлениям с признаками экстремизма, совершаемым в исправительных учреждениях.

Во-первых, с учетом того, что нередко приверженцы различных экстремистских (террористических) идеологий при попадании в ИУ с содержанием осужденных по ряду начинают массово распространять свою радикальную идею, фактически вербуя новых сторонников, требуется их максимальная изоляция от основной массы содержащихся лиц, в том числе в отдельных (специализированных) ИУ (об этом неоднократно говорилось в юридической литературе [4, с. 115–120; 5, с. 101–106]). В этом случае возможно либо создание специализированного учреждения объединенного типа по России для содержания осужденных за преступления экстремистского или террористического характера, либо выделение на межрегиональной основе в конкретных учреждениях объединенного типа соответствующих локальных участков. Кроме того, по необходимости возможно и их дополнительное раздельное содержание в зависимости, например, от конфессиональной принадлежности и (или) отнесения к конкретной квазирелигиозной организации, национальности, гражданства, организаторской и иной роли в деятельности экстремистской (террористической) организации и т. п. В связи с этим отдельно выделим такие категории лиц, которые могут обладать специальной боевой, психологической, тактической и иной подготовкой, выделяются среди основной массы осужденных за преступления экстремистского или террористического характера: «духовных лидеров», «воров в законе» и иных руководителей экстремистской (террористической) организации, «фанатиков», наемников и военнопленных, особенно относящихся к начальствующему составу незаконных военизированных объединений (на это также обращается внимание исследователями [6]).

Во-вторых, изоляция в учреждениях объединенного типа осужденных, подозреваемых и обвиняемых, являющихся наиболее активными приверженцами радикальных идеологий, позволила бы не только локально концентрировать и изолировать их от основной массы содержащихся лиц, но и акцентированно применять к ним весь комплекс мер исправительно-профилактического воздействия. Особо выделим следующие аспекты деятельности сотрудников УИС:

– режимные, обеспечивающие использование аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля для предупреждения побегов и других преступлений, нарушений установленного порядка отбывания наказания и в целях получения необходимой информации о поведении осужденных, а также их внешнюю изоляцию, включающую в себя недопущение попадания к ним изданий, пропагандирующих войну, разжигание национальной и религиозной вражды, культ насилия или жестокости, а также колюще-режущих и иных запрещенных предметов;

– оперативные, всесторонне реализующие проведение мероприятий по предупреждению, пресечению, выявлению и раскрытию преступлений и иных правонарушений, в том числе по осуществлению профилактического учета, а также в целом обеспечивающие личную безопасность осужденных, персонала учреждений УИС и иных лиц;

– воспитательные, со всевозможным акцентом на индивидуальную работу с данной категорией лиц, включая углубленную оценку степени их исправления, применение к ним мер поощрения (взыскания), уменьшение (увеличение) объема правоограничений в зависимости от их поведения и т. д.;

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

– психологические (медицинские), включающие в себя деятельность по оценке состояния здоровья осужденных, в том числе психического, по предупреждению суицидов, членовредительств и иных подобных девиантных действий.

Дополнительно нельзя не выделить необходимость надлежащей организации получения данными осужденными с учетом их негативных индивидуальных характеристик общего образования и профессиональной подготовки, а также их нравственного, правового, трудового и иного воспитания для более эффективного достижения целей уголовно-исполнительного законодательства (ст. 1 УИК РФ).

Требуется усилить и общественное воздействие в отношении осужденных за преступления экстремистского (террористического) характера, особенно со стороны религиозных организаций. Представляется, что в рамках реализации права осужденных на свободу совести и свободу вероисповедания в рамках ст. 14 УИК РФ (в данном случае нами не затрагивается вопрос об усилении государственно-частного партнерства и взаимодействия учреждений и органов УИС с религиозными организациями в контексте предупреждения преступного и иного правонарушающего поведения осужденных [7; 8, с. 62–70]) именно священнослужители могли бы оказывать всестороннюю помощь осужденным по привитию традиционных ценностей в рамках конкретного вероисповедания, искоренению имеющихся у них радикальных взглядов и т. п.

В-третьих, содержание осужденных за преступления экстремистского или террористического характера в специализированном учреждении объединенного типа по России либо в конкретных локальных участках отдельных учреждений объединенного типа, действующих на межрегиональной основе, позволит концентрировать в таких регионах соответствующих специалистов Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) по линии режимной, оперативной, психологической, воспитательной и иной работе, отвечающих повышенным требованиям (о чем говорил Ю. П. Синельщиков [1, с. 368–374]), а также представителей общественности, в том числе Русской православной церкви и других религиозных организаций.

Это позволит не только унифицировать практику исправительно-профилактической работы с данной категорией осужденных и повысить ее эффективность, но и минимизировать случаи, когда в различных ИУ, особенно находящихся в разных регионах нашей страны и (или) отдаленных местностях в связи с нехваткой сотрудников УИС и наличием иных объективных обстоятельств такая деятельность может носить в той или иной степени формальный характер, что не позволяет эффективно достигать цели уголовно-исполнительного законодательства.

Кроме того, с учетом более акцентированного обращения внимания на организацию работы по исполнению наказания со стороны ФСИН России, религиозных и иных общественных организаций, на более объективную оценку исправления этой категории лиц, возможно, аналогичным образом данный подход распространится и на деятельность органов прокуратуры, осуществляющих надзор за соблюдением законов при исполнении уголовных наказаний, судов, принимающих решения об условно-досрочном освобождении и разрешающих иные вопросы в стадии исполнения приговора, а также других государственных органов. Особенно это значимо с учетом наличия недостатков уголовного (ст. 79, 80, 81 и др. Уголовного кодекса РФ), уголовно-исполнительного (ст. 78 и 175 УИК РФ) и иного законодательства при формулировании критериев условно-досрочного освобождения и иных видов досрочного освобождения от отбывания наказания (вопрос о том, что в целом имеет место практика противоречивого применения мер поощрения (взыскания) к осужденным, оценки

степени исправления и, как следствие, их досрочного освобождения, активно обсуждается в юридической литературе [9, с. 59–63; 10, с. 523–534; 11; 12, с. 214–220; 13, с. 73–79]).

Хотелось также отметить, что создание в рамках отдельных учреждений объединенного типа полного замкнутого цикла организации исполнения наказаний со стороны ФСИН России, включая деятельность лечебно-профилактических и лечебных исправительных учреждений, воспитательных колоний, арестных домов и исправительных центров (что еще также концептуально не решено [1, с. 368–374]), теоретически позволило бы повысить эффективность достижения целей уголовно-исполнительного законодательства в целом и противодействия преступлениям и иным правонарушениям экстремистского характера осужденных в частности не только при исполнении лишения свободы, но и иных наказаний. Представляется, что подобный подход позволил бы в наибольшей степени надлежаше осуществлять дифференцированное исполнение наказания посредством разделения осужденных на однородные группы с учетом всестороннего учета их индивидуальных характеристик (что активно обсуждается специалистами [14, с. 145–150; 15; 16, с. 87–96] безотносительно рассматриваемой нами категории лиц).

Изложенное свидетельствует об актуальности совершенствования теоретических аспектов и практической реализации учреждений объединенного типа в контексте повышения эффективности как противодействия преступлениям экстремистского характера осужденных, подозреваемых и обвиняемых, так и в целом достижения целей уголовно-исполнительного законодательства.

Список источников

1. Синельщиков Ю. П. Закон об учреждениях объединенного типа: взгляд парламентария // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19(1–4), № 3. С. 368–374.
2. Петрянин А. В., Богомолов С. Ю., Неганов Д. А. Гибридная война как современный, деструктивный феномен // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19(1–4), № 2. С. 300–308.
3. Скиба А. П., Кокиев А. Ж. «Стандартное» уголовно-исполнительное законодательство как правовая основа исполнения наказания при отсутствии чрезвычайных обстоятельств: постановка проблемы // Вестник Кузбасского института. 2024. № 4(61). С. 56–65.
4. Кириллов М. А., Петрянин А. В., Пшеничнов И. М. Экстремизм в учреждениях и органах, исполняющих наказание: современное состояние, направления оптимизации противодействия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4(64). С. 115–120.
5. Петрянин А. В. Пенологические особенности предупреждения преступлений экстремистской направленности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 23. С. 101–106.
6. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения : монография / под общ. ред. А. А. Крымова; науч. ред. А. П. Скибы. 4-е изд., исправл. и доп. М. : Криминологическая библиотека, 2022. 362 с.
7. Государственно-частное партнерство в пенитенциарной сфере : монография / под ред. А. П. Скибы. Рязань : Академия ФСИН России, 2023. 220 с.
8. Скиба А. П., Скоморох О. А. Организационно-правовые проблемы противодействия радикальным проявлениям осужденных к лишению свободы в контексте обеспечения свободы совести и свободы вероисповедания // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 1(99). С. 62–70.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

9. Грушин Ф. В. Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания: некоторые аспекты функционирования // *Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика*. 2021. № 1(27). С. 59–63.

10. Давыдова И. А. Дисциплинарная ответственность осужденных: направления совершенствования российского уголовно-исполнительного законодательства на основе зарубежного опыта // *Уголовно-исполнительное право*. 2023. Т. 18(1–4), № 4. С. 523–534.

11. Дикаева Э. С. Органы внутренних дел в системе профилактики преступности условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2024. 264 с.

12. Метлин Д. Г. Проблема рационального применения мер взыскания к осужденным, отбывающим лишение свободы, в отечественных пенитенциарных учреждениях // *Уголовно-исполнительное право*. 2022. Т. 17(1–4), № 2. С. 214–220.

13. Уразбаев Р. Ш., Барабанова С. В. Противоречие оснований условно-досрочного освобождения целям наказания, установленным в части 2 статьи 43 УК РФ // *Вестник Дальневосточного юридического института МВД России*. 2018. № 1(42). С. 73–79.

14. Кириллов М. А., Петрянин А. В., Савельев В. В. Реализация принципа дифференциации исполнения наказания в нормах уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2019. № 4(48). С. 145–150.

15. Советское исправительно-трудовое право. Общая часть : учебник / под ред. М. П. Мелентьева, Н. А. Стручкова, И. В. Шмарова. Рязань, 1987. 351 с.

16. Тепляшин П. В., Тепляшина Е. А. Исполнение лишения свободы в отношении пожилых осужденных: перспективы расширения реализации принципа дифференциации // *Вестник Кузбасского института*. 2019. № 3(40). С. 87–96.

References

1. Sinelshchikov, Yu. P. 2024, 'The law on joint type institutions: a parliamentarian's view', *Penal law*, vol. 19(1-4), iss. 3, pp. 368–374.

2. Petryanin, A. V., Bogomolov, S. Yu. & Neganov, D. A. 2024, 'Hybrid warfare as a modern, destructive phenomenon', *Penal Law*, vol. 19(1–4), iss. 2, pp. 300–308.

3. Skiba, A. P. & Kokiev, A. J. 2024, "'Standard" penal legislation as the legal basis for the execution of punishment in the absence of extraordinary circumstances: problem statement', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 4(61), pp. 56–65.

4. Kirillov, M. A., Petryanin, A. V. & Pshenichnov, I. M. 2023, 'Extremism in institutions and bodies executing punishment: current state, directions for optimizing counteraction', *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 4(64), pp. 115–120.

5. Petryanin, A. V. 2013, 'Penological features of the prevention of extremist crimes', *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 23, pp. 101–106.

6. Krymov, A. A. & Skiba, A. P. (eds) 2022, *Penal legislation in the conditions of a natural disaster, the imposition of an emergency or martial law: monograph*, 4th edn, Criminological Library, Moscow.

7. Skiba, A. P. (ed.) 2023, *Public-private partnership in the penitentiary sector: monograph*, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

8. Skiba, A. P. & Skomorokh, O. A. 2024, 'Organizational and legal problems of countering radical manifestations of those sentenced to imprisonment in the context of ensuring freedom

of conscience and freedom of religion', *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, iss. 1(99), pp. 62–70.

9. Grushin, F. V. 2021, 'Institute of parole from serving a sentence: some aspects of functioning', *Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice*, iss. 1(27), pp. 59–63.

10. Davydova, I. A. 2023, 'Disciplinary responsibility of convicts: directions for improving Russian penal legislation based on foreign experience', *Penal law*, vol. 18(1–4), iss. 4, pp. 523–534.

11. Dikaeva, E. S. 2024, *Internal affairs bodies in the crime prevention system of those released on parole from serving sentences of imprisonment: PhD thesis (Law)*, St. Petersburg.

12. Metlin, D. G. 2022, 'The problem of the rational application of penalties to convicts serving imprisonment in domestic penitentiary institutions', *Penal law*, vol. 17(1–4), iss. 2, pp. 214–220.

13. Urazbaev, R. Sh. & Barabanova, S. V. 2018, 'Contradiction of the grounds for parole to the purposes of punishment established in part 2 of Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation', *Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 1(42), pp. 73–79.

14. Kirillov, M. A., Petryanin, A. V. & Savelyev, V. V. 2019, 'Implementation of the principle of differentiation of punishment in the norms of the penal legislation of the Russian Federation', *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 4(48), pp. 145–150.

15. Melentyev, M. P., Struchkov, N. A. & Shmarov, I. V. (eds) 1987, *Soviet correctional labor law. General part: textbook*, Ryazan.

16. Teplyashin, P. V. & Teplyashina, E. A. 2019, 'Execution of imprisonment in relation to elderly convicts: prospects for expanding the implementation of the principle of differentiation', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 3(40), pp. 87–96.

Информация об авторах

А. П. Скиба – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник (Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации); профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными (Академия ФСИН России);

А. В. Петрянин – доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала.

Information about the authors

A. P. Skiba – Sc.D (Law), Professor, chief researcher (St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation); professor of penal law and organization of educational work with convicts department (Academy of the FPS of Russia);

A. V. Petryanin – Sc.D (Law), Professor, director of the Nizhny Novgorod Branch.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 19.02.2025; одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 25.03.2025.

The article was submitted 19.02.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 25.03.2025.

Научная статья

УДК 343.825

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.033-040

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СВОБОДУ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ ПРИ СОЗДАНИИ УЧРЕЖДЕНИЙ ОБЪЕДИНЕННОГО ТИПА

Олег Александрович Скоморох¹

¹ Санкт-Петербургская духовная академия, г. Санкт-Петербург, Россия, skomorokh@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено вопросам, относящимся к практике взаимодействия уголовно-исполнительной системы с традиционными религиозными организациями России в условиях перспективы создания исправительных учреждений объединенного типа. В статье рассматриваются некоторые дискуссионные проблемы, касающиеся: реализации права на свободу вероисповедания осужденных в гибридных учреждениях; особенностей духовно-нравственного попечения в изолированных участках действующих учреждений уголовно-исполнительной системы; деятельности молитвенных помещений в учреждениях, подлежащих закрытию или передислокации; перспектив устройства тюремных храмов в учреждениях объединенного типа с учетом многоконфессионального состава подследственных и осужденных, содержащихся в различных режимных условиях.

Ключевые слова: Русская православная церковь, религиозные организации, уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения объединенного типа, уголовно-исполнительное законодательство

Для цитирования

Скоморох О. А. К вопросу о реализации права на свободу вероисповедания осужденных при создании учреждений объединенного типа // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 1. С. 33–40. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.033-040.

Original article

ON THE ISSUE OF THE REALIZATION OF THE RIGHT TO FREEDOM OF RELIGION OF CONVICTS IN THE CREATION OF JOINT TYPE INSTITUTIONS

Oleg Alexandrovich Skomorokh¹

¹ St. Petersburg Theological Academy, St. Petersburg, Russia, skomorokh@mail.ru

Abstract. The study is devoted to issues related to the practice of interaction between the penal system and traditional religious organizations in Russia in the context of the prospect of creating joint correctional institutions. The article discusses some controversial issues related to: the realization of the right to freedom of religion of convicts in hybrid institutions; the peculiarities of spiritual and moral care in isolated areas of existing institutions of the penal system; activities of prayer facilities in institutions subject to closure or relocation; prospects for the establishment of prison churches in joint institutions, taking into account the multi-religious composition of detainees and convicts held in various regime conditions.

Keywords: Russian Orthodox Church, religious organizations, penal system, correctional institutions of a combined type, penal legislation

For citation

Skomorokh, O. A. 2025, 'On the issue of the realization of the right to freedom of religion of convicts in the creation of joint type institutions', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 1, pp. 33–40, doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.033-040.

В 2021 г. Правительство Российской Федерации распоряжением № 1138-р утвердило Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Концепция). В рамках модернизации учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС) Концепция предполагает создание учреждений объединенного типа, в которых в соответствии с Федеральным законом от 29 мая 2024 г. № 126-ФЗ «О внесении изменения в статью 6 Закона Российской Федерации “Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации”» планируется сосредоточить исправительные колонии с изолированными участками, функционирующими как тюрьма, а также в режиме следственных изоляторов.

Рассматривая данную новацию, специалисты уголовно-исполнительного права указывают в том числе на нереализованный проект предыдущей Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р, в соответствии с которым в УИС должны были остаться только два вида исправительных учреждений: тюрьмы – для лиц, совершивших повторные преступления, и колонии-поселения – для совершивших преступления впервые. Научная дискуссия затрагивает различные аспекты очередной реформы УИС: организационно-финансовые затраты на строительство и материально-техническое обеспечение новых учреждений, изоляцию подследственных и осужденных различных категорий, обеспечение режима и безопасности,

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

в том числе при массовых беспорядках, введении режима особых условий, пандемии [2, с. 38]. Вместе с тем в исправительных учреждениях нового типа немаловажным останется вопрос создания благополучной социальной среды, условий для поддержания контактов осужденных с их родственниками, развития и применения основных направлений пенитенциарной probation, предусмотренных гл. 4 Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10 «О probation в Российской Федерации», среди которых: проведение социальной и воспитательной работы с осужденными, социальная реабилитация и подготовка их к освобождению с оказанием содействия в получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве.

В данном отношении представляет интерес мнение Ю. П. Синельщикова, отраженное в статье «Закон об учреждениях объединенного типа: взгляд парламентария» [3]. Рассматривая ряд проблемных вопросов, связанных с реализацией намеченной реформы, автор говорит также о функционировании института тюремного служения и реализации осужденными права на свободу совести и вероисповедания. В частности, одним из рисков при создании учреждений объединенного типа является проблема неопределенного будущего тюремных храмов в учреждениях, которые будут закрыты при передислокации исправительных учреждений, а также необходимости создания в новых учреждениях религиозных объектов для осужденных разного вероисповедания с соблюдением принципа раздельного содержания различных категорий осужденных [3, с. 372–373].

Необходимо отметить, что обеспечение права на свободу вероисповедания граждан, относящихся к различным категориям: подследственным, подозреваемым, обвиняемым, осужденным, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, гарантировано ст. 28 Конституции РФ и регулируется ч. 14 ст. 17 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и ст. 14 Уголовно-исполнительного кодекса (УИК). Священнослужители, закрепленные за учреждениями УИС, на основании соглашений о взаимодействии, содержание которых закреплено приказом Минюста России от 21 марта 2016 г. № 67 «Об утверждении требований к содержанию соглашений о взаимодействии ФСИН России и территориальных органов уголовно-исполнительной системы с зарегистрированными в установленном порядке централизованными религиозными организациями», оказывают духовную поддержку и содействуют реализации права на свободу вероисповедания всем лицам, содержащимся в исправительных учреждениях (ИУ) и следственных изоляторах (СИЗО).

При этом в СИЗО содержатся как подследственные, подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений, так и осужденные в составе отрядов хозяйственного обслуживания. Кроме того, в СИЗО имеются медико-санитарные части, в том числе больницы специализированного типа (пример – Туберкулезная больница № 1 в СИЗО-6 г. Санкт-Петербурга, психиатрическое отделение Больница № 2 в СИЗО-1 г. Санкт-Петербурга «Кресты» – филиалы ФКУЗ МСЧ-78 ФСИН России). В одном СИЗО-5 по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области содержатся различные категории граждан: подследственные, подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений – женщины, несовершеннолетние, женщины, содержащиеся в отделении «Мать и дитя», осужденные, входящие в состав отрядов хозяйственного обслуживания. При этом отдельного внимания священнослужителей могут потребовать лица, помещенные в карантин, карцер, безопасное помещение.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

В исправительных колониях осужденные, в свою очередь, также могут находиться в различных условиях отбывания лишения свободы в рамках одного вида режима и в изолированных участках с различными видами режима, в том числе в помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора (ПФРСИ), действующих на основании приказа Минюста России от 14 июня 2005 г. № 86 «О создании помещений, функционирующих в режиме следственных изоляторов, и утверждении Перечня исправительных учреждений, на территориях которых созданы помещения, функционирующие в режиме следственных изоляторов», где содержащиеся граждане изолированы от других осужденных, так же как изолированы осужденные, содержащиеся в строгих условиях отбывания наказаний ИУ, помещениях камерного типа (ПКТ и ЕПКТ) и штрафных изоляторах. Кроме того, в состав ИУ могут входить: участок колонии-поселения, участок тюрьмы, участок колонии общего вида режима при воспитательной колонии, участок лечебно-исправительного либо лечебно-профилактического учреждения, а также участки исправительных центров, где в соответствии со ст. 81 УИК РФ исполняются уголовные наказания, не связанные с лишением свободы, в виде принудительных работ. В связи с этим представляется целесообразным предложение Ю. П. Синельщикова внести на рассмотрение в Государственную Думу законопроект о том, чтобы в учреждениях объединенного типа могли бы находиться также воспитательные колонии, лечебные исправительные учреждения и арестные дома [3, с. 373].

Д. Б. Горбань, представляя современное комплексное ИУ, указывает на тенденцию к созданию мультирежимных или гибридных учреждений начиная с Концепции реформы уголовно-исполнительной системы ГУИД МВД СССР 1990 г. [1, с. 42]. Таким образом, действующее законодательство и практика деятельности отдельных исправительных учреждений в настоящее время предусматривают функционирование различных участков внутри одного исправительного учреждения, что является важным этапом реализации проекта по организации исправительных учреждений объединенного типа.

Все перечисленные категории граждан, содержащиеся в учреждениях УИС, имеют различный юридический статус и порядок содержания, что обуславливает особенности реализации их права на свободу вероисповедания, закрепленные приказом Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» (далее – ПВР СИЗО, ПВР ИУ и ПВР ИЦ). В данном документе право на свободу вероисповедания подробно раскрывается в соответствующих разделах: разд. XVII ПВР СИЗО «Отправление подозреваемыми и обвиняемыми религиозных обрядов», разд. XVI ПВР ИУ «Отправление осужденными к лишению свободы религиозных обрядов», а также разд. VIII «Отправление осужденными к принудительным работам религиозных обрядов». Предусматривается совершение религиозных обрядов и церемоний, пользование предметами культа и религиозной литературой, а также встречи со священнослужителями зарегистрированных в РФ религиозных объединений по выбору осужденных.

Правоприменительная практика уже сегодня сложилась таким образом, что священнослужители, совершающие духовно-пастырское служение в местах лишения свободы, работают в поле как уголовно-процессуального, так и уголовно-исполнительного законодательства, что не вызывает правовых коллизий и не предполагает возникновение сложностей при создании гибридных учреждений объединенного типа (особенно

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

с учетом тенденции увеличения количества штатных священнослужителей, состоящих в должностях помощников начальников территориальных управлений Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) по организации работы с верующими и помощников начальников СИЗО по работе с верующими, с намечающейся перспективой введения должностей для священнослужителей во всех исправительных колониях ФСИН России¹).

Кроме того, теоретически интересной представляется перспектива изолированного содержания в отдельном участке учреждения, например, осужденных за преступления, связанные с религиозным экстремизмом, осужденных – представителей религиозных организаций, деятельность которых запрещена в Российской Федерации, а также неоязычников, влияние которых на большинство осужденных может иметь негативный, деструктивный характер. Примером могут служить изменения ст. 73 и 81 УИК РФ, принятые Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 548-ФЗ, которыми установлен порядок отбывания наказания осужденным, приверженным идеологии терроризма в тюрьмах в условиях изоляции от других осужденных. При принятии данного Федерального закона в научной среде велась дискуссия относительно эффективности подхода раздельного содержания осужденных за преступления террористического характера, в ходе которой рассматривались различные аспекты законодательного, оперативного, режимного, психолого-педагогического характера, в том числе отмечались сложности в работе по исправлению осужденных-террористов в силу их извращенных религиозных убеждений [6, с. 47]. Внесенные изменения позволяют в условиях тюрьмы изолировать их от других осужденных на первые несколько лет, чтобы с ними в более строгих условиях режима проводились воспитательные мероприятия, работали психологи, оперативные службы и другие специалисты².

В контексте данного вопроса важной представляется мысль А. П. Скибы, который отмечает, что хотя традиционные конфессии обладают серьезным исправительно-профилактическим потенциалом, но он учитывается недостаточно. Хотя это было бы особенно актуально для лиц, осужденных за преступления, совершенные по мотивам религиозной ненависти или вражды. Кроме того, в настоящее время имеет место ситуация, когда приглашение и общение со священнослужителем является исключительным правом осужденного без возможности проявления соответствующей инициативы со стороны как администрации учреждения, исполняющего наказание, так и самой религиозной организации [4, с. 89–90]. В случае введения священнослужителей в штат исправительных учреждений объединенного типа расширяются возможности общественного воздействия и участия в воспитательной работе с осужденными со стороны религиозных организаций.

Еще один проблемный вопрос, который затрагивает Ю. П. Синельщиков, рассматривая перспективу организации исправительных колоний объединенного типа, касается молитвенных помещений, расположенных в учреждениях УИС, используемых для проведения религиозных обрядов и церемоний. Автор указывает на возможную проблему будущих тюремных храмов в ИУ, которые подлежат закрытию и передислокации, а также необходимость создания новых объектов для проведения религиозных обрядов в гибридных

¹ См.: Минюст России готовит введение должности для священников во всех исправительных колониях // Министерство юстиции Российской Федерации : сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/50090> (дата обращения: 14.01.2025).

² См.: В России ликвидировали 24 исправительных учреждения за год // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20240321/fsin-1934699270.html?ysclid=m5uqko4vku491118170> (дата обращения: 14.01.2025).

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

колониях с учетом различия осужденных в вероисповедании, а также соблюдения принципа раздельного содержания различных категорий осужденных [3, с. 372–373].

Помещения религиозного назначения в исправительных учреждениях действительно имеют большое значение для реализации права подследственных и осужденных на свободу исповедания и права религиозных объединений на совершение религиозных обрядов и церемоний в местах содержания под стражей и местах лишения свободы, закрепленного ч. 3 ст. 16 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», что в целом содействует реализации основных средств исправления осужденных, таких как воспитательная работа и общественное воздействие, закрепленных в ст. 9 УИК РФ.

Ю. П. Синельщиков верно отмечает, что в учреждениях УИС в настоящее время действует более 1500 молитвенных помещений, принадлежащих к разным вероисповеданиям. При этом вопрос о том, что произойдет с тюремными храмами при передислокации или закрытии учреждений УИС не связан только с появлением гибридных колоний. Тенденция последних лет показывает сокращение как численности осужденных к уголовным наказаниям, связанным с лишением свободы, так и исправительных учреждений. При их ликвидации возможны несколько вариантов использования молитвенных помещений ИУ:

- в случае если исправительная колония репрофилируется в исправительный центр, храм остается для использования осужденными к принудительным работам;
- при полной ликвидации колонии тюремный храм можно разобрать и перевезти в иное учреждение УИС;
- если учреждение находилось вблизи населенного пункта, отдельностоящий храм подлежит передаче местной религиозной организации для использования местными жителями.

По конфессиональному признаку сложности с передислокацией молитвенных помещений возникают в основном у представителей Русской православной церкви, поскольку если храм построен с алтарем и святым престолом для совершения Божественной Литургии и освящен Великим Чином, какие бы то ни было изменения в отношении храма недопустимы. И если исправительное учреждение ликвидируется без дальнейшего использования и находится в удаленной от населенных пунктов местности, храм возможно останется просто закрытым. Вместе с тем необходимо отметить, что большинство православных тюремных храмов (расположенных отдельными строениями на территории ИУ или находящиеся во внутренних помещениях) могут быть в виде молитвенной комнаты, часовни, храма, освященного малым чином, что принципиально не препятствует их перемещению в случае необходимости. Принципиально та же ситуация с молитвенными помещениями мусульман и иудеев.

При организации исправительных колоний объединенного типа с изолированными участками потребуются выделение или строительство помещений для совершения религиозных обрядов с площадью, достаточной для одновременного размещения допустимого количества верующих осужденных, принадлежащих к централизованным религиозным организациям, с которыми заключены соответствующие соглашения о взаимодействии с ФСИН России (ч. 4.1 ст. 14 УИК РФ). Причем если на территории исправительной колонии это может быть отдельностоящий храм, то на изолированных участках достаточно молитвенных комнат, представляющих основные традиционные вероисповедания России (в соответствии с преамбулой Федерального закона

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях») – православие, ислам, иудаизм и буддизм.

К сожалению, до сих пор не решен вопрос о регистрации должным образом молитвенных сооружений, возведенных на территории ИУ, что вызывает сложности в их функционировании, техническом обслуживании, обеспечении коммуникациями и текущем ремонте. На сегодняшний день эти вопросы решаются исключительно в частном порядке на уровне руководства учреждений и священнослужителей религиозных организаций. Для системного решения данного вопроса при проектировании и планировании строительства исправительных колоний объединенного типа необходимо внести дополнение в приказ Минстроя России от 20 октября 2017 г. № 1454 «Об утверждении свода правил – Исправительные учреждения и центры уголовно-исполнительной системы. Правила проектирования» в раздел «Требования к размещению зданий и сооружений жилой, режимной, изолированной жилой, производственной, хозяйственно-складской зон ИУ», касающийся размещения молитвенных помещений централизованных религиозных организаций в жилой зоне ИУ вне локальных изолированных участков [5, с. 110].

Таким образом, в отношении реализации права на свободу вероисповедания осужденных при создании гибридных колоний можно выделить несколько моментов.

Во-первых, принцип раздельного содержания различных категорий осужденных не предполагает ограничения реализации их права на свободу вероисповедания, реализуемого в соответствии с уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным законодательством.

Во-вторых, размещение подследственных и осужденных на изолированных участках не исключает возможности встреч со священнослужителями для проведения религиозных обрядов и церемоний, особенно с учетом тенденции к увеличению количества священнослужителей, занимающих штатные должности в учреждениях УИС, с возможностью проведения духовно-нравственной и воспитательной работы с различными категориями подследственных и осужденных.

В-третьих, при проектировании исправительных учреждений объединенного типа целесообразно разработать в отдельном разделе нормативных документов состав и нормативные показатели площадей и планировки молитвенных помещений исходя из условий ИУ.

В целом для решения обозначенных вопросов необходимо расширение участия священнослужителей в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы.

Список источников

1. Горбань Д. В. «Комплексные» исправительные учреждения в пенитенциарной системе России на современном этапе ее реформирования // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 1. С. 38–43.
2. Кириловский О. В., Лапенков Е. О. К вопросу о реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года как доктринального акта планирования в современных условиях // Вопросы современной науки и практики. 2022. № 2(7). С. 36–40.
3. Синельщиков Ю. П. Закон об учреждениях объединенного типа: взгляд парламентария // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19(1–4), № 3. С. 368–374.
4. Скиба А. П. Направления развития сотрудничества уголовно-исполнительной системы и традиционных конфессий при исполнении наказаний, связанных с изоляцией от общества // Вестник Югорского государственного университета. 2018. № 2(49). С. 87–91.

5. Скоморох О. А. Тюремное служение Русской православной церкви: направления развития // Вестник Кузбасского института. 2023. № 3(56). С. 105–116.

6. Шкунова М. Д. Основные проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных-террористов // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 2. С. 45–47.

References

1. Gorban, D. V. 2015, ‘“Complex” correctional institutions in the Russian penitentiary system at the current stage of its reform’, *Current issues in the fight against crime*, iss. 1, pp. 38–43.

2. Kirilovsky, O. V. & Lapenkov, E. O. 2022, ‘On the implementation of the Concept of the development of the penal system until 2030 as a doctrinal act of planning in modern conditions’, *Issues of modern science and practice*, iss. 2(7), pp. 36–40.

3. Sinelshchikov, Yu. P. 2024, ‘The law on joint type institutions: a parliamentarian’s view’, *Penal law*, vol. 19(1-4), iss. 3, pp. 368–374.

4. Skiba, A. P. 2018, ‘Directions for the development of cooperation between the penal system and traditional faiths in the execution of punishments related to isolation from society’, *Bulletin of Ugra State University*, iss. 2(49), pp. 87–91.

5. Skomorokh, O. A. 2023, ‘Prison ministry of the Russian Orthodox Church: directions of development’, *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 3(56), pp. 105–116.

6. Shkunova, M. D. 2010, ‘The main problems of the execution of imprisonment in relation to convicted terrorists’, *Penal law*, iss. 2, pp. 45–47.

Информация об авторе

О. А. Скоморох – доктор богословия, кандидат юридических наук, профессор кафедры церковно-практических дисциплин.

Information about the author

O. A. Skomorokh – Doctor of Theology, PhD (Law), professor of the ecclesiastical and practical disciplines department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 14.01.2025; одобрена после рецензирования 15.02.2025; принята к публикации 13.03.2025.

The article was submitted 14.01.2025; approved after reviewing 15.02.2025; accepted for publication 13.03.2025.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ, ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ИЛИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Научная статья

УДК 343.8

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.041-049

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ ПРИ ВВЕДЕНИИ РЕЖИМА ОСОБЫХ УСЛОВИЙ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Павел Владимирович Тепляшин¹

¹ Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск, Россия, pavlushat@mail.ru

Аннотация. В статье приводятся аргументы отнесения специального порядка реализации прав осужденных при введении режима особых условий в исправительных учреждениях к институту уголовно-исполнительного права. В частности, указывается на то, что соблюдение такого принципа уголовно-исполнительного законодательства, как дифференциация исполнения наказаний, детерминировало при введении режима особых условий в исправительных учреждениях применение специализированного подхода к реализации прав осужденных. Обозначаются проблемы институционализации исследуемого специального порядка, одной из которых является то, что законодатель недостаточно четко и полно определил перечень его оснований. Сделан вывод о том, что в общем правовом каркасе рассматриваемого института должно найтись место юридическим обязанностям осужденных и их дополнительным субъективным правам.

Ключевые слова: военное положение, карантин, правовой статус осужденных, уголовно-исполнительная система, чрезвычайные условия

Для цитирования

Тепляшин П. В. Специальный порядок реализации прав осужденных при введении режима особых условий в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 1. С. 41–49. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.041-049.

PENAL LAW IN THE CONDITIONS OF NATURAL DISASTER, EMERGENCY OR MARTIAL LAW

Original article

A SPECIAL PROCEDURE FOR EXERCISING THE RIGHTS OF CONVICTS WHEN INTRODUCING A REGIME OF SPECIAL CONDITIONS IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

Pavel Vladimirovich Teplyashin¹

¹ Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia, pavlushat@mail.ru

Abstract. The article provides arguments for attributing a special procedure for exercising the rights of convicts when introducing a regime of special conditions in correctional institutions to the institute of penal law. In particular, it is pointed out that compliance with the principle of penal legislation, such as the differentiation of the execution of sentences, determined the application of a specialized approach to the realization of the rights of convicts when introducing a regime of special conditions in correctional institutions. The problems of institutionalization of the special order under study are outlined, one of which is that the legislator has not clearly and fully defined the list of its grounds. It is concluded that in the general legal framework of the institution under consideration there should be a place for the legal duties of convicts and their additional subjective rights.

Keywords: martial law, quarantine, legal status of convicts, penal system, emergency conditions

For citation

Teplyashin, P. V. 2025, 'A special procedure for exercising the rights of convicts when introducing a regime of special conditions in correctional institutions', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 1, pp. 41–49, doi: 10.33463/2687-122X.2024.20(1-4).1.041-049.

Значимость изучения особенностей правового регулирования реализации прав осужденных при введении режима особых условий в исправительных учреждениях объясняется не только практической целесообразностью, но и теоретической ценностью такого исследования. В работах по данной тематике верно отмечается, что исполнение уголовных наказаний в чрезвычайных условиях является специфичным процессом «деятельности соответствующих пенитенциарных учреждений и органов, направленной на достижение как целей наказания, так и целей установления соответствующего чрезвычайного или иного положения и нейтрализацию негативных последствий разных оснований его введения (стихийного бедствия, захвата заложников, эпидемии, боевых действий и пр.) в том числе в контексте обеспечения правового положения осужденных» [6, с. 112].

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ...

Эффективность нормативно-правовых установок, регламентирующих режим особых условий в исправительных учреждениях, сопряжена с качественной проработкой механизма правового регулирования соответствующих общественных отношений. Не случайно процесс постоянной оптимизации институтов и субинститутов уголовно-исполнительного права коснулся и группы правовых норм, закрепленных в ст. 85 УИК РФ. Так, Федеральным законом от 28 февраля 2023 г. № 44-ФЗ «О внесении изменений в статью 85 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» данная статья была дополнена ч. 2.1 следующего содержания: «В период действия режима особых условий в случаях введения режима повышенной готовности, ограничительных мероприятий (карантина) права осужденных, предусмотренные статьей 89, статьей 90 (в части получения осужденными передач), статьями 96 и 97 настоящего Кодекса, могут быть реализованы в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний. Во всех остальных случаях введения режима особых условий в указанном порядке могут быть реализованы права осужденных, предусмотренные ст. 88–97 настоящего Кодекса». Это нововведение свидетельствует о желании законодателя оптимизировать нормативно-правовой механизм введения и осуществления режима особых условий в исправительных учреждениях, а также гармонизировать его с реализацией правового статуса осужденных.

Фактически дополнение ст. 85 УИК РФ новой частью институционализировало специальный порядок реализации прав осужденных при введении режима особых условий в исправительных учреждениях (далее – специальный порядок). Данный порядок включает в себя совокупность единообразных и взаимосвязанных уголовно-исполнительных норм, регламентирующих достаточно узкую, но однородную совокупность общественных отношений. Следовательно, специальный порядок является относительно обособленным институтом уголовно-исполнительного права. Как точно утверждают В. Д. Филимонов и О. В. Филимонов, институт уголовно-исполнительного права «осуществляет комплексное регулирование тождественных, однородных, производных от них и иным образом связанных между собой общественных отношений в сфере исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера» [7, с. 220]. Специальный порядок, в свою очередь, является частью субинститута режима особых условий в исправительных учреждениях.

Целесообразно обратиться к основным предпосылкам, обусловившим нормативно-правовое закрепление специального порядка. Во-первых, появилась потребность более надежного решения такой задачи уголовно-исполнительного права, как охрана прав, свобод и законных интересов осужденных (ч. 2 ст. 1 УИК РФ) в обстановке, в рамках которой повышается риск нарушения либо несоблюдения прав лиц, отбывающих уголовное наказание. Следовательно, потребовалось предусмотреть дополнительные юридические гарантии защиты прав, свобод и законных интересов осужденных, а также их родственников и близких лиц. В частности, согласно п. 218(1) приказа (приложение 2) Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» (далее – Правила) в случаях введения на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях чрезвычайного или военного положения, режима повышенной готовности или чрезвычай-

ной ситуации осужденным к лишению свободы длительные и краткосрочные свидания предоставляются при отсутствии угрозы жизни и здоровью этих осужденных, сотрудников уголовно-исполнительной системы, а также иных лиц, находящихся на территории исправительного учреждения.

Во-вторых, следование такому принципу уголовно-исполнительного законодательства, как дифференциация исполнения наказаний, детерминировало при введении режима особых условий в исправительных учреждениях применение специализированного подхода к реализации прав осужденных. Данный подход проявляется в том, что существует две разновидности применения специального порядка: 1) в случаях введения режима повышенной готовности и ограничительных мероприятий (карантина); 2) в остальных случаях введения режима особых условий (в частности, чрезвычайного или военного положения, режима чрезвычайной ситуации). По замыслу законодателя формальным критерием такой классификации выступает характер влияния конкретного основания введения режима особых условий на степень ограничения контактов (социальных связей) осужденных, отбывающих лишение свободы, с внешним миром, а также на досуг осужденных (в частности, на просмотр осужденными телепередач и прослушивание радиопередач). По логике такого критерия значительная (чрезвычайная) степень обозначенных контактов распространяется на случаи введения режима чрезвычайного или военного положения, режима чрезвычайной ситуации; минимальная – на случаи введения режима повышенной готовности и ограничительных мероприятий (карантина). Фактически специальный порядок дифференцированно ориентирован в незначительном объеме на случаи введения режима повышенной готовности и ограничительных мероприятий (карантина), поскольку при этих обстоятельствах права осужденных, предусмотренные ст. 89 и 90 (в части получения осужденными передач), ст. 96 и 97 УИК РФ, могут быть реализованы в соответствии с предписаниями п. 6(1) Правил, тогда как при введении чрезвычайного или военного положения, режима чрезвычайной ситуации уже более значительный объем прав осужденных, закрепленных в ст. 88–97 УИК РФ, реализуется по специальным правилам, предусмотренным п. 6(1) Правил.

В-третьих, такой принцип уголовно-исполнительного законодательства, как соединение наказания с исправительным воздействием, потребовал применения диспозитивных механизмов обращения с осужденными при введении режима особых условий в исправительных учреждениях, предполагающих поддержание работоспособности уголовно-исполнительной системы и исправления осужденных даже в границах чрезвычайных общественных отношений. Применительно к основаниям применения специального порядка законодатель в ст. 85 УИК РФ использует словосочетание «могут быть». Данный способ юридической техники подчеркивает внедрение в механизм «чрезвычайного» регулирования элементов диспозитивности и поддержания исправительного воздействия на осужденных.

В-четвертых, объективная необходимость обеспечения безопасности сотрудников и работников учреждений, исполняющих наказания, потребовала внести рассматриваемые новации в ст. 85 УИК РФ. Состояние защищенности уголовно-исполнительной системы обусловило установление дополнительных правил, предусмотренных специальным порядком. Так, на основании п. 102(1) Правил в случаях введения на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях чрезвычайного или военного положения, чрезвычайной ситуации получение осужденными к лишению свободы посылок, передач и бандеролей, отправление ими посылок и бандеролей осуществляются

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ...

при отсутствии угрозы жизни и здоровью осужденных к лишению свободы, сотрудников уголовно-исполнительной системы, а также иных лиц, находящихся на территории исправительного учреждения. Указание на «иных лиц, находящихся на территории исправительного учреждения» демонстрирует желание законодателя оградить от соответствующих угроз не только осужденных, но и персонал исправительного учреждения.

Однако институционализация специального порядка не решила ряда проблем как теоретического, так и практического характера, которые вызваны не столько законотворческими упущениями при инновационных дополнениях в ст. 85 УИК РФ, сколько недостаточной глубиной научной проработанности соответствующих первичных аспектов.

Одной из таких научно-правовых лакун выступает первичный аспект, касающийся оснований применения специального порядка. Так, нельзя не согласиться с мнением Е. Д. Харитонович и А. П. Скибы, которые обосновано отмечают, что эти «обстоятельства (стихийное бедствие, массовые беспорядки осужденных и др.) являются основаниями введения режима особых условий. Однако среди них отсутствуют, например, другие чрезвычайные ситуации (эпидемии, эпизоотии, пожары, наводнения и т. д.), которые могут серьезно осложнить обстановку в конкретном регионе» [8, с. 70]. В унисон этому критическому замечанию Д. В. Горбань и О. С. Ефремова настаивают на том, что «необходимо внести изменения в ч. 4 ст. 85 «Режим особых условий в исправительных учреждениях» Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации 1996 года: после слов «при массовых беспорядках» добавить слова «совершении побегов осужденными» [1, с. 25]. Следует отметить, что перспективы нормативно-содержательного обогащения оснований применения специального порядка допустимо рассматривать через призму оснований режима особых условий в местах содержания под стражей, которые, в сравнении со ст. 85 УИК РФ, достаточно подробно и более полно изложены в ст. 48 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». На данную особенность обращается внимание и в соответствующих исследованиях [4, с. 85].

Следует признать, что законодатель весьма скупой подошел к вопросу об основаниях применения специального порядка, недостаточно четко и полно определил перечень таких оснований. Данная ситуация требует соответствующей нормотворческой корректировки.

Как уже было отмечено, значительная (чрезвычайная) степень ограничения контактов (социальных связей) осужденных, отбывающих лишение свободы, с внешним миром, а также досуга осужденных предполагается в случаях введения режима чрезвычайного или военного положения, режима чрезвычайной ситуации, тогда как минимальная – в случаях введения режима повышенной готовности и ограничительных мероприятий (карантина). Представляется, что это достаточно опрощенное решение законодателя, которое в случаях введения ограничительных мероприятий (карантина) может ощутимо снижать возможность защиты соответствующих прав осужденных, не в полной мере соотносится с задачами обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы, расходится с такими принципами уголовно-исполнительного законодательства, как дифференциация исполнения наказаний и соединение наказания с исправительным воздействием.

Действительно, если обратиться к содержанию, например, понятия «чрезвычайное положение», которое зафиксировано в ст. 1 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (далее – Федеральный конституционный закон), то становится ясно, что это вводимый особый правовой режим, при котором допускаются отдельные ограничения прав и свобод граждан Российской Фе-

дерации, иностранных граждан, лиц без гражданства. При этом обстоятельства введения чрезвычайного положения, закрепленные в ст. 3 Федерального конституционного закона, достаточно весомые (например, массовые беспорядки, террористические акты, блокирование или захват особо важных объектов или отдельных местностей, подготовка и деятельность незаконных вооруженных формирований, межнациональные, межконфессиональные и региональные конфликты, сопровождающиеся насильственными действиями, создающие непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан; чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей). Данные обстоятельства способны создавать объективные препятствия для реализации тех прав осужденных, которые закреплены в ст. 88–97 УИК РФ. Следовательно, чрезвычайное положение законодателем обосновано включено в перечень чрезвычайных случаев, которые являются основанием реализации прав осужденных в соответствии с положениями п. 6(1) Правил. Однако при введении карантинного режима степень ограничений прав осужденных также может быть существенной. Даже исходя из определения ограничительных мероприятий (карантина), которое закреплено в ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» как «административные, медико-санитарные, ветеринарные и иные меры, направленные на предотвращение распространения инфекционных заболеваний и предусматривающие особый режим хозяйственной и иной деятельности», видно, что они предполагают достаточно глубокое лимитирование жизнедеятельности.

Опыт функционирования исправительных учреждений в условиях пандемии COVID-19 доказывает этот факт. По этому поводу М. В. Прохорова и М. В. Киселев аргументированно пишут: «В случаях наличия случаев массового распространения коронавирусной инфекции начальниками территориальных органов и учреждений УИС поднимался вопрос о введении режима особых условий. В соответствии с требованиями ст. 85 УИК РФ в период режима особых условий в учреждениях приостанавливалась реализация некоторых прав и законных интересов осужденных, предусмотренных ст. 89–97 УИК РФ» [5, с. 109]. На этом основании целесообразно ограничительные мероприятия (карантин) включить в перечень чрезвычайных случаев, которые являются основанием реализации прав осужденных, закрепленных в ст. 89–97 УИК РФ, в соответствии с положениями п. 6(1) Правил.

Необходимо отметить, что в соответствии с п. «б» ч. 6 ст. 4.1 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» режим повышенной готовности объявляется при угрозе возникновения чрезвычайной ситуации. Таким образом, режим повышенной готовности предшествует введению чрезвычайной ситуации и по логике законодателя не предполагает такого объема правоограничений, как при чрезвычайной ситуации. Как верно уточняет А. Ж. Кокиев, режим повышенной готовности относится к двухэтапной группе оснований введения режима особых условий в исправительных учреждениях, «то есть которые реализуются только после введения режимов ограничительных мероприятий» [2, с. 80]. Следовательно, режим повышенной готовности законодателем обосновано включен в группу с минимальной степенью ограничений прав осужденных, то есть предусмотренных только ст. 89 и 90 (в части получения осужденными передач), ст. 96 и 97 УИК РФ, в соответствии с предписаниями п. 6(1) Правил.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ...

Следует указать и на сопряженную проблему, которая связана с тем, что в рамках введения режима особых условий в исправительных учреждениях законодатель предусмотрел специальный порядок реализации прав осужденных, но оставил без внимания иные элементы их правового статуса. Правовое положение осужденных должно наполняться не только субъективными правами, но и юридическими обязанностями. В этом смысле следует признать перспективной идею А. Ж. Кокиева о том, что введение исследуемого «режима особых условий в ИУ не влечет появления у осужденных к лишению свободы каких-либо дополнительных прав, а также наложения обязанностей, связанных с привлечением осужденных к ликвидации последствий стихийных бедствий и иных чрезвычайных ситуаций» [3, с. 228]. В общем правовом каркасе института специального порядка должно найтись место юридическим обязанностям осужденных и, возможно, их дополнительным субъективным правам.

В качестве заключения необходимо отметить наличие непростого процесса дальнейшего формирования чрезвычайного уголовно-исполнительного законодательства и соблюдения на этом фоне принципов уголовно-исполнительного законодательства, усиление механизмов защиты прав, свободы и законных интересов осужденных, правовых инструментов обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы. Вместе с тем научные исследования демонстрируют наличие резервов для законотворческой оптимизации правового регулирования специального порядка реализации прав осужденных при введении режима особых условий в исправительных учреждениях.

Список источников

1. Горбань Д. В., Ефремова О. С. Законодательство в области исполнения наказаний в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения: ретроспективные и современные вопросы // Вестник Могилевского института МВД. 2020. № 2. С. 20–27.
2. Кокиев А. Ж. Классификация оснований введения режима особых условий в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2024. № 3. С. 75–81.
3. Кокиев А. Ж. Чрезвычайные обстоятельства как основания изменения правового положения осужденных // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер пробации, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества : сб. тез. выст. и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 90-летию со дня образования Академии ФСИН России. Рязань : Академия ФСИН России, 2024. С. 227–230.
4. Новиков Е. Е. Правовое регулирование режима особых условий в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (к 145-летию со дня образования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации). Томск : Томский ИПКР ФСИН России, 2024. С. 79–86.
5. Прохорова М. В., Киселев М. В. Деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в условиях пандемии // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2022. № 2. С. 107–112.
6. Скорик Е. Н., Кокиев А. Ж. Исполнение уголовных наказаний в чрезвычайных условиях: некоторые международно-правовые аспекты // Вестник Кузбасского института. 2024. № 1. С. 111–118.

7. Филимонов В. Д., Филимонов О. В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. М. : Юриспруденция, 2014. 252 с.

8. Харитонович Е. Д., Скиба А. П. Исполнение уголовных наказаний в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положений (на примере больных осужденных, отбывающих наказания без лишения свободы) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 4. С. 69–76.

References

1. Gorban, D. V. & Efremova, O. S. 2020, 'Legislation in the field of the execution of punishments in conditions of natural disaster, the introduction of emergency or martial law: retrospective and modern issues', *Bulletin of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs*, iss. 2, pp. 20–27.

2. Kokiev, A. Zh. 2024, 'Classification of grounds for the introduction of special conditions in institutions of the penal system', *Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*, iss. 3, pp. 75–81.

3. Kokiev, A. Zh. 2024, 'Extraordinary circumstances as grounds for changing the legal status of convicts', in *Penal system of the Russian Federation: issues of the execution of criminal penalties, the implementation of probation measures, interaction with public authorities and institutions of civil society: collection of abstracts of speeches and reports of participants in the International scientific and practical Conference dedicated to the 90th anniversary of the founding of the Academy of the FPS of Russia*, pp. 227–230, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

4. Novikov, E. E. 2024, 'Legal regulation of the regime of special conditions in correctional institutions', in *Penal system: pedagogy, psychology and law: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (on the 145th anniversary of the formation of the penal system of the Russian Federation)*, pp. 79–86, Tomsk Institute of Advanced Training of Employees of the FPS of Russia, Tomsk.

5. Prokhorova, M. V. & Kiselyov, M. V. 2022, 'The activities of institutions and bodies of the penal system of the Russian Federation in the context of a pandemic', *Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Training of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia*, iss. 2, pp. 107–112.

6. Skorik, E. N. & Kokiev, A. Zh. 2024, 'Execution of criminal penalties in emergency conditions: some international legal aspects', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 1, pp. 111–118.

7. Filimonov, V. D. & Filimonov, O. V. 2014, *Institute of Law. Institute of Criminal Law. Institute of Penal Law*, Jurisprudence, Moscow.

8. Kharitonovich, E. D. & Skiba, A. P. 2019, 'Execution of criminal punishments in conditions of natural disaster, state of emergency or martial law (on the example of sick convicts serving sentences without imprisonment)', *Bulletin of the Moscow State Regional University Series Jurisprudence*, iss. 4, pp. 69–76.

Информация об авторе

П. В. Тепляшин – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии.

Information about the author

P. V. Teplyashin – Sc.D (Law), Professor, professor of the criminal law and criminology department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 14.01.2025; одобрена после рецензирования 15.02.2025; принята к публикации 17.03.2025.

The article was submitted 14.01.2025; approved after reviewing 15.02.2025; accepted for publication 17.03.2025.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Научная статья

УДК 343.825

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.050-056

ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Владимир Геннадьевич Громов¹, Ирина Алексеевна Ефремова²

¹ Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия, gromov_vg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1859-7995>

² Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия, efremova005@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0071-1999>

Аннотация. Статья посвящена восстановительному правосудию в местах лишения свободы. Актуальность его применения обусловлена необходимостью улучшения методов воспитательной работы с осужденными по осознанию ими содеянного и их подготовке к ресоциализации. Рассматриваются основные принципы восстановительного правосудия при исполнении наказаний (добровольность и обязательность участия осужденного в процессе восстановительного правосудия; понимание причин и обстоятельств преступления; взаимодействие с пострадавшими; поддержка социальной реинтеграции осужденных). Анализируются методы применения восстановительного правосудия в местах лишения свободы. Констатируется, что восстановительное правосудие – это концепция, которая предлагает альтернативный подход в исполнении наказаний и реабилитации осужденных. Восстановительное правосудие включает в себя не только управление преступностью и наказание осужденных, но и активное включение всех заинтересованных сторон (осужденных, жертв, общества) в процесс решения конфликта и восстановления справедливости. Для развития и расширения применения восстановительного правосудия в местах лишения свободы необходимы совместные усилия правительства, учреждений уголовно-исполнительной системы, общественности и экспертов. Это требует внедрения новых подходов и практик, повышения квалификации сотрудников уголовно-исполнительной системы и изменения общественного мнения о наказании и реабилитации.

Ключевые слова: восстановительное правосудие, места лишения свободы, методы применения восстановительного правосудия, медиация

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Для цитирования

Громов В. Г., Ефремова И. А. Восстановительное правосудие в местах лишения свободы // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 1. С. 50–56.
DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.050-056.

OBJECTIVES OF THE PENAL LEGISLATION

Original article

RESTORATIVE JUSTICE IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

Vladimir Gennadievich Gromov¹, Irina Alekseevna Efremova²

¹ Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia, gromov_vg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1859-7995>

² Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, efremova005@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0071-1999>

Abstract. The article is devoted to restorative justice in places of deprivation of liberty. The relevance of its application is due to the need to improve the methods of educational work with convicts on their awareness of what they have done and their preparation for re-socialization. The basic principles of restorative justice in the execution of sentences are considered (voluntary and mandatory participation of the convicted person in the process of restorative justice; understanding the causes and circumstances of the crime; interaction with victims; support for the social reintegration of convicts). The methods of applying restorative justice in places of deprivation of liberty are analyzed. It is stated that restorative justice is a concept that offers an alternative approach to the execution of sentences and rehabilitation of convicts. Restorative justice includes not only the management of crime and the punishment of convicts, but also the active involvement of all stakeholders (convicts, victims, society) in the process of conflict resolution and the restoration of justice. Joint efforts of the Government, institutions of the penal system, the public and experts are needed to develop and expand the use of restorative justice in places of deprivation of liberty. This requires the introduction of new approaches and practices, professional development of the staff of the penal system and a change in public opinion about punishment and rehabilitation.

Keywords: restorative justice, places of deprivation of liberty, methods of applying restorative justice, mediation

For citation

Gromov, V. G. & Efremova, I. A. 2025, 'Restorative justice in places of deprivation of liberty', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 1, pp. 50–56, doi: 10.33463/2687-122X.2024.20(1-4).1.050-056.

Введение

Восстановительное правосудие – это подход к уголовной юстиции, который акцентирует внимание на восстановлении справедливости и принципах реабилитации как основных целях наказания. В последние годы он получил все большее признание и

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

стал активно применяться в различных странах мира. Однако места лишения свободы остаются относительно новой территорией для его использования.

Места лишения свободы представляют собой уникальную среду, где концентрируется значительное количество людей, которые находятся под надзором государства, а также возникают многочисленные конфликты и нарушения прав человека. Применение восстановительного правосудия может стать эффективным инструментом для решения таких проблем и создания более безопасной и справедливой атмосферы в тюремной среде. Рассмотрим возможности применения восстановительного правосудия в местах лишения свободы и его потенциальные выгоды для общества и осужденных.

Актуальность применения восстановительного правосудия в местах лишения свободы обусловлена необходимостью улучшения методов воспитательной работы с осужденными по осознанию ими содеянного и их подготовке к ресоциализации. Уголовное судопроизводство направлено на то, чтобы всякое лицо, совершившее преступление, понесло уголовное наказание. В основе восстановительного правосудия заложена идея о том, что лицо, совершившее преступление, осознает последствия своего деяния и принимает меры, чтобы загладить вред, причиненный потерпевшему [1, с. 131].

Восстановительное правосудие представляет собой особый подход к решению уголовных дел, ориентированный на восстановление справедливости и примирение всех сторон конфликта. Одной из основных целей восстановительного правосудия в местах лишения свободы является создание безопасной и поддерживающей среды для осужденных. При этом все стороны конфликта должны быть привлечены к поиску взаимоприемлемых решений, устранению взаимных претензий и противоречий. Такие методы, как медиация, диалог, общение внутри группы, позволяют осужденным высказывать свои мысли и эмоции, а также находить способы примирения и восстановления взаимоотношений.

Применение восстановительного правосудия в местах лишения свободы имеет несколько преимуществ. Во-первых, это помогает осужденным осознать масштаб причиненного ими вреда и принять ответственность за свои поступки. Через общение и диалог с пострадавшими осужденные могут увидеть последствия своих действий и понять, каким образом они повлияли на жизни других людей. Во-вторых, применение восстановительного правосудия может способствовать снижению уровня насилия в учреждениях, поскольку оно нацелено на преодоление конфликтов и примирение сторон. Осужденные, имеющие возможность выразить свои претензии и решить их в диалоге, склонны к мирному разрешению конфликтов, что способствует обеспечению безопасной среды для них и персонала. В-третьих, восстановительное правосудие может способствовать успешной реабилитации осужденных. Оно стимулирует их к саморазвитию и укреплению навыков конструктивного взаимодействия. В процессе участия в медиации осужденные могут осознать свои ошибки, поставить перед собой новые цели и разработать планы для своего будущего, что способствует их психологическому восстановлению и успешному возвращению в общество.

Таким образом, применение восстановительного правосудия в местах лишения свободы имеет большой потенциал для улучшения условий содержания и реабилитации осужденных, способствует созданию безопасной и поддерживающей среды, уменьшению уровня насилия и стимулирует осужденных на саморазвитие.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Основные принципы восстановительного правосудия при исполнении наказаний

Основные принципы восстановительного правосудия в контексте исполнения наказаний в местах лишения свободы направлены на содействие реабилитации осужденных и обеспечение их успешной социальной реинтеграции.

Первый принцип – добровольность и обязательность участия осужденного в процессе восстановительного правосудия. Осужденный должен быть активным участником в процессе восстановления справедливости и принятии ответственности за совершенные преступления. Это включает в себя участие в дискуссиях, выражение сожаления и готовность воспринять уроки из прошлого опыта.

Второй принцип – понимание причин и обстоятельств преступления. Восстановительное правосудие предполагает обсуждение и анализ причин, которые привели к совершению преступления. Это помогает осужденному лучше понять свои действия и принять ответственность за них. Анализ причин преступления в контексте исполнения наказания помогает также разработать индивидуальные программы реабилитации и ресоциализации осужденных.

Третий принцип – взаимодействие с пострадавшими. Восстановительное правосудие подразумевает взаимодействие осужденных с пострадавшей стороной. Оно может включать процессы возмещения убытков, компенсации, а также возможность для пострадавших выразить свое мнение о преступлении и его последствиях. Взаимодействие с пострадавшими помогает осужденным осознать вред, который они причинили их жертвам, и принять ответственность за свои действия.

Четвертый принцип – поддержка социальной реинтеграции осужденных. Окончание наказания не должно означать окончание процесса восстановления правосудия. Важно предоставить осужденным поддержку и возможности для успешной социальной реинтеграции. Это может включать поддержку в получении образования, профессиональной подготовке, поиске работы и жилья. Такие действия способствуют уменьшению рецидива и повышению шансов осужденных на успешную адаптацию в обществе.

В целом восстановительное правосудие в местах лишения свободы предоставляет осужденным возможность активного участия в процессе восстановления справедливости и ответственности. Оно также способствует взаимодействию с пострадавшими и направлено на поддержку социальной реинтеграции осужденных. Эти принципы помогают осужденным осознать вред, который они причинили и принять ответственность за свои действия, а также обеспечить себе успешную реабилитацию и социальную адаптацию после выхода из мест лишения свободы.

Методы применения восстановительного правосудия в местах лишения свободы

Восстановительное правосудие (или восстановительная юстиция) [2, с. 25] предлагает новый подход к пониманию преступления и осуществлению правосудия. В его основе лежат идеи примирения и методы урегулирования конфликтов, альтернативных наказанию и иным мерам уголовно-правового характера. Как правило, восстановительной подход рассматривается как альтернатива традиционному (карательному) способу реагирования на преступление [3, с. 56–74]. В то же время многие авторы склонны избегать жесткого противопоставления карательной и восстановительной моделей, рассматривая их как взаимодополняющие, но не противоречащие друг другу [4, с. 47].

На наш взгляд, одним из эффективных методов реализации восстановительного правосудия выступает медиация – процесс, когда независимый посредник помогает пре-

ступнику и жертве встретиться и найти взаимоприемлемое решение для обеих сторон. В местах лишения свободы медиация может быть осуществлена путем организации специальных программ, где медиатором выступает опытный психолог или социальный работник. Участие в таких программах помогает преступникам осознать вред, нанесенный своими действиями, и вместе с жертвой найти возможности для реабилитации и возмещения вреда.

Таким образом, целесообразно рассматривать медиацию по уголовным делам как один из наиболее эффективных способов разрешения конфликтов в рамках восстановительного подхода, и в том числе как способ реализации предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации права сторон на примирение. Важно уточнить, что достижение соглашения между правонарушителем и жертвой автоматически не влечет освобождения от наказания, хотя может учитываться судом при вынесении приговора [5, с. 53].

Еще один эффективный метод восстановительного правосудия – это работа в группах. Кроме индивидуальных встреч с медиатором, осужденные могут принимать участие в групповых сессиях, где у них появляется возможность делиться своими историями и рассказывать о последствиях своих действий. В таких группах осужденные могут получить поддержку и понимание от других участников, а также осознать свое место в социуме и понять, что они могут измениться и стать полезными членами общества после отбытия наказания.

В числе важных методов восстановительного правосудия следует указать психологическую поддержку и консультирование. Как осужденные, так и потерпевшие могут столкнуться с тяжелыми эмоциями и чувствами во время процесса восстановительного правосудия. Профессиональные психологи и консультанты в силах помочь им адаптироваться к процессу и осознать ответственность осужденных за свои преступные действия, а у потерпевших проявить эмпатию и умерить агрессию по отношению к преступнику. Такая поддержка поможет осужденным восстановить самооценку и научиться принимать правильные решения в будущем.

При этом важно понимать, что восстановительное правосудие – это не одномоментная акция, она требует тонкой, кропотливой работы и длительного времени. Излишняя торопливость, погоня за быстрыми результатами могут препятствовать полноценной реабилитации и возмещению вреда. В силу этого необходимо разработать гибкие программы, которые позволят работать с осужденными в течение продолжительного времени и адаптировать процесс под конкретные потребности каждого преступника и жертвы.

Эффективные методы применения восстановительного правосудия в местах лишения свободы являются инструментом для восстановления справедливости и удовлетворения потребностей пострадавших, а также для реабилитации преступников и повышения их шансов на возвращение к нормальной жизни после отбывания наказания. Они обеспечивают более гуманный и эффективный подход к правосудию и могут привести к снижению рецидива преступлений.

Заключение

Места лишения свободы являются сложной средой, где осужденные проводят продолжительное время. Восстановительное правосудие – это концепция, которая предлагает альтернативный подход в исполнении наказания и реабилитации осужденных. Оно включает в себя не только управление преступностью и наказание осужденных, но и активное включение всех заинтересованных сторон (осужденных, жертв, общества) в процесс

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

решения конфликта и восстановления справедливости. Перспективы развития и расширения применения восстановительного правосудия в местах лишения свободы выражаются в том, чтобы развивать и совершенствовать методы и инструменты работы с осужденными, которые позволяют им восстановить свои отношения с обществом и потерпевшими, а также развить навыки, необходимые для успешной реинтеграции после освобождения.

Одним из ключевых аспектов восстановительного правосудия в местах лишения свободы является способность осужденных на саморазвитие и изменение своего поведения. Кроме традиционных методов реабилитации, восстановительное правосудие активно использует индивидуальную работу с осужденными, включая консультации с психологами и специалистами. Развитие навыков конфликтного разрешения, эмоционального интеллекта и коммуникации способствуют улучшению отношений осужденных между собой и с персоналом учреждения.

Восстановительные практики уделяют большое внимание возмещению материального и нематериального ущерба, причиненного жертвам преступления. Это не только помогает восстановлению справедливости, но и способствует гражданскому воспитанию осужденных. Восстановительное правосудие в местах лишения свободы предоставляет возможность развития и реализации партнерских отношений между осужденными и персоналом учреждения. Важную роль играют групповые программы и тренинги, которые позволяют осужденным и персоналу вместе работать над решением конфликтов, развитием социальных навыков и повышением уровня доверия.

Для развития и расширения применения восстановительного правосудия в местах лишения свободы необходимы совместные усилия со стороны правительства, учреждений уголовно-исполнительной системы, общественности и экспертов. Это, в свою очередь, требует внедрения новых подходов и практик, улучшения квалификации сотрудников уголовно-исполнительной системы и изменения общественного мнения о наказании и реабилитации.

Список источников

1. Пахолкин Н. С., Смолькова И. В. Понятие восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 3. С. 131–135.
2. Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе. М. : Инфотропик Медиа, 2013. 200 с.
3. Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление) : монография. М. : Проспект, 2014. 262 с.
4. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание : пер. с англ. / под общ. ред. Л. М. Карнозовой. М. : Судебно-правовая реформа, 2002. 328 с.
5. Зудов Ю. В. Медиация по уголовным делам и перспективы ее развития в России // Мониторинг правоприменения. 2016. № 4(21). 2016. С. 52–58.

References

1. Pakholkin, N. S. & Smolkova, I. V. 2012, 'The concept of restorative justice in criminal proceedings', *Proceedings of the Irkutsk State Academy of Economics*, iss. 3, pp. 131–135.
2. Arutyunyan, A. A. 2013, *Mediation in criminal proceedings*, Infotropik Media, Moscow.
3. Karnozova, L. M. 2014, *Introduction to restorative justice (mediation in response to a crime): monograph*, Prospekt, Moscow.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

4. Zer, H. 2002, *Restorative justice: a new look at crime and punishment*, translated from English, L. M. Karnozova (ed.), Sudebno-pravovaja reforma, Moscow.

5. Zudov, Yu. V. 2016, 'Mediation in criminal cases and prospects for its development in Russia', *Law enforcement monitoring*, iss. 4(21), pp. 52–58.

Информация об авторах

В. Г. Громов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного, экологического права и криминологии;

И. А. Ефремова – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права.

Information about the authors

V. G. Gromov – Sc.D (Law), Professor, professor of the criminal, environmental law and criminology department;

I. A. Efremova – Sc.D (Law), Associate Professor, professor of the criminal and penal law department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 27.12.2024; одобрена после рецензирования 15.02.2025; принята к публикации 27.02.2025.

The article was submitted 27.12.2024; approved after reviewing 15.02.2025; accepted for publication 27.02.2025.

Научная статья

УДК 343.82

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.057-062

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «СРЕДСТВА» И «ЭЛЕМЕНТЫ» ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕЖИМА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Сергей Дмитриевич Аверкин¹

¹ НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия, averkin09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6453-0412>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с обеспечением эффективности режима отбывания наказания в виде лишения свободы. Без строгого выполнения требований режима не может функционировать система средств исправления осужденных. Автором акцентировано внимание на том, что отдельный инструментарий в обеспечении режима отбывания наказания составляют его средства и элементы. Проанализированы точки зрения различных ученых по рассматриваемому вопросу и приведена собственная позиция относительно классификации средств и элементов обеспечения режима отбывания наказания.

Ключевые слова: средства, элементы, режим, исправительные учреждения, осужденные, надзор, охрана, лишение свободы

Для цитирования

Аверкин С. Д. К вопросу о соотношении понятий «средства» и «элементы» обеспечения режима отбывания наказания // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 1. С. 57–62. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.057-062.

Original article

ON THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF “MEANS” AND “ELEMENTS” OF ENSURING THE REGIME OF SERVING A SENTENCE

Sergey Dmitrievich Averkin¹

¹ Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russia, averkin09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6453-0412>

Abstract. The article discusses issues related to ensuring the effectiveness of the regime of serving a sentence of imprisonment. Without strict compliance with the requirements of the regime, the system of correctional facilities for convicts cannot function. The author focuses on the fact that a separate toolkit in ensuring the regime of serving a sentence consists of its means and elements. The points of view of various scientists on the issue under consideration are analyzed and their own position regarding the classification of means and elements of ensuring the regime of serving a sentence is given.

Keywords: facilities, elements, regime, correctional institutions, convicts, supervision, protection, imprisonment

For citation

Averkin, S. D. 2025, 'On the question of the relationship between the concepts of "means" and "elements" of ensuring the regime of serving a sentence', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 1, pp. 57–62, doi: 10.33463/2687-122X.2024.20(1-4).1.057-062.

Требования режима отбывания наказания исполняются не сами по себе. Это сопряжено со значительными усилиями администрации исправительных учреждений (ИУ) и предполагает реализацию системы специальных мер. Среди ученых нет единства взглядов относительно того, какими инструментами обеспечивается режим отбывания наказания. Составляют ли отдельный инструментарий средства и элементы обеспечения режима?

Н. А. Стручков считал, что к элементам обеспечения режима следует отнести охрану осужденных, надзор за ними, систему мер поощрения и дисциплинарных взысканий, требовательность администрации [1, с. 8].

П. П. Козлов высказал суждение о том, что основные средства обеспечения режима (охрана, надзор, оперативно-розыскная деятельность) есть не что иное, как формы или способы организации содержания режима. Причем система охраны исправительного учреждения выступает в качестве внешней формы, а система надзора, оперативно-розыскной и режимно-профилактической деятельности выражает внутреннюю форму организации элементов режима [2, с. 91].

П. Е. Чупыгин к числу средств обеспечения режима относит: во-первых, средства, используемые для осуществления охраны, конвоирования осужденных и обеспечения надзора за ними; во-вторых, оперативно-розыскные средства. По характеру применения средства обеспечения режима он делит на гласные и оперативно-розыскные. К числу гласных отнесены все средства, привлекаемые для осуществления охраны, конвоиро-

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

вания осужденных и обеспечения надзора за ними (специальный транспорт, служебные собаки, инженерно-технические средства). Оперативно-розыскные средства обеспечения режима – оперативный учет, оперативная техника, технические приспособления, предназначенные для цензуры корреспонденции [3, с. 8].

Е. М. Захцер подразделяет средства обеспечения режима на четыре группы: меры убеждения как совокупность воспитательных мероприятий; меры государственного принуждения, которые непосредственно направлены на воспрепятствование совершению правонарушений; прокурорский надзор, ведомственный, судебный и общественный контроль; оперативно-профилактическая работа, осуществляемая администрацией исправительного учреждения [4, с. 54].

Э. А. Говорухин выделяет следующие средства обеспечения режима отбывания наказания:

1. Исправительно-трудовые – правовые предписания, направленные на обеспечение должного режима отбывания наказания осужденными в исправительных учреждениях. Например, указания об обязательной изоляции осужденных и постоянном надзоре за ними, обыске, цензуре корреспонденции, досмотре посылок и передач, ношении одежды установленного образца, о запрещении хранения при себе денег, ценных вещей, а также предметов, запрещенных к использованию в исправительном учреждении.

2. Оперативно-розыскные – регламентированные нормативными актами ресурсы, применяемые оперативными аппаратами исправительных учреждений для предупреждения и пресечения нарушений режима и преступлений, особенно тех из них, которые готовятся скрытно и затрудняют предупредительные действия режимных и оперативных служб.

3. Уголовно-правовые – предусмотренные уголовным законом. К их числу следует отнести нормы, специально предназначенные для борьбы с нарушениями режима и преступлениями в исправительном учреждении, и нормы, предусматривающие ответственность за совершение иных преступлений.

4. Административно-правовые – применяемые в целях обеспечения режима в исправительных учреждениях в тех случаях, когда совершенное деяние не является преступлением, но посягает на установленный порядок исполнения наказания в виде лишения свободы.

5. Государственно-правовые – включающие в себя ведомственный, судебный контроль и прокурорский надзор. Их сущность заключается в контроле за соблюдением законности в деятельности администрации исправительного учреждения.

6. Материально-технические – подразделяющиеся на обеспечивающие охрану осужденных и надзор за ними, предупреждение и пресечение нарушений режима и преступлений.

7. Управленческие – направленные как на совершенствование самой структуры управления режимом, так и на совершенствование деятельности ее субъектов по обеспечению режима отбывания наказания.

8. Педагогические – представляющие собой способы и приемы воспитательного воздействия на осужденных с целью склонения их к добровольному соблюдению требований режима [5, с. 31].

И. И. Королев выделяет:

– средства общественного характера – это работа общественности в различных ее формах. Напомним, что Исправительно-трудовой кодекс (ИТК) РСФСР к их числу относил наблюдательные комиссии (ст. 110); шефство трудовых коллективов и общественных ор-

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ганизаций (ст. 112); совет воспитателей, в который входили представители исправительно-трудового учреждения; ст. 115 разрешала использовать и другие формы участия ответственности в исправлении осужденных;

– средства самостоятельного характера, применяемые на основе исправительно-трудового законодательства (ст. 45, 46 ИТК РСФСР – самостоятельные организации, их виды и порядок работы), а также ведомственных нормативных актов;

– стимулирующие средства, к которым относились меры поощрения и взыскания, предусмотренные ст. 51, 53 ИТК РСФСР; изменение условий содержания лиц, осужденных к лишению свободы, во время отбывания наказания – ст. 21 ИТК РСФСР; предоставление права передвижения без конвоя – ст. 31 ИТК РСФСР; применение мер безопасности и оружия – ст. 35 ИТК РСФСР; предоставление краткосрочных выездов за пределы мест лишения свободы на время отпуска – ст. 26 ИТК РСФСР;

– производственно-трудовые средства. Основанием их применения являлась ст. 34 ИТК РСФСР и иное законодательство, ведомственные нормативные акты, регламентирующие вид производства, его должную организацию (например, контроль за поведением осужденных, результатом их труда, занятостью, как и в каких целях используется оборудование и т. д.);

– медико-санитарные средства, включающие в себя организацию и порядок лечебно-профилактической и санитарно-противоэпидемической деятельности в исправительном учреждении. Например, оказание первой медицинской помощи, амбулаторное и стационарное лечение, санитарный контроль за соблюдением правил гигиены в быту и т. д. Данная работа проводилась в исправительных учреждениях в соответствии с законодательством о здравоохранении (ст. 29 Основ законодательства об охране здоровья граждан), санэпиднадзоре и уголовно-исполнительным законодательством (ст. 57 ИТК РСФСР закрепляла медико-санитарное обеспечение лиц, лишенных свободы, ст. 58 ИТК РСФСР содержала указание о принудительном лечении от алкоголизма и наркомании в местах лишения свободы);

– средства досугового характера, включающие в себя работу по обеспечению досуга осужденных. Они осуществлялись в соответствии с исправительно-трудовым законодательством (ст. 23 ИТК РСФСР регулировала внутренний распорядок дня в ИТК, ст. 43 и 44 – задачи, организацию и формы воспитательной работы);

– средства бытового характера, направленные на создание таких бытовых условий для осужденных, которые отвечали бы нормативным требованиям обеспечения жизнедеятельности человека и были максимально приближены к условиям быта на свободе;

– средства реализации гарантий социально-правового характера. Они были закреплены ст. 8 ИТК РСФСР. В ней, в частности, говорилось о том, что лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, несут обязанности и пользуются правами, установленными законодательством для граждан СССР, с ограничениями, предусмотренными законодательством для осужденных, а также вытекающими из приговора суда и режима, установленного для отбывания наказания данного вида [6, с. 72].

Ориентируясь на действующее уголовно-исполнительное законодательство, Э. В. Тураев выделяет следующие основные средства обеспечения режима в местах лишения свободы:

- технические средства надзора и контроля;
- оперативно-розыскную деятельность в ИУ;
- режим особых условий в ИУ;

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

– меры безопасности и основания их применения [7, с. 38].

К. О. Копшева говорит о двух видах средств обеспечения режима в исправительных учреждениях: аудиовизуальных, электронных и иных технических средствах надзора и контроля; оперативно-розыскных [8, с. 168].

Как видно из приведенных точек зрения, к средствам обеспечения режима относят различные элементы, а к элементам – средства и мероприятия, что, естественно, затрудняет провести отчетливую границу между ними. Для того чтобы разобраться с обозначенными положениями, необходимо обратиться к этимологии соответствующих терминов. Толковый словарь русского языка под элементом понимает составную часть чего-нибудь, компонент, под средством – прием, способ действия для достижения чего-нибудь, орудие (предмет, совокупность приспособлений) для осуществления какой-нибудь деятельности, под мероприятием – совокупность действий, объединенных одной общественно значимой задачей. Таким образом, в режиме отбывания наказания в виде лишения свободы первичным является элемент. Если не будет того или иного элемента, то и нет необходимости поиска каких-либо средств, мероприятий его обеспечения.

Анализ современного уголовно-исполнительного законодательства (ст. 82, 83 УИК РФ), ведомственных нормативных актов Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, исследований ученых позволяет нам сделать вывод о том, что элементами режима отбывания наказания являются: 1) охрана; 2) изоляция осужденных; 3) надзор (постоянный); 4) контроль над ними. Приведенные элементы призваны исключить нарушения установленного порядка отбывания наказания, совершение преступлений.

По нашему мнению, приведенная классификация напрямую позволяет отнести режимные мероприятия к средствам обеспечения режима и рассматривать их как совокупность действий представителей администрации исправительного учреждения, реализуемых для осуществления уголовно-исполнительного воздействия на осужденных.

Режимные мероприятия возможно рассматривать как основные средства, влияющие, во-первых, на состояние правопорядка и законности, во-вторых, на процесс раскрытия и расследования преступлений, если они совершаются осужденными в исправительных учреждениях. Они прежде всего сопровождают процесс обеспечения режима в исправительных учреждениях и являются неотъемлемой его частью.

В завершении отметим, что значение режима в местах лишения свободы достаточно разнообразно. С одной стороны, это средство исправления осужденных, а с другой – установленный порядок отбывания наказания, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных.

Список источников

1. Стручков Н. А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970. 271 с.
2. Козлов П. П. Режим и средства его обеспечения в исправительно-трудовых учреждениях : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979.
3. Чупыгин П. Е. Обеспечение режима лишения свободы в исправительно-трудовых учреждениях (организационно-правовые вопросы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1969.

4. Захцер Е. М. Средства обеспечения режима в исправительно-трудовых колониях : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1973.
5. Говорухин Э. А. Организация режима в исправительно-трудовых учреждениях : учеб. пособие / под ред. А. Е. Наташева. Рязань : РВШ МВД СССР, 1987.
6. Королев И. И. Обеспечение режима в исправительно-трудовых колониях (правовые и организационные вопросы) : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1996. 283 с.
7. Тураев Э. В. Режим в исправительных учреждениях и средства его обеспечения : фонд. лекция. Киров : Кировский филиал Академии ФСИН России, 2006.
8. Копшева К. О. Уголовно-исполнительное право : учеб. пособие. М. : Дашков и К°, 2007. 346 с.

References

1. Struchkov, N. A. 1970, *Soviet correctional labor policy and its role in the fight against crime*, Saratov.
2. Kozlov, P. P. 1979, *Regime and means of its provision in correctional labor institutions: PhD thesis (Law)*, Moscow.
3. Chupygin, P. E. 1969, *Ensuring the regime of deprivation of liberty in correctional labor institutions (organizational and legal issues): PhD thesis (Law)*, Moscow.
4. Zakhtser, E. M. 1973, *Means of ensuring the regime in correctional labor colonies: PhD thesis (Law)*, Tomsk.
5. Govorukhin, E. A. 1987, *Organization of the regime in correctional labor institutions: textbook*, A. E. Natashev (ed.), Russian Academy of Internal Affairs of the USSR, Ryazan.
6. Korolev, I. I. 1996, *Regime assurance in correctional labor colonies (legal and organizational issues): PhD thesis (Law)*, Ryazan.
7. Turaev, E. V. 2006, *Regime in correctional institutions and the means to ensure it: stock lecture*, Kirov Branch of the Academy of the FPS of Russia, Kirov.
8. Kopsheva, K. O. 2007, *Penal law: textbook*, Dashkov and K°, Moscow.

Информация об авторе

С. Д. Аверкин – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника института.

Information about the author

S. D. Averkin – PhD (Law), Associate Professor, deputy head of the Institute.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 19.02.2025; одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 24.03.2025.

The article was submitted 19.02.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 24.03.2025.

Научная статья

УДК 343.82

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.063-071

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПОДЖОГОВ НА ОБЪЕКТАХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, ОБВИНЯЕМЫХ И ОСУЖДЕННЫХ. ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ

Ольга Владимировна Пронина¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, semkinaolga1983@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен порядок осуществления общей и индивидуальной профилактической работы с осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми, имеющими намерение совершить поджог на территории объекта уголовно-исполнительной системы. Проанализирована необходимость проведения определенных мероприятий в части безопасного функционирования учреждения уголовно-исполнительной системы в целом и обеспечения личной безопасности осужденных, подозреваемых, обвиняемых в частности. На основе анализа практической деятельности исправительных учреждений автором предложен алгоритм примерных действий их сотрудников, направленный на эффективное противодействие противоправным намерениям осужденных в области совершения поджогов.

Ключевые слова: учреждения и органы уголовно-исполнительной системы, личная безопасность осужденных, профилактика, поджоги

Для цитирования

Пронина О. В. Предупреждение поджогов на объектах учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в контексте обеспечения личной безопасности подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Прикладной аспект // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 1. С. 63–71. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.063–071.

Original article

PREVENTION OF ARSON AT FACILITIES OF INSTITUTIONS AND BODIES OF THE PENAL SYSTEM IN THE CONTEXT OF ENSURING THE PERSONAL SAFETY OF SUSPECTS, ACCUSED AND CONVICTED PERSONS. THE APPLIED ASPECT

Olga Vladimirovna Pronina¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, semkinaolga1983@mail.ru

Abstract. The article considers the procedure for carrying out general and individual preventive work with convicts, suspects, and accused persons who intend to commit arson on the territory of a facility of the penal system. The necessity of carrying out certain measures regarding the safe functioning of the institution of the penal system in general and ensuring the personal safety of convicts, suspects, and accused in particular is analyzed. Based on the analysis of the practical activities of correctional institutions, the author suggests an algorithm of approximate actions of their employees aimed at effectively countering the unlawful intentions of convicts in the field of arson.

Keywords: institutions and bodies of the penal system, personal safety of convicts, prevention, arson

For citation

Pronina, O. V. 2025, 'Prevention of arson at facilities of institutions and bodies of the penal system in the context of ensuring the personal safety of suspects, accused and convicted persons. The applied aspect', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 1, pp. 63–71, doi: 10.33463/2687-122X.2024.20(1-4).1.063-071.

Профилактика поджогов в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) в первую очередь связана с своевременным предупреждением порчи имущества, однако в более широком смысле данная задача актуальна для обеспечения личной безопасности осужденных, подозреваемых, обвиняемых, недопущения получения ими увечий, травм, ожогов, то есть минимизации факторов, способствующих возникновению угроз личной безопасности в ее физической составляющей. Аналогичное мнение поддерживает и Ю. Н. Смолякова, которая определяет, что предупреждение поджогов является важной деятельностью для обеспечения безопасности, как интересов отдельного человека, так и общества в целом [5, с. 22].

Предупреждать поджоги в современных условиях сложно, поскольку они носят ситуативный характер, выступая, как правило, разрешением конфликтной ситуации, и обычно совершаются в условиях неочевидности [6, с. 117]. Грамотно спланированные мероприятия, с четкой задачей на их реализацию, обеспечивают эффективность противодействия преступным намерениям осужденных, подозреваемых, обвиняемых, направленным на создание угроз безопасности функционирования учреждения.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Понятие «поджог» определяется как неконтролируемое горение, причиняющее материальный ущерб, вред жизни и здоровью граждан, интересам общества и государства. В свою очередь, профилактика поджогов на объектах учреждений и органов УИС представляет собой взаимосвязанную, целенаправленную деятельность отделов и служб учреждений и органов УИС по выявлению фактов и обстоятельств, свидетельствующих о приготовлении к совершению поджога, принятию мер, исключающих возможности их совершения, а также установлению лиц, замышляющих поджог, воздействию на них с целью недопущения совершения ими преступного деяния. На основании изложенного можно сделать вывод о том, что предупреждение поджогов связано не только с непосредственным выявлением причин и условий, которые способствовали их совершению, но и с разработкой комплекса мер, направленных на их профилактику [7, с. 189].

Отметим, что работа по недопущению поджогов на территории объектов УИС должна проводиться соответствующими службами постоянно с учетом обстановки, повседневных или экстремальных ситуаций. Целесообразно осуществлять профилактику в общей и индивидуальной форме [2, с. 87].

Вопросы общей профилактики не раз рассматривались в научных трудах различных исследователей. Профессор Ю. М. Антонян считает, что «предотвращение и пресечение преступлений, а также исправление преступников в некоторой степени зависят от эффективности профилактики: чем ниже эффективность профилактики, тем чаще правоохранительные органы, общественные организации и граждане вынуждены прибегать к предотвращению и пресечению преступлений» [1, с. 123].

А. Н. Сиряков, Е. О. Лукьянчук полагают, что профилактическая деятельность исправительных учреждений неразрывно связана с исправительно-воспитательным процессом в отношении осужденных [4, с. 26]. Соглашаясь с их мнением, предположим, что целью пенитенциарной профилактики является противодействие асоциальному поведению осужденных, подозреваемых, обвиняемых, которое осуществляется путем реализации некоторых правоограничений в условиях ограничения и лишения свободы. Все подразделения УИС должны принимать участие в общей профилактике поджогов. Прикладная деятельность сотрудников УИС по недопущению поджогов в части выполнения мер общей профилактики представляется нам следующим образом.

Территория учреждения (производственные, складские, жилые зоны, склады и т. д.) должны ежедневно очищаться от горючих материалов, опавшей листвы, сухой травы. Производственные отходы необходимо своевременно вывозить в специально отведенные для этого места. Хороший результат при проведении мероприятий общей профилактики может дать проведение комплексных обследований зданий, сооружений и прилегающих территорий в том числе на предмет устранения фактов беспорядочного хранения материалов, изделий, деталей и оборудования, складирования горючих материалов непосредственно перед окнами помещения отряда жилой зоны.

К непосредственным мерам общей профилактики отнесем: правовое просвещение сотрудников, подозреваемых, обвиняемых, осужденных о мерах ответственности за несоблюдение мер пожарной безопасности; обеспечение изоляции и надзора подозреваемых, обвиняемых, осужденных от мест возможного совершения поджога (например, швейные участки, участки деревообработки); обеспечение пропускного режима при перемещении на производственные объекты средств и веществ, способствующих быстрому распространению и воспламенению (например, не ввозить в учреждение пиломатериалы, в количестве превышающем недельную норму выработки продукции); осуществле-

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ние контроля, учета, хранения за легко воспламеняющимися и горючими жидкостями (например, не хранить запас краски и растворителей на складах автосервиса, если на ремонте нет автотехники); осуществление контроля за проведением пожароопасных работ сотрудником, обученным по программе пожарно-технического минимума.

Общая профилактика поджогов должна начинаться с планирования мероприятий по их недопущению. Планирование в своей основе имеет сведения о проведенных мероприятиях за прошедший период на основании анализа динамики правонарушений, совершенных в сфере пожарной безопасности, изменения в количественном и качественном составе подозреваемых, обвиняемых, осужденных, склонных к совершению поджогов, обеспечения изоляции надзора за подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, склонными к совершению поджогов, трудоустройства лиц, склонных к совершению поджогов, их размещения и материально-бытового обеспечения. В планах работы каждого подразделения учреждения должны отражаться предложения с мероприятиями по обеспечению пожарной безопасности по своему направлению деятельности.

В рамках проведения общих профилактических мероприятий по недопущению поджогов на территории объектов УИС отчеты о проведенной работе должны рассматриваться на оперативных совещаниях при начальнике учреждения не реже одного раза в квартал. Общие профилактические мероприятия проводятся всеми сотрудниками учреждения УИС во взаимодействии с соответствующими подразделениями территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России), правоохранительными органами, государственными и общественными организациями.

Другим важным направлением профилактической работы по недопущению поджогов является индивидуальная профилактическая работа в отношении лиц, склонных к совершению поджогов, путем целенаправленной, планомерной и дифференцируемой работы с учетом психологических особенностей их личности, статуса в преступной среде, степени общественной опасности совершенных ими правонарушений и других особенностей, имеющих значение для правильного выбора методов и средств воспитательного воздействия.

Важность индивидуальной профилактики подчеркивают в своих трудах различные исследователи в этой области. Т. А. Кузьмина, Д. В. Горбань, П. И. Жеглов отмечают, что значимым направлением обеспечения пожарной безопасности учреждений УИС является постановка на соответствующий вид профилактического учета подозреваемых, обвиняемых и осужденных [3, с. 20]. Основанием для учета таких лиц является наличие достоверных и проверенных сведений, полученных из различных источников, об их намерениях совершить поджог, а также имеющиеся сведения о привлечении этих лиц ранее к административной или уголовной ответственности за правонарушения и преступления в области пожарной безопасности. Учет таких лиц целесообразно возложить на руководителя пожарной охраны учреждения.

В учреждениях УИС подозреваемые, обвиняемые и осужденные, допускающие противоправные действия в сфере пожарной безопасности либо намеревающиеся их совершить, на наш взгляд, должны выявляться путем: изучения личных дел, сбора информации, полученной сотрудниками воспитательной работы, режима, охраны, оперативного отдела, отдела специального учета, психологической лаборатории, профессионального училища, школы, медицинских частей. Рекомендуется использовать и иные источники: результаты цензуры корреспонденции; информацию телефонных разговоров с использованием стационарных средств связи; изучение записей в журнале учета информации

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

о происшествиях, журнале учета нарушений установленного порядка отбывания наказания, журнале приема рапортов приема-сдачи дежурств, журнале информации для оперативного дежурного и другой документации, в которой могут содержаться сведения о противоправном поведении и намерениях подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Считаем, что в целях эффективного проведения индивидуальной профилактики деятельность по выявлению лиц, замышляющих совершение правонарушения или преступления в области пожарной безопасности, а также фактов и обстоятельств, свидетельствующих о приготовлении к нему, должна проводиться с момента прибытия подозреваемого, обвиняемого или осужденного в исправительное учреждение (следственный изолятор) сотрудниками оперативных, режимных, воспитательных отделов, подразделений пожарной охраны, специально учета и иных отделов и служб. Особое внимание необходимо уделять лицам, осужденным по ч. 2 ст. 167 УК РФ (умышленное уничтожение или повреждение имущества), ст. 168 УК РФ (уничтожение или повреждение имущества по неосторожности), ст. 219 УК РФ (нарушение требований пожарной безопасности), ст. 261 УК РФ (уничтожение или повреждение лесных насаждений), а также лицам, осужденным за преступления экстремистской и террористической направленности.

Индивидуальная профилактическая работа с лицами, склонными к осуществлению поджогов, проводится путем:

- всестороннего изучения личности подозреваемого, обвиняемого, осужденного;
- проведения индивидуальных бесед, разъяснения подозреваемым, обвиняемым и осужденным последствий совершения поджогов;
- своевременной изоляции подозреваемого, обвиняемого, осужденного от условий, оказывающих на него негативное воздействие;
- использования в воспитательном процессе возможностей родственных и иных положительных связей;
- психологического консультирования родственников осужденных, подозреваемых, обвиняемых;
- применения иных форм и методов положительного влияния на лиц, склонных к совершению поджога, исходя из конкретных условий.

Положительный эффект дает проведение с вновь прибывшими подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными бесед сотрудниками заинтересованных подразделений в соответствии с графиком посещения карантинного отделения отделами и службами учреждения и планом занятий с содержащимися в карантинном отделении, в том числе направленные на получение информации о ранее совершенных правонарушениях, преступлениях в сфере пожарной безопасности.

Профилактическая работа с лицами, имеющими намерение совершить противоправные действия, проводится в соответствии с требованиями приказа Минюста России от 20 мая 2013 г. № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы». Согласно ему инициатором постановки на профилактический учет обвиняемого, подозреваемого, осужденного может быть любой работник учреждения УИС, контактирующий с подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными, который готовит мотивированный рапорт на имя начальника учреждения с информацией о замыслах обвиняемого, подозреваемого, осужденного на подготовку к совершению поджога.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Важная роль в процессе постановки осужденного на профилактический учет отводится оперативному отделу учреждения. Именно сотрудники оперативных служб, используя имеющийся арсенал средств и методов, проводят проверку достоверности и обоснованности сведений, указанных в рапорте, выявляют целесообразность учета лица как склонного к совершению поджога, при необходимости дают рекомендации о дальнейшей работе с этим подозреваемым, обвиняемым, осужденным. На лицо, склонное к совершению поджога, заводится карточка, а рапорт о необходимости учета и другие материалы (кроме материалов психологического характера) передаются в отдел специального учета.

Необходимо отметить, что указанные мероприятия не проводятся в полном объеме, если лицо, поступая в учреждение УИС, уже имеет в деле учетную карточку как склонное к совершению поджога. В данном случае во время пребывания таких лиц в карантинном отделении в их отношении заместителем начальника учреждения (курирующего вопросы безопасности, режима и оперативной работы) совместно с руководителем пожарной охраны разрабатываются конкретные профилактические мероприятия, за ними закрепляются сотрудники для проведения профилактической работы.

Важными этапами профилактической работы являются проведение психологической диагностики по истечении одного календарного года с момента учета лица как склонного к совершению поджога и подготовка отчета по мероприятиям, осуществленным за прошедший период. Указанный отчет формируется ответственным лицом от пожарной охраны на основании анализа следующих направлений:

- динамика правонарушений, совершенных в сфере обеспечения пожарной безопасности лицом, склонным к совершению поджогов;
- обеспечение изоляции и надзора за подозреваемым, обвиняемым и осужденным, склонным к совершению поджогов;
- его размещение и материально-бытовое обеспечение.

Подготовка отчета строится на принципах целесообразности продолжения профилактической работы либо прекращения учета лица как склонного к совершению поджога.

Отметим, что с целью недопущения создания предпосылок для угроз личной безопасности осужденных в случае поступления информации в отношении подозреваемого, обвиняемого, осужденного о намерении совершить противоправные действия в сфере пожарной безопасности профилактическая работа с указанными лицами может проводиться в течение всего срока их пребывания в учреждении УИС.

Мы также считаем, что знание и своевременное исполнение сотрудниками возложенных на них обязанностей в разрезе мероприятий по профилактике поджогов, несомненно, положительным образом отразятся на результате обеспечения безопасного функционирования учреждения в целом и осужденных, подозреваемых, обвиняемых в частности.

На основе анализа деятельности учреждений и органов УИС, ведомственных указаний, рекомендаций по недопущению поджогов на территории объектов УИС сформируем основные направления деятельности подразделений учреждений УИС по профилактике поджогов.

Пожарная охрана учреждения УИС в контексте выполнения мероприятий по недопущению поджогов, в том числе в целях недопущения вреда жизни и здоровью подозреваемых, обвиняемых, осужденных: выявляют подозреваемых, обвиняемых, осужденных, склонных к совершению поджогов, для проведения комплекса профилактических мероприятий; в карантинном отделении проводят инструктаж и знакомят осужденных

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

под роспись о мерах пожарной безопасности, ответственности за их нарушение; информируют осужденных о совершенных поджогах с обязательным сообщением результатов проверки, последствиях и наказании виновных лиц, при необходимости обновляют фотостенды, планшеты с лицами, склонными к совершению поджогов; осуществляют обходы объектов учреждения в том числе с целью выявления отсутствия осужденных, склонных к совершению побега, на спальных и рабочих местах, осуществляют общий контроль за соблюдением требований пожарной безопасности на объектах УИС, а также ведомственный пожарный надзор, включающий в себя проведение работ по профилактике пожаров.

Отделы безопасности в целях обеспечения личной безопасности осужденных в контексте недопущения совершения целенаправленных поджогов на территории учреждений проводят работу по пресечению каналов проникновения запрещенных предметов, способствующих совершению поджога. Сотрудники, осуществляющие прием посылок и передач, незамедлительно информируют дежурного помощника начальника учреждения об обнаружении в почтовом отправлении или передаче взрывопожароопасных предметов, о содержимом с подозрением на возможное приготовление к совершению умышленного повреждения или уничтожения имущества путем совершения поджога (например, коробка спичек).

Задача по обеспечению личной безопасности подозреваемых, обвиняемых, осужденных возложена на оперативные подразделения УИС. В контексте ее решения оперативные подразделения с использованием имеющегося арсенала средств и методов выявляют подозреваемых, обвиняемых, осужденных, склонных к совершению поджогов; проводят проверки обоснованности и достоверности сведений, указанных в рапортах на постановку осужденных на профилактический учет как склонных к совершению поджога; путем проведения гласных и негласных мероприятий выявляют и пресекают каналы поступления в учреждение запрещенных предметов, способствующих совершению поджога.

Немаловажную роль в профилактике недопущения поджогов играют мероприятия, проводимые отделом воспитательной работы: разъяснение подозреваемым, обвиняемым, осужденным мер административной и уголовной ответственности за нарушение требований пожарной безопасности; ознакомление подозреваемых, обвиняемых, осужденных с их правами и обязанностями в части соблюдения правил пожарной безопасности; проведение иных информационно-пропагандистских мероприятий тематической направленности об опасности пожаров и пр.

Подразделения охраны учреждений УИС обеспечивают надлежащий пропускной режим в учреждениях УИС, принимают меры, исключающие возможность совершения лицами, содержащимися в учреждениях, поджогов при конвоировании по маршрутам передвижения, а также на охраняемых объектах. В период смены караулов особое внимание должно уделяться запахам горюче-смазочных материалов, сухостою, первичным признакам возгораний в мусорных контейнерах.

Сотрудники медицинских частей в процессе проведения мероприятий по недопущению совершения поджогов проводят целенаправленную работу для исключения доступа лиц, содержащихся в учреждениях УИС, к легковоспламеняющимся жидкостям, медикаментам, находящимся в помещениях медико-санитарных частей.

Содействие психологических служб учреждений в противодействии совершению поджогов на территории объектов УИС заключается прежде всего в проведении ознакомительных бесед в карантинном отделении, а также психокоррекционных мероприятий с лицами, склонными к совершению поджогов.

Сотрудники производственно-технических служб, тыловых подразделений проводят следующие мероприятия по недопущению совершения поджогов: обеспечивают учет и хранение пожароопасных материалов, горючих жидкостей, исключают возможность свободного доступа к транспорту, материальным взрывоопасным ценностям, находящимся на складах. Важным, на наш взгляд, является мера, направленная на контроль распределения в бригаду лиц из числа осужденных, склонных к совершению поджога, на пожароопасные объекты и объекты с массовым пребыванием людей, в том числе инвалидов.

Таким образом, нами предложены необходимые алгоритмы действий сотрудников УИС, направленные на общую и индивидуальную профилактику совершения поджогов. Конечно, эти мероприятия носят обобщенный характер, и должны корректироваться с учетом складывающейся обстановки в учреждении. Личная безопасность осужденных, подозреваемых, обвиняемых зависит от множества факторов, одним из которых является количественный показатель лиц, состоящих на различных видах профилактического учета, поэтому грамотно спланированная работа по недопущению совершения противоправных намерений категории лиц, рассмотренной в статье, находящейся в учреждениях УИС, несомненно, даст положительные результаты в нейтрализации фактора, создающего угрозу жизни и здоровью осужденных, подозреваемых, обвиняемых.

Список источников

1. Антонян Ю. М. Криминология: избранные лекции. М., 2004. 448 с.
2. Голякова И. В., Горошко Е. Ю. К вопросу о профилактике поджогов // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2015. № 1-1(6). С. 87–89.
3. Кузьмина Т. А., Горбань Д. В., Жеглов П. И. Проблемные вопросы организации и практики обеспечения пожарной безопасности на объектах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Правда и Закон. 2023. № 2(24). С. 15–26.
4. Сиряков А. Н., Лукьянчук Е. О. Исправительно-предупредительный процесс в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания: вопросы терминологии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 1. С. 24–28.
5. Смолякова Ю. Н., Куричков Д. О. К вопросу о поджогах: уголовное законодательство и меры профилактики уголовно-правовой и криминологический аспекты // Молодые ученые в решении актуальных проблем безопасности : сб. материалов XII Всерос. науч.-практ. конф., Железногорск, 26 мая 2023 г. Железногорск : Сибирская пожарно-спасательная академия, 2023. С. 21–24.
6. Тимко С. А. Поджоги: уголовно-правовая и криминологическая характеристики : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2000. 166 с.
7. Зауторова Э. В., Кевля Ф. И. Профилактика противоправного поведения осужденных в местах лишения свободы // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 2(92). С. 188–194.

References

1. Antonyan, Yu. M. 2004, *Criminology: selected lectures*, Moscow.
2. Golyakova, I. V. & Goroshko, E. Yu. 2015, 'On the issue of arson prevention', *Modern technologies for civil defense and emergency response*, iss. 1-1(6), pp. 87–89.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

3. Kuzmina, T. A., Gorban, D. V. & Zheglov, P. I. 2023, 'Problematic issues of organization and practice of fire safety at facilities of the penal system of the Russian Federation', *Pravda i Zakon*, iss. 2(24), pp. 15–26.

4. Siryakov, A. N. & Lukyanchuk, E. O. 2015, 'Correctional and preventive process in institutions and bodies executing criminal penalties: issues of terminology', *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, iss. 1, pp. 24–28.

5. Smolyakova, Yu. N. & Kurichkov, D. O. 2023, 'On the issue of arson: criminal legislation and preventive measures, criminal law and criminological aspects', in *Young scientists in solving urgent security problems: proceedings of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference, Zheleznogorsk, May 26, 2023*, pp. 21–24, Siberian Fire and Rescue Academy, Zheleznogorsk.

6. Timko, S. A. 2000, *Arson: criminal law and criminological characteristics: PhD thesis (Law)*, Omsk.

7. Zautorova, E. V. & Kevlya, F. I. 2021, 'Prevention of unlawful behavior of convicts in places of deprivation of liberty', *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 2(92), pp. 188–194.

Информация об авторе

О. В. Пронина – кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности.

Information about the author

O. V. Pronina – PhD (Law), associate professor of the operational investigative activities department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 20.01.2025; одобрена после рецензирования 15.02.2025; принята к публикации 11.03.2025.

The article was submitted 20.01.2025; approved after reviewing 15.02.2025; accepted for publication 11.03.2025.

Научная статья

УДК 343.823

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.072-083

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-ТАКТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В РЕШЕНИИ ПРАВОВЫХ И ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ПРОБЛЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДА КАК ОДНОГО ИЗ СРЕДСТВ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ

Кирилл Валерьевич Одинокоев¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, kir14962@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен нетрадиционный подход к деятельности оперативной службы пенитенциарной системы по использованию с помощью методов и тактических приемов оперативных подразделений такого эффективного, но нередко на практике безосновательно оставленного без должного внимания, средства исправления осужденных, как труд. Предложен специфический метод задействования оперативных работников уголовно-исполнительной системы в создании благоприятных условий для реализации рассматриваемого средства исправления осужденных.

Ключевые слова: труд осужденных, использование оперативной службы в исправлении, оперативно-профилактическая работа

Для цитирования

Одинокоев К. В. Актуальность применения оперативно-тактических методов в решении правовых и организационных проблем использования труда как одного из средств исправления осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 1. С. 72–83. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.072-083.

Original article

THE RELEVANCE OF USING OPERATIONAL AND TACTICAL METHODS IN SOLVING LEGAL AND ORGANIZATIONAL PROBLEMS OF USING LABOR AS ONE OF THE MEANS OF CORRECTING CONVICTS

Kirill Valerievich Odínokov¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, kir14962@mail.ru

Abstract. The article considers an unconventional approach to the activities of the operational service of the penal system by using methods and tactics of operational units of such an effective, but often in practice unreasonably neglected, means of correcting convicts as labor. A specific method of involving operational staff of the penal system in creating favorable conditions for the implementation of the considered means of correcting convicts is proposed.

Keywords: labor of convicts, the use of operational service in correction, operational and preventive work

For citation

Odínokov, K. V. 2025, 'The relevance of using operational and tactical methods in solving legal and organizational problems of using labor as one of the means of correcting convicts', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 1, pp. 72-83, doi: 10.33463/2687-122X.2024.20(1-4).1.072-083.

Труд человека как средство исправительного воздействия на лиц, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, всегда был в центре внимания уголовно-исполнительной науки, занимая особое место в работах советских ученых, которые справедливым образом отводили ему главенствующую роль в деле совершенствования человека.

Ю. Б. Утевский пишет: «...Не может не встать вопрос о тех методах, при помощи которых должно в настоящее время осуществляться исправление и перевоспитание заключенных. Возникает, в частности, и вопрос о том, какую роль играет в настоящее время труд в исправительно-трудовых учреждениях, какие задачи выполняет труд, как он должен быть организован, каковы должны быть его условия и т. д. Бесспорным является положение, что ни один из методов исправления и перевоспитания заключенных не будет эффективным, если он применяется в отрыве от трудовой жизни. Нельзя себе представить ни целесообразной организации режима, ни успешной политико-воспитательной работы без привлечения всех трудоспособных заключенных к общественно полезному труду» [1, с. 6].

Е. Г. Ширвиндт в соавторстве с Б. С. Утевским не сомневаются в правильности выбранной идеи исправления лиц, находящихся в местах лишения свободы, через трудовое воздействие, относя важность ее догм к решению вопросов в сферах как перевоспитания человека, так и рационального использования труда в качестве залога экономической стабильности страны. Авторы утверждают, что «значение труда как основного метода социального перевоспитания неустойчивых элементов общества и приспособления их

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

к жизни в условиях трудового общежития является идеей давно известной пенитенциарной науке. Сделай человека прилежным, и он станет честным (Make man diligent and they will be honest) – гласит известное изречение Д. Говарда. Труд как основа социального перевоспитания преступника признается всеми пенитенциарными системами» [2, с. 120].

Интересны мысли С. В. Познышева, который утверждал, что «хорошая организация труда в пенитенциарных учреждениях составляет одно из первых условий правильной постановки пенитенциарного дела. Праздность вообще развращает человека, а при особых условиях, в которых живут заключенные, она особенно вредна. Сознание человека, что он честно работает, поднимает его в собственных глазах, оказывает на него облагораживающее влияние» [3, с. 198].

Советский ученый-правовед Н. А. Стручков отмечал, что «любой труд, в том числе и труд осужденных, является одновременно экономической, правовой и педагогической категорией. Именно так выступает он в процессе исправительно-трудового воздействия» [4, с. 241].

Большой интерес представляет утверждение одного из бывших заключенных советского периода, некоего Ивана Марманова, содержавшегося в исправительно-трудовом лагере, мнение которого, отчасти, отражает положительный результат идеологической пропаганды труда как основного механизма исправления осужденных советской эпохи: «...Именно эта пропаганда, рождающая веру в лучшее, сыграла ту роль, что резко снизилось число побегов, лагерных убийств и самоубийств» [5, с. 241].

Идея о труде как о действенном средстве исправления лиц, находящихся в местах лишения свободы, прижилась в ее стандартном, повсеместно встречающемся изложении благодаря практической необходимости, направленной на подъем материального благосостояния государства через использование человеческого ресурса на максимально возможных пределах. Однако с учетом анализа исторических данных необходимо отметить, что труд как средство исправления заключает в себе более глубокий смысл и является не просто прикладным инструментом, имеющим дополнительную функцию исправления человека через трудовую дисциплину. Советская исправительно-трудовая система не была родоначальницей концепции исправления человека через «идеологию труда» и, отчасти почерпнув некоторый опыт от стран протестантского Запада, все же имела свою самобытность, корни которой уходят в далекое прошлое.

В XVII в. в истории России произошел религиозный раскол. Общество в результате указанных событий разделилось на два лагеря. Первый составили люди, пытавшиеся сохранить культурный код народов, проживающих на территории России, со всеми его традиционно-правовыми нормами, а второй – те, кто желал примкнуть к западноевропейским идеям для слияния определенных мировоззренческих начал западной и восточной цивилизации в одно целое. В исторической мысли первых стали именовать раскольниковыми, старообрядцами или староверами. Общинный быт данной группы лиц представляет наибольший интерес. Так, специалист по указанной социальной прослойке российского общества профессор А. В. Пыжиков утверждал, что данный социум имел нестандартную организацию общества с точки зрения современной реальности. Основной идеей, которая помогла им, по мнению ученого, не только выжить во «враждебной среде», но и стать основой «российского капитализма», вернув авторитет и уважение к ним правительства, являлось их своеобразное отношение к труду, построенное на определенных этических нормах [6]. Это общество, хранящее старые традиции и устои народов, проживавших на территории Российского государства, использовало идеологию труда как метод воспита-

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ния и изменения человека, принадлежащего или вновь вступившего в общину. В данной системе организации труда не предполагалось наличия «старших» и «младших», «лучших» или «худших», а пропагандировалось равенство, взаимопомощь, подкрепляемые идеей осуществления конечного результата, который не может возникнуть, если хотя бы малое трудовое звено выпадет из общей системы жизнедеятельности общества [6]. На основании указанного фундамента строилась трудовая нравственность, заключавшая в себе порицание тех элементов, которые дискредитировали данную группу лиц своей праздностью и безразличием к общим делам [6].

Такая старообрядческая этика принесла в скором времени свои плоды. Немецкий ученый А. Гакстгаузен, побывавший в ряде российских регионов в XIX в., сделал сенсационное заявление о том, что большая часть увиденных им предприятий создана бывшими русскими крестьянами, вышедшими из низов, среди которых основной идеологией является староверчество. При этом «между ними совсем нет дворян, как нет ни ученых, ни теологов» [7]. Действительно, никто не мог и подумать, что гонимый и малообразованный класс с помощью четкой организации общества, через систему труда настолько наберет обороты, что станет передовым звеном промышленного потенциала развивающегося государства. Кроме того, в старообрядческую среду попадали люди, которых принято называть закоренелыми уголовниками, но которые приобщившись к общетрудовому делу меняли свое мировоззрение коренным образом [8].

Необходимо сделать определенную оговорку. Размышляя о староверческом обществе, мы не затрагиваем догматические основы данной религиозной концепции, нас интересует исключительно специфический ментальный код, который позволил им с помощью внедрения идеологии труда сплотить людей различных взглядов и убеждений в единый организм, возвратив им нравственный облик.

Обращаясь к западно-европейскому опыту, необходимо отметить, что похожая система трудовой терапии активно развивалась и впервые научно оформилась в странах с протестантско-прагматическим мировоззрением. Однако, по мнению некоторых ученых, все же имела свои отличительные черты от ранее рассмотренного подхода определенной социальной прослойки к труду [9]. Обобщая все теоретические изыскания по этому поводу, можно вспомнить знаменитую фразу Д. Говарда, которая подтверждает первостепенную необходимость в деле исправления осужденных применять такое средство воздействия на человека, как труд: «Сделайте людей трудолюбивыми и вы сделайте их честными».

Таким образом, отношение к труду как к средству исправления человека не только носит теоретический характер. Сам исторический опыт свидетельствует о том, что мы должны рассматривать этот элемент как один из первостепенных методов, способствующих возможности изменения человека. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением Ю. Б. Утевского, который утверждал, что неправильное, не совсем грамотное, тактически примитивное применение этого средства исправления осужденных делает его бесполезным, а иногда даже и вредным элементом, дестабилизирующим установленный режим порядка отбывания наказания. Ученый справедливо отмечает: «Советскому исправительно-трудовому праву чужд бесполезный труд как самодовлеющее наказание. Такой труд не может быть средством воспитания заключенного. Он может вызвать только чувство отвращения к работе, озлобить человека привить ему отрицательное отношение к труду» [1].

Рассматривая с различных ракурсов, в рамках ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ), труд как одно из основных средств исправления осужденных, нужно понимать, что деятельность по его обеспечению и регулированию ложится исключительно на сотрудников производственных служб УИС. Другие подразделения касаются этого направления служебной деятельности достаточно поверхностно.

Проанализируем начальный и в то же время самый главный этап трудоустройства осужденных, который состоит из первоначальной профилактическо-аналитической работы сотрудников администрации с лицами, содержащимися в местах лишения свободы. Стандартный подход к этому процессу заключается в использовании достаточно поверхностного алгоритма. Приведем пример общей и повсеместно применяемой системы привлечения осужденных к труду.

В исправительном учреждении, согласно утвержденному начальником колонии графику, разрабатывается очередность посещения карантинного отделения всеми заинтересованными службами. Руководителями служб и подразделений с вновь прибывшими осужденными проводятся и фиксируются в журнале мероприятия разъяснительного и воспитательного характера. Начальник центра трудовой адаптации осужденных (ЦТАО), производственно-технические работники проводят беседы о вакантных рабочих местах в ЦТАО либо мастерской для трудоустройства осужденного. Сотрудники подразделения, осуществляющего специальный учет, совместно с сотрудниками воспитательного отдела изучают личное дело осужденного: наличие паспорта гражданина Российской Федерации; страхового свидетельства обязательного пенсионного страхования (СНИЛС); гражданской специальности и трудовых навыков по ней; непогашенных исполнительных листов. Они выясняют, проходил ли ранее осужденный обучение в профессиональном училище, имеет ли желание трудиться, получить дополнительную специальность в профессиональном училище при учреждении или обучиться имеющимся специальностям непосредственно в ЦТАО учреждения. Полученные данные сверяются и корректируются в программно-техническом комплексе автоматизированного картотечного учета спецконтингента (ПТК АКУС). Кроме того, к заседанию комиссии сотрудники отдела безопасности и оперативного отдела готовят данные о необходимости постановки осужденных на профилактический учет и рекомендации сотрудникам производственной службы по вопросу вывода осужденных в первую или вторую смену, а сотрудники медицинской части представляют данные о трудоспособности или имеющихся ограничениях по состоянию здоровья [10, с. 82–83].

Необходимо отметить, что даже четкое выполнение такого нужного на определенной стадии алгоритма трудоустройства осужденных иногда приводит к формированию формального подхода, сводящего к дальнейшей бесполезности использование труда как средства исправления. Доказательством данного утверждения служат отдельные реалии практической деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы.

Вопрос трудоустройства является одним из самых важных, так как от его решения будет зависеть возможность дальнейшего влияния сотрудников администрации на осужденных. При комиссионном определении мест работы лицам из числа осужденных учитываются свободные трудовые места, поскольку подобрать работу по специальности каждому не предоставляется возможным в силу ограниченного наличия вакантных должностей. В силу этого администрация учреждения пользуется правилом, указанным в ст. 103 УИК РФ, которое гласит: «Каждый осужденный к лишению свободы обязан

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений. Администрация исправительных учреждений обязана привлекать осужденных к труду с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и, по возможности, специальности, а также исходя из наличия рабочих мест».

Представляется, что производственная деятельность в местах лишения свободы, является ключевым способом развития экономической составляющей пенитенциарной системы, однако сводить труд к узкоприкладной цели выполнения производственных показателей, не заботясь об исправлении и воспитании человека, по меньшей мере ошибочно.

Разберем конкретный пример из практической деятельности. В 2023 г. в одном из учреждений УФСИН России по Рязанской области содержался осужденный, который имел специальность столяра и был мастером своего дела. Однако в период, когда он прибыл в исправительное учреждение, рабочие места на производственном участке деревообрабатывающего цеха отсутствовали. При проведении комиссии по трудоустройству указанного осужденного он заявил, что «работа с деревом» является частью его жизни, и он данную деятельность воспринимает ни как принудительно-карательное наказание «трудом», а как способ удобного для себя развития и самореализации. Однако представители администрации, зацикленные на выполнении производственных показателей, разъяснив осужденному основные положения ст. 103 УИК РФ, решили не откладывать трудоустройство и определили место работы на швейном участке производственной зоны. Несмотря на то что данный осужденный положительно характеризовался, буквальное и грубое применение норм права вызвало у него негативное отношение к администрации, которого ранее никогда не было, а в последующем этот человек примкнул к лицам отрицательной направленности, спровоцировав в определенный период негативные процессы, которые касались преимущественным образом остановки деятельности упомянутого производственного участка.

В практической деятельности УИС иногда возникают подобные случаи некоего формального применения норм УИК РФ, которые ведут к серьезным последствиям, создавая в том или ином учреждении негативные процессы, преодолеть которые бывает очень сложно. Практика подтверждает, что буквальное применение права ведет к причинению морального вреда лицу, находящемуся в местах лишения свободы. Так, в одной из колоний УФСИН России по Рязанской области на производственной зоне учреждения в бригаде швейного производства был трудоустроен осужденный, который являлся передовиком трудовой деятельности, выполняя сложные производственные операции. От сотрудника учреждения, курирующего производство, он получил сведения о смерти близкого родственника. После получения данной информации осужденный прекратил работу, продолжая оставаться на своем рабочем месте в нестабильном психоэмоциональном состоянии. Однако один из сотрудников администрации, курирующий производственный процесс в бригаде, где содержался этот человек, в рамках взаимодействия с оператором поста видеонаблюдения исправительного учреждения зафиксировал нарушение установленного порядка отбывания наказания на основании п. 429 гл. XXV приказа Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы», посчитав, что осужденный незаконным образом прекратил работу. Поступив «по закону»,

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

но не разобравшись в причинах и условиях данного нарушения, сотрудники администрации способствовали возникновению негативных процессов в исправительном учреждении. Шансы осужденного на замену условий отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы более мягким видом, к которому он стремился весь срок, значительно снизились, что озлобило человека, который раньше приносил пользу администрации. Результатом такого формального применения «буквы закона» стало то, что рассматриваемое лицо примкнуло к группировкам отрицательной направленности.

Приведем другой пример. В одно из учреждений УФСИН России по Рязанской области прибыл осужденный, который был вызван на комиссионное обсуждение для трудоустройства. В ходе беседы он изъявлял чрезмерное желание трудоустроиться в цех по пошиву спецодежды, хотя его профессия, в том числе в иных учреждениях, была связана исключительно с токарным делом. В упомянутый период на участке металлообработки учреждения были вакансии, но комиссия по трудоустройству также обратилась к основным положениям ст. 103 УИК РФ и решила, что трудоспособность этого человека раскроется в большей степени, если его желание по конкретному месту работы будет удовлетворено. В итоге все тот же формальный подход к применению рассматриваемого средства исправления привел к негативным последствиям. По оперативным данным, которые были получены несвоевременно, данный осужденный целенаправленно пытался попасть на рассматриваемое место работы для того, чтобы наладить устойчивый канал доставки на территорию исправительного учреждения запрещенных предметов.

Изложенное свидетельствует о том, что ранее упомянутый, привычный для сотрудников администрации производственный алгоритм не всегда приводит к положительным результатам, обесценивая одно из самых важных средств исправления. Анализируя действующее законодательство, необходимо отметить, что разделение по линиям работ отделов и служб на воспитательную, тыловую, производственную, оперативную, психологическую, надзорную, с одной стороны, логично и естественно, а с другой – при буквальном понимании данной дифференциации ведет к «эгоистическому» замыканию представителей администрации учреждения только лишь на своих узконаправленных задачах. Результатом данной «системы» является разъединение, несогласованность отделов и служб, приводящее к негативным процессам, о которых мы упоминали. Подобные обстоятельства также могут привести к тяжким и особо тяжким преступлениям на территории производственной зоны исправительного учреждения, где, как правило, постоянно сосредоточена основная масса осужденных.

Обращаясь в очередной раз к советскому опыту, рассматривая механизм применения методов и средств исправления, в частности такого как труд осужденных, стоит выделить необычную для современных реалий систему использования оперативной службы как ключевого звена исправительного процесса в отношении лиц, содержащихся в местах лишения свободы. Советский ученый К. С. Раскин пишет: «Успех борьбы с преступлениями заключенных может быть достигнут только лишь при сочетании оперативно-профилактической работы со всей совокупностью воспитательных мероприятий, и прежде всего с хорошей организацией труда заключенных политико-воспитательной работы среди них... Конкретно проведение работы по предупреждению преступлений среди заключенных возлагается на оперативные аппараты. Однако эту работу они должны проводить в тесном контакте с другими службами исправительно-трудовых учреждений... Очень важно уяснение личным составом этих служб того обстоятельства, что их деятельность является одним из средств, при помощи кото-

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

рых должна успешно решаться общая задача обеспечения режима, укрепления дисциплины среди заключенных, неуклонного выполнения правил внутреннего распорядка, вовлечения в труд и культурно-массовую работу всех заключенных и, на этой основе, исправление и перевоспитание их. Поэтому должна проявляться особая забота о том, чтобы все службы и аппараты исправительно-трудовых учреждений самым активным образом взаимодействовали, дополняли друг друга» [11, с. 47–48].

Наибольший интерес вызывает позиция советской науки о неотделимости деятельности оперативной службы от политико-воспитательной работы с осужденными. Обращает на себя особое внимание и введение термина «оперативно-профилактическая работа», который если и употребляется в современной практической деятельности УИС, то лишь как обозначение средства разрешения каких-либо частных процессов негативного характера, к которым относятся конфликтные ситуации, деятельность по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, профилактика побегов и т. д. Наука советского периода предлагает нам взглянуть более глубоко на смысл и значение оперативной составляющей учреждения, используя ее для реализации основной цели пенитенциарной системы – исправления лиц, находящихся в местах лишения свободы.

Современная нормативно-правовая база, регламентирующая деятельность оперативной работы в УИС, ограничивая задачи оперативных сотрудников, сводя их только к выявлению, предупреждению и раскрытию преступлений, приводит к абстрактному и не совсем правильному пониманию их роли в пенитенциарной системе [12]. Применение средств исправления осужденных с помощью оперативной службы показывает, как расширение функций оперативных работников может быть удачно использовано в процессе исправления лиц, отбывающих наказание. Возвращаясь к использованию такого средства исправления осужденных, как труд, приведем примеры положительного опыта рассматриваемой нами концепции.

Так, в 2020 г. в одной из колоний УФСИН России по Рязанской области был открыт производственный участок от ООО «Завод точного литья», где осужденные получали соответствующие навыки по оцинковке литых колесных центров. Примечательно, каким образом возрос спрос на данную работу, даже среди негативно настроенных осужденных. Была создана целая агитационная программа по стабилизации производственного процесса в учреждении, основным элементом которой стала оперативная служба, выступающая в качестве центра по координации всех направлений служебной деятельности. В данную систему были вовлечены все сотрудники исправительного учреждения, но оперативный отдел выступал как некий совещательный орган, вырабатывающий на основании как оперативных данных, так и сведений, полученных от других служб учреждения, ту или иную концепцию тактических действий для реализации рассматриваемого средства исправления осужденных. В ходе взаимодействия между отделами и службами были скрупулезно проанализированы трудовые способности, организаторские качества лиц, относящихся к основной массе осужденных, осуществлены разъяснительные беседы о выгоде и пользе участия в производственном процессе, мероприятия по привлечению руководящего состава предприятия и представителей общественности к формированию идеологической составляющей, направленной на усвоение лицами, отбывавшими наказание, пользы и выгоды трудовой деятельности.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В результате такого нестандартного, комплексного подхода оперативная составляющая учреждения стала неким объединительным форпостом, деятельность которого была направлена на разработку и реализацию тех или иных решений по привлечению абсолютно всех осужденных, в том числе отрицательно настроенных, к труду для последующего их исправления. Стоит отметить, что был достигнут неожиданно быстрый результат. Несколько человек, ранее пытавшихся занять лидирующее положение среди других осужденных, обратились к представителям администрации с заявлением о желании трудоустроиться на рассматриваемый производственный участок. Один из них в последующем стал передовиком производства, а после освобождения из мест лишения свободы применил полученные трудовые навыки на соответствующем производстве, встав на действительный путь исправления. Этот факт стал элементом трудовой пропаганды, который в дальнейшем удачно использовали сотрудники оперативной службы в процессе применения рассматриваемого средства исправления осужденных. Группа лиц, ранее пытавшаяся получить незаконную прибыль с помощью участия в азартных играх, оставила данную противоправную линию поведения, также обратившись с просьбой к администрации о желании участвовать в производственном процессе.

В ходе применения нестандартного метода по привлечению оперативной службы, на первый взгляд, к несвойственным ей функциям, сократилось количество правонарушений, преступлений, а также иных негативных процессов, протекающих в среде осужденных. Таким образом, только системный подход, задействовавший все службы в исправительном процессе под началом оперативной составляющей, которая располагает в силу своих возможностей более полным арсеналом инструментов для получения информации о тех или иных процессах в ИУ, может принести положительный результат. В этом, по нашему мнению, и проявляется оперативно-профилактическая работа, определение и суть которой, как нам кажется, должны быть юридически закреплены в действующем уголовно-исполнительном законодательстве в качестве обязанности сотрудников, представляющих оперативную службу.

Стоит отметить, что термины «оперативная профилактика» и «оперативно-профилактическая работа», встречаемые в современной науке, также носят узконаправленный характер. Обобщая все возможные варианты изложения этих определений в качестве общего знаменателя, можно привести следующее утверждение из юридической литературы: «под оперативно-розыскной профилактикой правонарушений в исправительных учреждениях понимается комплекс гласных и негласных агентурных и оперативно-розыскных мероприятий, проводимых в отношении лиц, которые были осуждены к наказанию в виде лишения свободы, с целью выявления, изучения, а также нейтрализации различных негативных факторов, способствующих возникновению у данных лиц умысла на совершение правонарушения» [13, с. 28].

Это определение, бесспорно, созвучно задачам оперативно-розыскной деятельности, указанным как в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», так и в ст. 84 УИК РФ, а также стандартному, лингвистическому значению термина «профилактика». Данное определение целью оперативной профилактики ставит выявление, изучение, нейтрализацию факторов, способствующих тем или иным негативным процессам, которые заключают в себе потенциальное правонарушение. По нашему мнению, это допустимо, но как второстепенный элемент. Как нам кажется, основой оперативно-профилактической работы является не изучение и ликвидация факторов, а замена их альтернативными вариантами, которые несут

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

в себе для того или иного лица физическую, материальную, нравственную или духовно-выгоду. Достаточно часто в практической деятельности мы встречаем случаи, когда сотрудники администрации, устраняя эти самые факторы, на первый взгляд, получают положительный результат, осужденный как бы меняется, о чем свидетельствует и его справка о поощрениях и взысканиях, находящаяся в личном деле, но выходя за пределы исправительного учреждения, этот человек, тут же совершает тяжкие или особо тяжкие преступления, продолжая вести аморальный образ жизни. В силу этого сводить профилактику к грубой нейтрализации факторов не совсем точно, так как их нельзя устранить, но можно заменить или исправить, в чем и заключается предлагаемая нами новая задача оперативной составляющей пенитенциарной системы.

Можно сформулировать следующее определение оперативно-профилактической работы в УИС – это комплекс мероприятий, направленный на взаимодействие оперативных служб с иными представителями уголовно-исполнительной системы, целью которых является исправление осужденных и предупреждение совершения ими новых преступлений путем воспитания и просвещения лиц, находящихся в местах лишения свободы, с помощью использования дифференцированного подхода к каждому индивиду, через приобщение его к внешней форме соблюдения установленного порядка отбывания наказания для последующего формирования у него духовно-нравственных начал.

Вводя понятие «духовно-нравственные начала», мы говорим преимущественно не о внешнеобрядовой стороне религиозных догм, а о проведении сотрудниками УИС различных мероприятий, дающих толчок к самостоятельному анализу лицами, содержащимися в местах лишения свободы, своих недостатков, осознание которых будет лишь первым шагом к возможности их исправления. Итогом всего перечисленного должно стать сведение к минимуму шансов возникновения у лиц, находящихся в неволе, умысла на совершение каких-либо правонарушений, что как раз и будет более полно раскрывать задачи оперативно-розыскной деятельности в УИС, изложенные в современных нормативно-правовых актах, понимаемые в настоящее время по букве, а не по духу закона.

В завершении стоит отметить, что применение труда как средства исправления осужденных может быть по-новому переосмыслено через включение в тактику его осуществления оперативной составляющей учреждения. Основным подспорьем для результативного применения трудовой деятельности в качестве средства исправительного воздействия на осужденных является такое понятие, как оперативно-профилактическая работа, определение которого необходимо закрепить на законодательном уровне, дав ему точное обозначение. Это понятие не должно соотноситься лишь с рассматриваемым средством исправления, о котором мы говорили ранее. Оперативно-профилактическая работа может выступать в качестве инструмента контроля удачного осуществления и других средств исправления осужденных, указанных в ст. 9 УИК РФ.

Изложенное, несмотря на не совсем стандартный подход к оперативной службе УИС, в конечном счете составит первооснову для решения узконаправленных задач оперативной деятельности, которые не должны рассматриваться в отрыве от понимания необходимости участия оперативной службы в исправительном процессе. Цели оперативно-розыскной деятельности в УИС не должны сводиться только к выполнению подчас грубо толкуемых и слишком буквально понимаемых ее задач, интерпретация

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

которых исчерпывается сведением данной деятельности к выявлению, предупреждению и раскрытию преступлений. Фундамент оперативно-розыскной деятельности в УИС должен состоять из самой важной конструкции пенитенциарной системы, суть которой сводится к достижению цели исправления человека, что не только ликвидирует причины и условия совершения новых преступлений, но и приведет к укреплению всех начал в экономической, политической, социальной и духовной сферах.

Список источников

1. Утевский Ю. Б. Индивидуализация методов трудового перевоспитания заключенных // Вопросы исправительно-трудового права : сб. ст. М., 1957. Вып. 1. С. 3–21.
2. Ширвиндт Е. Г., Утевский Б. С. Советское пенитенциарное право. М., 1927. 276 с.
3. Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923. 342 с.
4. Стручков Н. А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970. 271 с.
5. Марманов И. Д. Страна деревянного Солнца. Тюмень, 2008. 311 с.
6. Пыжиков А. В. Грани русского раскола: заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года. М., 2013. 646 с.
7. Гакстаузен А. Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1869. Т. 1. 490 с.
8. Пыжиков А. В. Питер – Москва. Схватка за Россию. М., 2014. 459 с.
9. Пыжиков А. В. Корни Сталинского большевизма. М., 2015. 379 с.
10. Корякин Е. А. Алгоритм привлечения осужденных к оплачиваемому труду в исправительных учреждениях ФСИН России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2(36). С. 81–85.
11. Раскин К. С. Режим в исправительно-трудовых учреждениях и предупреждение преступлений среди заключенных // Вопросы исправительно-трудового права : сб. ст. М., 1957. Вып. 1. С. 45–78.
12. Об оперативно-розыскной деятельности: научно-практический комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г № 144-ФЗ (постатейный). М., 2021. 128 с.
13. Галахов С. С., Голубцова К. И. Научные проблемы и организационные основы оперативно-розыскной профилактики, осуществляемой оперативными сотрудниками исправительных учреждений ФСИН России // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 2(38). С. 25–29.

References

1. Utevsky, Yu. B. 1957, 'Individualization of methods of labor re-education of prisoners', in *Issues of correctional labor law: collection of articles*, iss. 1, pp. 3–21, Moscow.
2. Shirvindt, E. G. & Utevsky, B. S. 1927, *Soviet penal law*, Moscow.
3. Poznyshhev, S. V. 1923, *Fundamentals of penitentiary science*, Moscow.
4. Struchkov, N. A. 1970, *Soviet correctional labor policy and its role in the fight against crime*, Saratov.
5. Marmanov, I. D. 2008, *The Land of the wooden Sun*, Tyumen.
6. Pyzhikov, A. V. 2013, *The facets of the Russian schism: notes on our history from the XVII century to 1917*, Moscow.
7. Haxthausen, A. 1869, *A study of the internal relations of national life and especially rural institutions in Russia*, vol. 1, Moscow.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

8. Pyzhikov, A. V. 2014, *Peter – Moscow. The Fight for Russia*, Moscow.
9. Pyzhikov, A. V. 2015, *The roots of Stalinist Bolshevism*, Moscow.
10. Koryakin, E. A. 2016, 'Algorithm for attracting convicts to paid work in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia', *Legal science and law enforcement practice*, iss. 2(36), pp. 81–85.
11. Raskin, K. S. 1957, 'Regime in correctional labor institutions and the prevention of crimes among prisoners', in *Issues of correctional labor law: collection of articles*, iss. 1, pp. 45–78, Moscow.
12. *On operational investigative activities: scientific and practical commentary to Federal Law No. 144-FL of August 12, 1995 (article-by-article) 2021*, Moscow.
13. Galakhov, S. S. & Golubtsova, K. I. 2020, 'Scientific problems and organizational foundations of operational investigative prevention carried out by operational staff of correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia', *Bulletin of the Samara Law Institute*, iss. 2(38), pp. 25–29.

Информация об авторе

К. В. Одиноков – преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности.

Information about the author

K. V. Odinokov – lecturer of the operational investigative activities department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 20.01.2025; одобрена после рецензирования 15.02.2025; принята к публикации 12.03.2025.

The article was submitted 20.01.2025; approved after reviewing 15.02.2025; accepted for publication 12.03.2025.

УЧРЕЖДЕНИЯ И ОРГАНЫ, ИСПОЛНЯЮЩИЕ НАКАЗАНИЯ, И ИХ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Научная статья

УДК 343.81

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.084-091

УЧРЕЖДЕНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В МЕХАНИЗМЕ ПРИМЕНЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Борис Зуфарович Маликов¹

¹ Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа, Россия, malikov_bz@mail.ru

Аннотация. Цель настоящего теоретического обобщения – отражение авторской оценки объективных закономерностей и своеобразия возникновения мест лишения свободы, процесса формирования системы исправительных учреждений, уголовно-исполнительной системы России. Автором дается уголовно-правовая трактовка наказания в виде лишения свободы и роли исправительных учреждений в его реализации как механизма принуждения, организационной и материальной основы, обеспечения различных видов изоляции осужденных. Советская система исправительно-трудовых учреждений оценивается как своеобразный, но значимый период формирования уголовно-исполнительной системы России.

Ключевые слова: лишение свободы, изоляция, исправительные учреждения, осужденный, уголовно-исполнительная система, места лишения свободы, права человека

Для цитирования

Маликов Б. З. Учреждения уголовно-исполнительной системы России в механизме применения и исполнения лишения свободы // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 1. С. 84–91. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.084-091.

INSTITUTIONS AND BODIES EXECUTING SENTENCES AND THEIR LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Original article

INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN PENAL SYSTEM IN THE MECHANISM OF APPLICATION AND EXECUTION OF IMPRISONMENT

Boris Zufarovich Malikov¹

¹ Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, malikov_bz@mail.ru

Abstract. The purpose of this theoretical generalization is to reflect the author's assessment of the objective patterns and peculiarities of the emergence of places of deprivation of liberty, the process of forming the system of correctional institutions, and the Russian penal system. The author gives a criminal-legal interpretation of punishment in the form of imprisonment and the role of correctional institutions in its implementation as a mechanism of coercion, organizational and material basis, ensuring various types of isolation of convicts. The Soviet system of correctional labor institutions is assessed as a peculiar but significant period of the formation of the Russian penal system.

Keywords: imprisonment, isolation, correctional institutions, convict, penal system, places of deprivation of liberty, human rights

For citation

Malikov, B. Z. 2025, 'Institutions of the Russian penal system in the mechanism of application and execution of imprisonment', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 1, pp. 84–91, doi: 10.33463/2687-122X.2024.20(1-4).1.084-091.

Учреждения и органы уголовно-исполнительной системы России (УИС) как политико-социальное, организационно-административное, правоохранительное явление, значимый элемент механизма правосудия, а также форма государственной специальной антикриминальной деятельности представляют собой особое объективно-обусловленное и востребованное социальное направление уголовно-исполнительной работы с заключенными, подозреваемыми и обвиняемыми в совершении тяжких преступлений, и осужденными к различным видам наказаний. Осуществляя уголовно-исполнительную деятельность, учреждения и органы УИС несут в своей организации общий мировой опыт пенитенциарного дела и имеют собственную историю, а также характерные особенности в механизме функционирования.

Организационные и нормативные форматы лишения свободы (изоляции) узника формировались на протяжении всей истории общего процесса цивилизации жизни человека и социума. С древних времен средствами ограничения перемещения и изоляции арестантов были: применение физического принуждения и вооруженной охраны, различных технических средств, а также помещение их в глубокие ямы, погреба, зинданы, специальные тюремные помещения или приспособленные для этой цели капитальные

строения – замки, крепости, башни. Все эти способы физического ограничения свободы человека изначально либо не требовали дополнительных и значительных затрат на обеспечение изоляции и проявление заботы об узнике, либо представляли собой основное карательное свойство лишения свободы, а также форму подавления физических и духовных сил. Такие формы и способы изоляции преступников и иных лиц не нуждались в особой организации управления, обеспечения прав заключенных, а также наличии специальных служб и персонала для обеспечения соответствующей работы с заключенными.

Долгое время в истории человечества различные формы изоляции узника представляли собой проявление беспредельной власти над ним. Например, крепость Бастилия во Франции просуществовала более 400 лет со времен враждующих ханов Мамай и Тохтамыша и до конца XVIII в. (14 июля 1789 г.), выполняя функции места заточения по приказу монарха. Тем самым можно констатировать, что в мировой практике места лишения свободы и тюремные заведения до второй половины XVIII в. не были олицетворением духа правосудия.

В странах Европы и США тюремное дело как форма карательной изоляции преступников постепенно стало обретать своеобразное направление государственной и частной деятельности, которую называли пенитенциарной работой. Пенитенциарный вид деятельности охватывал все направления работы с осужденными, подвергаемыми судебному преследованию в форме тюремного заключения.

Нужно отметить, что XVIII в. в мировой истории был весьма богат на знаменательные события, в том числе в развитии пенитенциарного дела. 4 июля 1776 г. были образованы Соединенные штаты Америки (США). Для России период 1768–1775 гг. ознаменовался войной с Османской империей, а во внутренних делах – наличием масштабного военного противостояния власти народных масс под предводительством Е. Пугачева. Эти и другие обстоятельства заставили Екатерину II принять неотложные меры по упрочению государственного управления и системы общественных отношений по обеспечению в стране гражданского порядка, относительного благополучия подданных, а также повышению авторитета существующей власти. Наказ Екатерины II по проекту Устава о тюрьмах 1767 г. можно считать началом большой работы по формированию в России тюремной системы нового типа [1, с. 71–73]. В 1775 г. императрица Екатерина II учредила приказы общественного призрения и повелела продолжить практику деятельности смирительных домов и создать работные дома как для нищих, так и для воров и мошенников. Правовой основой стали положения нормативного акта «Учреждения об управлении губерниями» 1775 г. с последующими дополнениями.

Наиболее четкие представления о необходимости гуманизации тюремных учреждений начали формироваться только с пониманием роли наказания в виде лишения свободы в противодействии преступности, а также необходимости серьезного изменения отношения государства и общества к преступнику и осужденному как члену общества и гражданину государства. Этот актуальный и значимый аспект преступности, правосудия и личности осужденного достаточно точно и емко был отмечен К. Марксом в своем выступлении в Рейнском ландтаге по поводу закона о краже леса [2, с. 132].

В мировой практике процесс гуманизации пенитенциарного дела как особой и значимой формы осуществления антикриминального правосудия и вида государственной правоохранительной деятельности начал более менее отчетливо формироваться в конце XVIII в. В Нидерландах было удачно организовано одиночное тюремное

УЧРЕЖДЕНИЯ И ОРГАНЫ, ИСПОЛНЯЮЩИЕ НАКАЗАНИЯ...

содержание осужденных (Генте 1775 г.), введены элементы регламента режима поведения осужденных и их исправления. В XIX в. появились и начали внедряться системы одиночного содержания осужденных в тюрьмах США (Оборнская 1820 г. и Пенсильванская 1818 г.). Прогрессивная, или ирландская, система отбывания лишения свободы была разработана в Ирландии и внедрена Законом от 7 августа 1854 г. (Irish prisons act). Она была ориентирована на социализацию осужденных путем мотивации у него стремления к правопослушному поведению и смягчению условий содержания вплоть до освобождения и изменения статуса в социуме до уровня полноправных граждан.

Вслед за движением в европейских странах и США по реформированию тюремных систем на рубеже второй половины XIX в. складывается практика проведения международных тюремных конгрессов. Почти за шесть десятилетий активной гуманистической, научно-познавательной, организационно-практической и филантропической деятельности, выросшей на основе инициатив общественных начал, тюремные конгрессы сыграли значимую роль в развитии и гуманизации пенитенциарного дела на уровне национальных государств, включая Россию.

Геноцид нацистской практики и разрушительные последствия Второй мировой войны дали серьезный импульс к формированию идейных, организационных и правовых основ, направленных на обеспечение всеобщего мира и прав человека, в том числе гуманизации пенитенциарного дела на уровне национальных государств через действие принципов и положений Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), международных пенитенциарных стандартов и правил обращения с лицами, подвергнутыми тюремной изоляции от общества.

Всеобщая тенденция в истории формирования национальных систем, обеспечивающих организацию различных видов изоляции лиц, совершивших тяжкие преступления, а также осужденных к наказанию в виде лишения свободы проявилась в единой по своей сущности и содержанию форме деятельности. На уровне властных субъектов социальных образований и государств шел процесс по организации процедур применения к преступнику принуждения в виде физического ограничения к проявлениям агрессии. К такому лицу применялись и применяются ограничения в виде реализации права на личную свободу путем помещения его в строго определенное местоположение – в специально оборудованные или приспособленные охраняемые места заключения. Характер изоляции, определенный законом, представляет собой реализацию запрета на самостоятельное перемещение в пространстве виновного лица путем обеспечения пребывания его под строгим контролем в определенном месте с наличием должных условий быта и ограничений в целях недопущения проявлений криминальной агрессии, а также для решения задач правосудия. Посткриминальные процедуры изоляции виновных лиц предопределяют наличие и неординарность механизмов властного или государственного принуждения, способов, мер и средств их обеспечения – применение физической силы, спецсредств и оружия, режима их содержания и поведения под охраной.

В понятие «тюрьма» во все времена вкладывался один смысл – заключение по решению властей должника или виновного в совершении преступления в места изоляции для отбытия наказания за преступления, проступки или долги. По выполняемым функциям места изоляции (тюрьмы) в дореволюционный период в России различались на места: а) заключения предварительного, пересыльного и иного характера; б) изоляции осужденных к лишению свободы в виде ссылки в отдаленные места на поселение, для выполнения каторжных работ, помещения в смиренные дома; в) заключения – соб-

УЧРЕЖДЕНИЯ И ОРГАНЫ, ИСПОЛНЯЮЩИЕ НАКАЗАНИЯ...

ственно тюремные учреждения для военных, несовершеннолетних, инвалидов и больных, переходные, политические, для военнопленных, мужские и женские. Различались тюремные учреждения и по степени изоляции: облегченной, средней и строгой изоляции.

Собственно история уголовно-исполнительной системы России как направления политики и специальной функциональной деятельности государства берет свое начало в 1879 г. с принятия первого специального официального решения. Указом Александра II от 12 марта 1879 г. были образованы Главное тюремное управление (ГТУ) в составе Министерства внутренних дел Российской империи, а в его составе – Тюремная инспекция, на которую возлагались обязанности по разработке проектов законодательных актов, проведению ревизий местных тюремных учреждений, руководство их деятельностью. За почти четыре десятилетия своей деятельности ГТУ подверглось одной реформе – передаче 13 декабря 1895 г. его из подчинения МВД в Министерство юстиции Российской империи.

В годы советской власти идея В. И. Ленина «о переходе от тюрем к воспитательным учреждениям» уже на начальном этапе социалистического строительства не выдержала конкуренции с объективной необходимостью сохранения и дальнейшего развития в России системы учреждений, обеспечивающих исполнение наказания в виде лишения свободы.

В Советской России тюремное ведомство было сохранено и входило в состав НКВД – МВД под наименованиями: ГУМЗ, ГУЛАГ, ГУИТУ и ГУЛИТУ. В постсоветский период система исправительных учреждений с ее центральным органом управления – Главным управлением по исправительным делам – входила в состав МВД России. В 1998 г. уголовно-исполнительная система и центральное ведомство с наименованием ГУИН России было передано из МВД России под общее управление Минюста России. В 2004 г. на основе ГУИН России была сформирована самостоятельная Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН России).

Чтобы наиболее точно определить сущность и содержание деятельности исправительных учреждений, необходимо четко представлять законодательное определение понятия наказания в виде лишения свободы. Сущностью наказания в виде лишения свободы является изоляция осужденного от общества (ч. 1 ст. 56 УК РФ). Вместе с тем следует отметить, что государственное принуждение в виде изоляции применяется и в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении, как правило, тяжких преступлений. Изоляция этой категории лиц обеспечивается судом на основе норм Уголовно-процессуального кодекса России о применении меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 108), а осуществляется, как правило, следственными изоляторами.

Изоляция лиц, совершивших тяжкие преступления, различается по процессуальному значению и основаниям на виды: а) подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений; б) осужденных к лишению свободы. Организация и исполнение этих видов изоляции не однозначна по целям, правовому регулированию исполнения, основаниям применения, правовому положению заключенных и осужденных, видам учреждений и органов, их исполняющих.

Изоляция осужденных по уголовному законодательству России имеет карательно-режимный характер, что соответствует требованиям норм ч. 1 ст. 43 и ст. 56 УК РФ о сущности наказания в виде лишения свободы и формах изоляции, обеспечиваемой системой исправительных учреждений (ст. 58 УК РФ, ст. 74 УИК РФ). Законодатель закрепил общие признаки изоляции осужденных, дифференцировав ее на два ос-

УЧРЕЖДЕНИЯ И ОРГАНЫ, ИСПОЛНЯЮЩИЕ НАКАЗАНИЯ...

новых вида по способу организации и строгости ее обеспечения (ч. 1 ст. 56 УК РФ): 1) содержание осужденных под надзором колоний-поселений; 2) помещение осужденных в исправительные колонии общего, строгого и особого режимов, тюрьмы, лечебно-исправительные учреждения, воспитательные колонии.

Технически форма изоляция представляет собой содержание осужденных в конкретных специально оборудованных местах – укрепленных и запираемых помещениях. Значимыми элементами изоляции осужденных являются, как правило, организация их военизированной охраны и надзора, строгая определенность их поведения регламентом режима содержания в различных видах исправительных учреждений (ИУ) (ст. 82 УИК РФ).

Функционирование исправительных учреждений – это достаточно сложное по характеру организации, ресурсоемкое и комплексное направление деятельности государства. Ведь государство, изолируя осужденного, принимает на себя обязанности по всем вопросам его жизнеобеспечения, социального сопровождения процессов развития личности, недопущения ее деградации или утраты здоровья. Содержание деятельности исправительных учреждений складывается из многообразия действий, обусловленных наличием разных форматов и уровней компетенций в уголовно-исполнительной системе, а также конкретных функций ИУ. Качество их деятельности, как правило, обусловлено степенью и характером обеспеченности исправительных учреждений государством, решения ими широкого комплекса исправительных, социальных, правоохранительных и уголовно-исполнительных задач. В силу этого содержание уголовно-исполнительной деятельности ИУ включает в себя: 1) выработку политики по применению и реализации уголовных наказаний, в частности лишения свободы; 2) создание системы учреждений и органов, исполняющих наказания, а также механизмов управления ими для организации должного их функционирования; 3) научное обеспечение всех направлений уголовно-исполнительной деятельности, а также изучение практики применения к осужденным различных форм изоляции, исправительного воздействия, реагирования на негативы в «тюремной» среде и устранения таковых; 4) поддержание высокого профессионального уровня работы персонала УИС с осужденными и заключенными; 5) подготовка кадров для УИС; 6) решение серьезного блока вопросов, связанных с организацией службы персонала УИС, материального и социального его обеспечения, жизни и быта.

Основными функциями исправительных учреждений являются: 1) уголовно-исполнительная деятельность (исполнение приговора суда в части реализации кары – ст. 15 Закона РФ от 21 июля 1993 г. в редакции Федерального закона от 11 июня 2022 г. № 170-ФЗ «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»); 2) обеспечение безопасности (антикриминальная защита персонала и осужденных, работа по дискредитации тюремной субкультуры, криминальных и тюремных традиций, пресечение криминального поведения); 3) исправление осужденных; 4) социальная реинтеграция осужденных в общество; 5) предупреждение рецидива преступлений (режимная и дисциплинарная практика, работа с органами внутренних дел по нераскрытым преступлениям, а также совершаемым в ИУ, вопросы административного надзора). Относительно самостоятельными специфическими и значимыми функциями непосредственно исправительных учреждений являются: организационно-управленческая, материально-техническая, бытового обеспечения осужденных, производственно-хозяйственная, медико-санитарная, организация службы персонала и работа с кадрами, согласно Федеральным законам от 21 июля 1993 г. № 5473-1, от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ и от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ.

УЧРЕЖДЕНИЯ И ОРГАНЫ, ИСПОЛНЯЮЩИЕ НАКАЗАНИЯ...

Система исправительно-трудовых учреждений (ИТУ) страны была в основном сформирована в советский период. Она через содержание деятельности, организационную структуру и формирование материальной базы объективировала в себе как положительные, так и негативные моменты исправительно-трудовой политики Советского государства, социалистической экономики, проблемы правосудия, а также собственные непосредственно отрицательные проявления и сложности предвоенных и военных лет, экономического, военного, политического, идеологического давления недружественного окружения зарубежных государств. Система ИТУ была сформирована именно такой, какой ей было суждено стать во времена испытаний. Она несла тяжкое бремя своего функционального предназначения, разных событий в жизни страны и решения комплекса неоднозначных задач как государственная структура, в ведении которой содержался криминальный контингент, значительный трудовой ресурс, профессиональный потенциал осужденных, граждане страны, а также военные преступники. Путем осуществления изоляции противоправной, агрессивной и антисоветской части осужденных, имевших опыт расправ с представителями власти страны, советскими гражданами, совершения диверсий и погромов в мирное и военное время, система ИТУ сдерживала в стране активное проявление криминала и иной противоправной агрессии, направленной против социалистического созидания. Негативные криминальные события после широкой амнистии 1953 г. в СССР подтвердили правоохранительную и исправительную актуальность и значимость деятельности исправительно-трудовых учреждений.

Советская система ИТУ после развала СССР входила в новую социально-политическую и экономическую действительность России уже с наличием небольшого опыта дегенерализации, но при этом в местах лишения свободы находилось еще продолжительное время более миллиона осужденных. Причиной тому были обострение криминальной ситуации в стране в 1990-е годы, а также отсутствие у судов реальной возможности широкого применения альтернатив лишению свободы.

Процесс реформирования УИС в России продолжается более трех десятилетий, что является показателем того, насколько это сложная и многогранная сфера социального проявления и государственной деятельности. Ведь исправительные учреждения встроены в механизм правосудия и на них возложена важнейшая функция – исполнять приговоры судов в отношении осужденных к наказанию в виде лишения свободы. Контингент данной категории осужденных – самый сложный. Они являются исполнителями тяжких видов преступлений: насильниками, убийцами, экстремистами, террористами, наркоманами, – обладателями жестокого и аморального опыта, физических и психических заболеваний. Все свои негативные качества и особенности они привносят в места изоляции, делая среду осужденных стрессогенной, криминогенной и опасной.

Последовательные реформы в сфере уголовной и уголовно-исполнительной политики, а также уголовно-исполнительной деятельности позволили за три десятилетия изменить соотношение осужденных в структуре назначенных судами наказаний в пользу снижения уровня применения наказания в виде лишения свободы более чем в два раза. Безусловно, снижение общего количества осужденных в исправительных учреждениях позволяет повысить качество всех направлений работы с ними: а) укрепить правопорядок и безопасность; б) сосредотачивать усилия на решении проблем трудовой занятости осужденных и их профессиональной подготовке; в) решать вопросы их социальной адаптации после отбывания наказания; г) активнее и результативнее блокировать действие в коллективах осужденных проявлений субкультуры и криминальной романтики.

УЧРЕЖДЕНИЯ И ОРГАНЫ, ИСПОЛНЯЮЩИЕ НАКАЗАНИЯ...

Содержание современного периода реформирования УИС и всего того, что связано с уголовно-исполнительной деятельностью, затрагивает интересы правосудия, состояние правоохраны и общественной безопасности в России. В силу этого руководство страны и органы управления УИС активно обеспечивают работу по повышению эффективности деятельности исправительных учреждений и постпенитенциарной работы с лицами, отбывшими наказание. Подтверждением этого являются меры, принятые на перспективу, отраженные в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года и Федеральном законе о пробации в России.

Список источников

1. Шурухнов Н. Г. Тюремь России по собственноручному проекту императрицы Екатерины II 1787 года (краткий ретроспективный обзор) // Человек: преступление и наказание. 2021. Т. 29(1–4), № 1. С. 71–82.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : ГИПЛ, 1955. Т. 2. С. 119–160.

References

1. Shurukhnov, N. G. 2021, 'Prisons of Russia designed by Empress Catherine II in 1787 (a brief retrospective review)', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1-4), iss. 1, pp. 71–82.
2. Marks, K. & Engels, F. 1955, *Essays*, 2nd edn, vol. 2, pp. 119–160, GIPL, Moscow.

Информация об авторе

Б. З. Маликов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии.

Information about the author

B. Z. Malikov – Sc.D (Law), Professor, professor of the criminal law and criminology department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 14.01.2025; одобрена после рецензирования 15.02.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 14.01.2025; approved after reviewing 15.02.2025; accepted for publication 18.03.2025.

ПОМОЩЬ ОСУЖДЕННЫМ, ОСВОБОЖДАЕМЫМ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ, И КОНТРОЛЬ ЗА НИМИ

Научная статья

УДК 343.848:364.04

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.092-098

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ КОНТРОЛЯ ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С БОЛЕЗНЬЮ

Юлия Александровна Головастова¹, Татьяна Николаевна Елисеева²

^{1,2} Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия

¹ Московский университет имени С. Ю. Витте, г. Рязань, Россия

¹ ugolovastova@yandex.ru

² tanya-97g@mail.ru

Аннотация. Авторами исследуется понятие постпенитенциарного контроля за лицами, освобожденными от отбывания наказания в виде лишения свободы в связи с болезнью, как разновидности государственного контроля. Рассмотрен ряд основных функций, характерных для контроля за освобожденными в момент их фактического убытия из исправительного учреждения. Анализ мнений ученых относительно сходства и различия понятий государственного и постпенитенциарного контроля позволил авторам выделить специальные признаки контроля за лицами, освобожденными от наказания в связи с болезнью, определить его цели, а также сформулировать доктринальное определение данного правового явления.

Ключевые слова: постпенитенциарный контроль, освобождение от наказания в связи с болезнью, неотбытая часть наказания, уголовно-исполнительная инспекция

Для цитирования

Головастова Ю. А., Елисеева Т. Н. Понятие и признаки контроля за лицами, освобожденными от наказания в связи с болезнью // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 1. С. 92–98. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.092-098.

ASSISTANCE TO CONVICTS RELEASED FROM SERVING THEIR SENTENCES AND CONTROL OVER THEM

Original article

THE CONCEPT AND SIGNS OF CONTROL OVER PERSONS RELEASED FROM PUNISHMENT DUE TO ILLNESS

Julia Alexandrovna Golovastova¹, Tatyana Nikolaevna Eliseeva²

^{1,2} Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia

² Witte Moscow University, Ryazan, Russia

¹ ugolovastova@yandex.ru

² tanya-97g@mail.ru

Abstract. The authors explore the concept of post-penitentiary control over persons released from serving sentences of imprisonment due to illness, as a type of state control. A number of basic functions characteristic of monitoring released persons at the time of their actual departure from the correctional institution are considered. The analysis of scientists' opinions on the similarities and differences between the concepts of state and post-penitentiary control allowed the authors to identify special signs of control over persons released from punishment due to illness, determine its goals, and formulate a doctrinal definition of this legal phenomenon.

Keywords: post-penitentiary control, release from punishment due to illness, unserved part of punishment, penal inspection

For citation

Golovastova, Yu. A. & Eliseeva, T. N. 2025, 'The concept and signs of control over persons released from punishment due to illness', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 1, pp. 92–98, doi: 10.33463/2687-122X.2024.20(1-4).1.092-098.

Предметом исследования в настоящей статье выступает один из видов государственного контроля – постпенитенциарный, осуществляемый за лицами, освобожденными от отбывания наказания в виде лишения свободы в связи с болезнью. С точки зрения О. В. Филимонова, в общем понимании контроль, осуществляемый за лицом в постпенитенциарный период, «...необходимо рассматривать как относительно самостоятельный элемент механизма уголовно-правового регулирования, выступающего в качестве субсидиарного, организационного по отношению к ответственности», который, в свою очередь, «...способствует успешному решению задач, стоящих в сфере борьбы с преступностью...» [1, с. 145].

А. И. Абатуров пенитенциарный контроль рассматривал с позиции уже имеющего четкое законодательное наименование вида контроля, именуемого административным надзором. Под данным видом контроля ученый понимал систему мер контроля и надзора, характеризующую временными рамками и проводимую органами внутренних дел [2, с. 10].

ПОМОЩЬ ОСУЖДЕННЫМ...

Анализируя приведенные мнения ученых, отметим, что, как и административному надзору, контролю за лицом, условно-досрочно освобожденным от наказания или освобожденным от отбывания наказания в связи с болезнью, равно как и за лицом, кому предоставлена отсрочка от отбывания наказания, наряду с контролем за иными видами досрочного освобождения от наказания присущи, на наш взгляд, схожие функции и признаки.

Во-первых, контроль служит неким механизмом, сдерживающим фактором, осуществляющим, наряду с профилактической работой, мероприятия по предупреждению совершения осужденными, освобожденными из исправительных учреждений, новых преступлений, которые тесно связаны с целями уголовного наказания. В этом контексте постпенитенциарный контроль за освобожденными от отбывания лишения свободы становится одним из важных компонентов прогрессивной системы исполнения наказания.

Во-вторых, с нашей точки зрения, постпенитенциарный контроль нередко выступает гарантом правового положения лиц, освобожденных от наказания, в том числе условно-досрочно, равно как и по причине болезни. Настоящие доводы, на наш взгляд, лишний раз свидетельствуют об ошибочности рассмотрения данного правового явления лишь с позиции карательно-наблюдательного механизма.

В-третьих, именно контроль способствует проведению объективной оценки ситуации, складывающейся с осужденным в период после его фактического освобождения из исправительного учреждения, путем ведения статистической отчетности, а также информационно-аналитической и иной документации.

В юридической литературе справедливо подчеркивается, что осуществление контроля за поведением условно-досрочно освобожденного лица является своего рода заключительным этапом реализации института досрочного освобождения и требует от условно-досрочно освобожденного более ответственного отношения к своему поведению, заставляет задумываться над последствиями своих поступков и тем самым повышает эффективность индивидуальной профилактики преступлений [3, с. 72].

Справедливости ради отметим, что наиболее точное и удачное определение контроля за осужденными в период после их освобождения от отбывания наказания было представлено в совместном исследовании А. К. Музеника, В. А. Уткина, О. В. Филимонова. Согласно позиции авторов, «меры контроля по своей сути являются мерами государственного принуждения, применяемые в основном в форме специальных правоограничений, налагаемых на осужденного» [4, с. 60].

Таким образом, меры контроля, в сущности, представляют собой методы, выражающиеся в виде специальных ограничений, накладываемых на осужденного в период неотбытой ими части наказания. В состав мер включаются некоторые полномочия, предоставляемые компетентным органам и их представителям для наблюдения за поведением подконтрольного лица и получения необходимой информации о нем. Следует признать, что в контексте контроля за осужденными, досрочно освобожденными от наказания в виде лишения свободы в связи с болезнью, в этот состав входит и оказание им помощи.

Представляется очевидным, что в классическом понимании в научной литературе под постпенитенциарным контролем понимается вид государственного контроля, осуществляемый уполномоченным на то специализированным государственным органом в отношении осужденных, досрочно освобожденных от отбывания наказания, представленный системой мер и процедур, направленных на обеспечение безопасности

ПОМОЩЬ ОСУЖДЕННЫМ...

общества и успешную реинтеграцию освобожденных осужденных в социальную среду после их убытия из исправительного учреждения с оказанием им необходимой помощи.

Вместе с тем некоторыми учеными фактически не проводится разграничений между постпенитенциарным контролем и пробационными мероприятиями в отношении лиц, освобожденных от отбывания наказания, что, на наш взгляд, представляется весьма спорным [5, с. 435].

Цели, которые закрепляет новый в своем роде закон, носят комплексный характер. Это и коррекция социального поведения, и ресоциализация, и социальная адаптация, и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация, а также предупреждение совершения ими новых преступлений. Однако уголовно-исполнительная инспекция, являясь одним из субъектов пробации, в данном случае нацелена на достижение в некоторой мере иного рода целей, нежели чем предлагается нами при осуществлении постпенитенциарного контроля за лицами, освобожденными от наказания в связи с болезнью.

Так, осуществление контроля за лицами, освобожденными от отбывания наказания в виде лишения свободы в связи с болезнью, по нашему мнению, должно быть направлено:

- на обеспечение соблюдения прав, свобод и законных интересов лиц, освобожденных от отбывания наказания в связи с болезнью;
- предупреждение совершения лицами, освобожденными от отбывания наказания в связи с болезнью, новых преступлений;
- обеспечение законности и правопорядка в государстве и обществе;
- обеспечение оказания лицам, освобожденным от отбывания наказания в связи с болезнью, юридической, психологической и медицинской помощи, в частности, помощи в продолжении лечения.

Кроме того, разграничивая постпенитенциарный контроль и пробационные мероприятия в отношении освобожденных от наказания, следует отметить, что категория «освобожденные от отбывания наказания в виде лишения свободы в связи с болезнью» вовсе не отнесена к предмету регулирования Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации».

Таким образом, с нашей точки зрения, центры пробации, безусловно, должны выступать в роли активных участников правоотношений, возникающих после досрочного освобождения от отбывания наказания. Однако говорить о контрольных мероприятиях, представленных нами в качестве постпенитенциарного контроля за лицами, освобожденными от отбывания наказания в виде лишения свободы в связи с болезнью, в одинаковом ключе с пробационными мероприятиями, на наш взгляд, не стоит. В настоящее время в процессе развития института пробации его роль скорее будет являться вспомогательной по отношению к уголовно-исполнительной инспекции. Это позволит субъектам пробации наряду с постпенитенциарным контролем оказывать помощь освобожденным осужденным, включая ресоциализационные мероприятия, организацию взаимодействия с учреждениями Министерства здравоохранения, привлечение добровольцев из общественных организаций, религиозных конфессий, организаций социального обслуживания и местной общественности.

Изложенное позволяет выделить следующую систему специальных признаков, свойственных постпенитенциарному контролю как виду государственного контроля за лицами, освобожденными от отбывания наказания в виде лишения свободы в связи с болезнью: юридический факт, порождающий контроль; субъект контроля; объект контроля; предел и механизм осуществления контроля.

ПОМОЩЬ ОСУЖДЕННЫМ...

Так, в качестве первого признака предлагаем рассматривать юридический факт, порождающий такой контроль. Юридическим фактом при досрочном освобождении от наказания в связи с болезнью является вступившее в законную силу постановление суда об освобождении от наказания в связи с болезнью. Именно данное основание является отправной точкой отсчета измененных уголовно-исполнительных отношений с лицом, освобожденным досрочно. Эти отношения, с одной стороны, характеризуются тем, что не перестают быть уголовно-исполнительными, с другой – нельзя не сказать об их трансформации ввиду новых условий, протекаемых, во-первых, за пределами исправительного учреждения, во-вторых, во вполне определенных временных рамках, именуемых периодом неотбытой части наказания.

Ко второму признаку постпенитенциарного контроля за лицами, освобожденными от отбывания наказания в виде лишения свободы, оправданно отнести субъекта контроля, под которым мы предлагаем рассматривать уголовно-исполнительную инспекцию.

Третьим признаком исследуемого правового явления, безусловно, является объект контроля. В рассматриваемых правовых отношениях в качестве объекта контроля выступают лица, освобожденные от отбывания наказания в порядке ст. 81 УК РФ.

Четвертым обязательным признаком постпенитенциарного контроля за лицами, освобожденными от наказания в связи с болезнью, является предел его осуществления, именуемый периодом неотбытой части наказания.

Справедливым видится установление границ течения неотбытой части наказания для лиц, освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы в связи с болезнью. Для этого, на наш взгляд, необходимо внести соответствующие изменения в отечественное уголовное и уголовно-исполнительное законодательство.

Условия, при которых лицо, ранее освобожденное от наказания в соответствии со ст. 81 УК РФ, в течение неотбытой части может быть фактически возвращено в исправительное учреждение, на наш взгляд, было бы правильным классифицировать следующим образом:

1. Для лиц, освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы в связи с психическим расстройством, по нашему мнению, единственным условием возобновления исправительного воздействия будет выступать их полное излечение от заболевания в период неотбытой части наказания.

2. Для лиц, освобожденных от отбывания наказания в связи с иной тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания:

– полное излечение осужденного от тяжелой болезни, препятствующей отбыванию наказания, в период неотбытой части наказания;

– уклонение осужденного от обязанности встать на учет в медицинскую организацию по месту жительства и продолжить лечение на период неотбытой части наказания;

– систематическое уклонение осужденного от обязанности предоставлять справки о состоянии своего здоровья на период неотбытой части наказания;

– иные условия, аналогичные для лиц, освобожденных от наказания условно-досрочно, предусмотренные ч. 7 ст. 79 УК РФ.

Названные признаки позволяют сформулировать доктринальное определение постпенитенциарного контроля за лицами, освобожденными от отбывания наказания в виде лишения свободы в связи с болезнью. Под ним понимается вид государственного контроля, осуществляемый уполномоченным на то специализированным государственным органом в лице уголовно-исполнительной инспекции в период неотбытой части

ПОМОЩЬ ОСУЖДЕННЫМ...

лишения свободы в отношении осужденных, освобожденных от отбывания наказания в связи с болезнью, представленный системой мер и процедур, направленных на предупреждение совершения новых преступлений, обеспечение законности и правопорядка в обществе и государстве, а также способствующий соблюдению прав и свобод данной категории лиц, в частности продолжению лечения, и их успешной реинтеграции в социальную среду. Выделение разновидности постпенитенциарного контроля в узком смысле слова имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку позволяет отграничивать его не только от контроля за лицами, которым предоставляется отсрочка отбывания наказания, но и от постпенитенциарного контроля за лицами, полностью отбывшими лишение свободы.

Список источников

1. Филимонов О. В. Посткриминальный контроль: теоретические основы правового регулирования. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1991. 180 с.
2. Абатуров А. И. Постпенитенциарный контроль. М. : Юрлитинформ, 2013. 224 с.
3. Пилипенко О. А. Проблемы эффективности контроля за условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания // *Общественные науки*. 2006. Спецвыпуск. С. 72–78.
4. Музенник А. К., Уткин В. А., Филимонов О. В. Условное осуждение и отсрочка исполнения приговора. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1990. 173 с.
5. Давыдова И. А. Контроль за лицами, условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания, и их ресоциализация как направления осуществления probation // *Уголовно-исполнительное право*. 2024. Т. 19(1–4), № 3. С. 431–440.

References

1. Filimonov, O. V. 1991, *Post-criminal control: theoretical foundations of legal regulation*, Tomsk University Press, Tomsk.
2. Abaturov, A. I. 2013, *Postpenitential control*, Yurlitinform Publishing House, Moscow.
3. Pilipenko, O. A. 2006, 'Problems of effectiveness of control over those released on parole from serving their sentences', *Social sciences*, Special edn, pp. 72–78.
4. Muzenik, A. K., Utkin, V. A. & Filimonov, O. V. 1990, *Conditional conviction and postponement of execution*, Tomsk University Press, Tomsk.
5. Davydova, I. A. 2024, 'Control over persons released on parole from serving their sentences and their re-socialization as areas of probation', *Penal law*, vol. 19(1–4), iss. 3, pp. 431–440.

Информация об авторах

Ю. А. Головастова – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными (Академия ФСИН России); профессор кафедры уголовно-правовых и гуманитарных дисциплин (Московский университет имени С. Ю. Витте);

Т. Н. Елисеева – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров.

Information about the authors

Yu. A. Golovastova – Sc.D (Law), Associate Professor, professor of the penal law and organization of educational work with convicts department (Academy of the FPS of Russia); professor of the criminal law and humanities department (Witte Moscow University);

T. N. Eliseeva – adjunct of the faculty of training scientific and pedagogical personnel.

ПОМОЩЬ ОСУЖДЕННЫМ...

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 19.02.2025; одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted 19.02.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 19.03.2025.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ В ОБЛАСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Научная статья

УДК 343.8(574)

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.099-112

ЭКСПЕРТНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВИЛ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИОННОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ ЛИЦАМИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И ДОЛЖНОСТНОЙ ИНСТРУКЦИИ СТАРШЕГО ИНСПЕКТОРА ГРУППЫ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ, РЕАБИЛИТАЦИОННОЙ РАБОТЫ ОТДЕЛА ПО ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ СРЕДИ ОСУЖДЕННЫХ В КОНТЕКСТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ОБРАЩЕНИЯ С ЗАКЛЮЧЕННЫМИ

Куат Хажумуханович Рахимбердин¹

¹ Восточно-Казахстанский университет имени Сарсена Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан, matai71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9280-2830>

Аннотация. В статье проводится экспертный анализ Правил по организации теологической реабилитационной работы с осужденными лицами в учреждениях уголовно-исполнительной системы и должностной инструкции старшего инспектора группы по организации теологической, реабилитационной работы отдела по воспитательной и социально-психологической работе среди осужденных. Исследование направлено на выявление соответствия данных документов нормам законодательства Республики Казахстан и международным стандартам обращения с заключенными, а также на оценку эффективности их практического применения в течение пяти лет (2020–2025 годы).

Ключевые слова: Республика Казахстан, уголовно-исполнительная система, теологическая реабилитация, религиозный экстремизм, социальная реинтеграция осужденных, международные стандарты, правовое регулирование

© Рахимбердин К. Х., 2025

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Для цитирования

Рахимбердин К. Х. Экспертный анализ Правил по организации теологической реабилитационной работы с осужденными лицами в учреждениях уголовно-исполнительной системы и должностной инструкции старшего инспектора группы по организации теологической, реабилитационной работы отдела по воспитательной и социально-психологической работе среди осужденных в контексте законодательства Республики Казахстан и международных стандартов обращения с заключенными // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 1. С. 99–112. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.099-112.

INTERNATIONAL STANDARDS AND FOREIGN EXPERIENCE IN THE FIELD OF EXECUTION OF CRIMINAL SANCTIONS

Original article

EXPERT ANALYSIS OF THE RULES FOR THE ORGANIZATION OF THEOLOGICAL REHABILITATION WORK WITH CONVICTED PERSONS IN INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM AND THE JOB DESCRIPTION OF THE SENIOR INSPECTOR OF THE GROUP FOR THE ORGANIZATION OF THEOLOGICAL, REHABILITATION WORK OF THE DEPARTMENT FOR EDUCATIONAL AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL WORK AMONG CONVICTS IN THE CONTEXT OF THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND INTERNATIONAL STANDARDS FOR THE TREATMENT OF PRISONERS

Kuat Hazhumuhanovich Rahimberdin¹

¹ Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, matai71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9280-2830>

Abstract. The article provides an expert analysis of the Rules for the organization of theological rehabilitation work with convicted persons in institutions of the penal system and the job description of the senior inspector of the group for the organization of theological, rehabilitation work of the Department for educational and socio-psychological work among convicts. The study is aimed at identifying the compliance of these documents with the norms of the legislation of the Republic of Kazakhstan and international standards for the treatment of prisoners, as well as evaluating the effectiveness of their practical application over five years (2020–2025).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ...

Keywords: Republic of Kazakhstan, penal system, theological rehabilitation, religious extremism, social reintegration of convicts, international standards, legal regulation

For citation

Rahimberdin, K. H. 2025, 'Expert analysis of the Rules for the organization of theological rehabilitation work with convicted persons in institutions of the penal system and the job description of the senior inspector of the group for the organization of theological, rehabilitation work of the Department for educational and socio-psychological work among convicts in the context of the legislation of the Republic of Kazakhstan and international standards for the treatment of prisoners', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 1, pp. 99–112, doi: 10.33463/2687-122X.2024.20(1-4).1.099-112.

Цель анализа: исследование современного состояния и эффективности применения Правил по организации теологической реабилитационной работы с осужденными лицами в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) и должностной инструкции старшего инспектора группы по организации теологической, реабилитационной работы отдела по воспитательной и социально-психологической работе среди осужденных на основе рекомендаций международных правовых актов, норм и институтов законодательства Республики Казахстан (РК) с учетом пяти лет (2020–2025 гг.) существования подобной практики в уголовно-исполнительной системе Республики Казахстан.

Предмет анализа: положения Правил по организации теологической реабилитационной работы с осужденными лицами в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее – Правила), а также должностной инструкции старшего инспектора группы по организации теологической, реабилитационной работы отдела по воспитательной и социально-психологической работе среди осужденных (далее – Инструкция).

Основные вопросы для заключения по результатам анализа:

- юридическая техника и содержание Правил и Инструкции;
- порядок осуществления теологической реабилитационной работы с осужденными лицами в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан;
- осуществление контроля за лицами, в отношении которых проводятся мероприятия теологического реабилитационного характера;
- достаточность и обоснованность мер воздействия на осужденных за преступления экстремистской направленности, содержащихся в учреждениях Комитета УИС Министерства внутренних дел (МВД) РК;
- результативность осуществления мероприятий теологического реабилитационного характера за пятилетний период (с 2020 по 2025 год);
- правовой статус старшего инспектора группы по организации теологической, реабилитационной работы отдела по воспитательной и социально-психологической работе среди осужденных;
- организационно-правовые аспекты и стимулы обеспечения мотивации профессиональной деятельности инспекторов по организации теологической реабилитационной работы;
- взаимодействие и сотрудничество в соответствии с анализируемыми нормативными правовыми актами.

Актуальность исследуемых документов в контексте противодействия религиозной радикализации осужденных

27 декабря 2019 г. ч. 1 ст. 16 Уголовно-исполнительного кодекса (УИК) РК, посвященная компетенции уполномоченного органа в сфере уголовно-исполнительной деятельности, была дополнена п. 19, в соответствии с которым данный орган утверждает, наряду с другими нормативными правовыми актами, Правила по организации теологической реабилитационной работы с осужденными лицами в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Актуальность такого документа очевидна, поскольку религиозный экстремизм имеет достаточно высокий уровень общественной опасности, а в условиях исполнения наказания в виде лишения свободы несет угрозу дестабилизации нормальной деятельности пенитенциарных учреждений, ухудшения нравственного микроклимата в местах лишения свободы, нарушения прав человека и превращения пенитенциарных учреждений в своего рода источники повышенного риска криминализации социума. Данные обстоятельства, по-видимому, повлияли на неоднозначное решение законодателя оговорить в ч. 6 ст. 13 УИК РК, что «строительство культовых зданий (сооружений) на территории учреждений и органов, исполняющих наказания, запрещается». Отметим, что в аспекте противодействия религиозному радикализму это решение казахстанского законодателя вряд ли оправдано и криминологически обоснованно.

Глобальный характер угроз религиозного экстремизма осознается мировым сообществом и находит отражение в деятельности международных публично-правовых институтов. Как отмечал в 2015 г. Генеральный секретарь ООН: «Воинствующий экстремизм является вызовом целям и принципам Организации Объединенных Наций. Он подрывает мир и безопасность, права человека и устойчивое развитие... Определение «терроризма» и «воинствующего экстремизма» является прерогативой государств – членов ООН и должно соответствовать их обязательствам по международному праву и, в частности, международному праву в области прав человека. Воинствующий экстремизм подрывает наши совместные усилия, направленные на поддержание мира и безопасности, поощрение устойчивого развития и прав человека»¹.

Теологические аспекты социальной реинтеграции осужденных всегда будут иметь важное значение, поскольку религиозные убеждения во многом отражают духовный мир человека, формируют его отношение к самому себе, окружающим, основным социальным ценностям современного общества. Этот духовный мир нельзя игнорировать, поскольку он выступает мощным фундаментом тех процессов развития личности, которые обеспечивают ее включение в общество, в том числе после отбытия наказания в виде лишения свободы. Кроме того, право на свободу совести и свободу религиозных вероисповеданий является конституционным правом человека. Оно упоминается в авторитетных источниках международного права, таких как Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), Международный пакт ООН о гражданских и политических правах (1966 г.), Конвенция о защите прав и основных свобод (Европейская конвенция прав человека, 1950 г.), Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.). Следует учитывать, что духовный, социокультурный потенциал мировых религий, являющихся традиционными в Казахстане, также позволяет оказывать благотворное влияние на социальное, личностное

¹ См.: Организация Объединенных Наций : сайт. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n15/456/24/pdf/n1545624.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ...

возрождение осужденных и на их социальную реинтеграцию. В частности, классический ислам и христианство разделяют ценности служения обществу, уважения к государству и его институтам, окружающим людям, семье. Они побуждают верующих к раскаянию (покаянию), борьбе с грехом, воплощающим проявление зла, исправлению собственной жизни на основе гуманности и нравственного совершенствования. В силу этого особенно необходимо выстраивать воспитательно-профилактическую, реабилитационную работу с осужденными за преступления религиозно-экстремистского характера, привлекая компетентных специалистов в области теологии, квалифицированных священнослужителей, обращаясь к богатству религиозных исповеданий и культурных традиций народов Казахстана. Минимальные стандартные правила ООН по обращению с заключенными (Правила Нельсона Манделы), принятые Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 г., в правиле 65 оговаривают необходимость и полезность деятельности тюремных капелланов как квалифицированных священнослужителей, способных оказывать духовную и иную ресоциализирующую помощь осужденным.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что лица, осужденные за преступления религиозно-экстремистской направленности во всем мире, в том числе в Казахстане, представляют собой достаточно сложную, неоднородную группу заключенных. Среди них есть лица, фанатично исповедующие свои убеждения, склонные к захвату власти над другими людьми, есть и такие, кто получает эмоциональное удовлетворение от насильственных действий. Немалая часть заключенных подвержены радикализации в силу своего невежества, отсутствия элементарной компетенции в религиозных вопросах, тяжелого финансового положения и зависимости [1; 2]. Сложность профилактической и реинтегрирующей работы с такими заключенными состоит в том, что они, разделяя религиозно-экстремистские убеждения, оппозиционно настроены по отношению к традиционным канонам, негативно воспринимают представителей официально признанных религиозных конфессий. Кроме того, для идеологии религиозного экстремизма характерна крайняя отчужденность от государства и общества и вся картина мира сводится к разделению на «своих» и «чужих», словно в условиях боевых действий. Вполне очевидно, что наиболее опасным и разрушительным является религиозный экстремизм, основанный на пропаганде и применении насилия для достижения своих идеологических целей. Тем не менее позиция Комитета ООН по правам человека однозначна, и она состоит в том, что любой надзор и ограничение контактов, общения и свиданий заключенных в силу опасения радикализации должны быть соразмерны оцениваемому риску и осуществляться при полном соблюдении международных норм в области прав человека. Заключенные, в том числе относящиеся к религиозным экстремистам, продолжают пользоваться своими правами исповедовать религию или убеждения максимально полным образом с конкретным характером ограничений.

С позиции демократического общества и правового государства осужденные за экстремистские и террористические преступления остаются гражданами Республики Казахстан и на них в полной мере распространяются принципы уважения человеческого достоинства. В силу этого необходимо соблюдение баланса между интересами защиты общества от наиболее опасных форм религиозного радикализма и интересами прав и свобод граждан в сфере свободы совести и религиозных вероисповеданий. Соблюдение этого баланса в реабилитационной и воспитательно-профилактической работе с лицами, совершившими преступления экстремистской и террористической направленности, выступает важным условием эффективности такой деятельности. Из-

быточное карательное воздействие на осужденных, давление на них с использованием милитаризованной атрибутики пенитенциарных учреждений не только не приведет к их социальной реинтеграции, но и наоборот увеличит риски радикализации заключенных.

Недостатки содержания и юридической техники Правил по организации теологической реабилитационной работы с осужденными лицами в учреждениях уголовно-исполнительной системы

Важно учитывать, что анализируемые Правила являются нормативным правовым актом, необходимым для решения целого комплекса вопросов обеспечения эффективности пенитенциарной практики и исполнения наказаний в виде лишения свободы.

Представляется, что работа по противодействию религиозному экстремизму среди осужденных выступает составной частью их социальной реинтеграции. Например, замечанием, касающимся как содержательного характера, так и контекста юридической техники, является отсутствие в общих положениях Правил какого-либо упоминания об их правовом фундаменте, за исключением п. 19 ч. 1 ст. 16 УИК РК. Однако ст. 16 – это не весь УИК РК, где содержатся нормы о правовом статусе осужденных, ресоциализации и исправлении, порядке и условиях отбывания наказания в виде лишения свободы, принципах уголовно-исполнительного законодательства. Выходит, что для разработчиков Правил есть только ч. 1 ст. 16 УИК и ее п. 19?! При этом ничего не говорится о том, что настоящие Правила основываются на Конституции Республики Казахстан, международных договорах и иных международных правовых актах по обращению с осужденными, УИК РК, указах Президента РК, постановлениях Правительства РК, актах Министерства внутренних дел РК по вопросам деятельности уголовно-исполнительной системы. Никакой ссылки на эти юридические источники в Правилах нет. Полагаем, что такое грубое нарушение юридической техники вступает в противоречие с законодательством Республики Казахстан о правотворческой деятельности. Во всяком случае, сведение в качестве юридических оснований Правил только к п. 19 ч. 1 ст. 16 УИК РК нельзя признать оправданным и корректным, тем более что содержание правового фундамента любого нормативного акта, непосредственно влияет на системность, взаимосвязь и энергетику его положений.

Проблемы юридической техники и содержания должностной инструкции старшего инспектора группы по организации теологической, реабилитационной работы отдела по воспитательной и социально-психологической работе среди осужденных

Еще менее доработанной в контексте юридической техники является Инструкция, хотя в ее общих положениях, в отличие от Правил, Конституция Республики Казахстан все-таки упоминается. Упоминаются и законы, нормативные правовые акты без конкретизации. Отметим, что закон и нормативно-правовой акт – одно и то же, и поэтому логичнее было бы сказать «законы и иные нормативные правовые акты». К сожалению, в Инструкции совершенно не раскрывается, кем является старший инспектор группы по организации теологической, реабилитационной работы отдела по воспитательной и социально-психологической работе среди осужденных. Совершенно неясно, является ли он привлеченным работником или штатным сотрудником Комитета УИС. Пункт 3 ч. 2 Инструкции стилистически изложен некорректно: например, фраза «старший инспектор в пределах компетенции осуществляет следующие полномочия». Полагаем, что более правильно было бы назвать это функциями старшего инспектора. Пункт 3 ч. 2 Инструкции можно изложить следующим образом: «Старший инспектор в пределах своей компетенции осуществляет следующие функции». Название ч. 3 целесообразно

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ...

изменить на «Права старшего инспектора», а ч. 4 – «Обязанности старшего инспектора». Не совсем логично, на наш взгляд, закрепление участия старшего инспектора в текущих совещаниях учреждения в качестве его права. Если он является государственным служащим и должностным лицом учреждения, то это скорее его обязанность. Довольно спорно выглядит такая обязанность, как проведение религиозоведческой экспертизы согласно законодательству Республики Казахстан в отношении литературы, имеющейся в учреждении. Получается, что Инструкция превращает старшего инспектора еще и в эксперта по религиозным вопросам. Более правильно было бы закрепить право старшего инспектора направлять на религиозоведческую экспертизу литературу, имеющуюся в учреждении.

Кроме того, в Инструкции отсутствуют такие части, как основания и порядок назначения старшего инспектора, освобождения его от занимаемой должности, меры поощрения и дисциплинарного взыскания в отношении старшего инспектора. Нет никакой конкретики относительно форм и средств взаимодействия старшего инспектора с общественными наблюдательными комиссиями и другими институтами гражданского общества, которые могли бы оказывать содействие в социальной реинтеграции осужденных за преступления религиозно-экстремистской направленности.

Таким образом, с позиции содержания и юридической техники анализируемые документы требуют серьезной и системной доработки.

Порядок осуществления теологической и реабилитационной работы в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан и ее значение

Исключительно важным является вопрос о порядке осуществления теологической реабилитационной работы в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Сошлемся на позицию Комитета ООН по правам человека. Он отмечает, что цель реабилитационной работы с лицами, осужденными за экстремистские преступления, может быть двоякой. Это изменение взглядов, установок и ценностей религиозного экстремиста (дерадикализация), но вероятен и второй вариант – изменение поведения заключенных в контексте их отказа от применения насилия, связанного со своими религиозными взглядами и убеждениями. Последний вариант является наиболее предпочтительным. Кроме того, Комитет по правам человека полагает, что «система идеологического противодействия, применяемая на дискриминационной основе, нарушает свободу выражения мнений и исповедания убеждений дискриминационным образом, на основании политических взглядов». В идеологическом воспитании есть риск дискриминации, а она, в свою очередь, может повлечь за собой еще более интенсивную радикализацию заключенных. Второй путь на основе отказа от насилия осужденных за религиозный экстремизм более реалистичен, так как по-настоящему экстремизм становится опасным тогда, когда он провоцирует насилие, пропагандирует или оправдывает его.

Обратимся к содержанию Правил. Они определяют дерадикализацию как комплекс теологических, психологических и социально-адаптационных мероприятий, направленных на отведение объектов дерадикализации, в том числе из числа осужденных, от радикальных идеологических взглядов.

В данном определении, к сожалению, отсутствует какая-либо конкретика, ничего не сказано о достижении такого результата, как отказ религиозного экстремиста от насильственных действий. Как понять фразу «направленных на отведение объекта дерадикализации»? По каким признакам и критериям государство и общество должны судить о том, что цели мероприятий по дерадикализации достигаются? Таким образом, опреде-

ление дерадикализации в Правилах написано словно для учебника или в лучшем случае научной статьи, но не для нормативного правового акта, которым являются Правила. Отсутствие понимания сущности дерадикализации повлекло за собой отсутствие четкости и конкретики в определении сущности теологической реабилитационной работы и индивидуальных программ теологической реабилитации. Получается, что внятных и достижимых целей деятельности по профилактике религиозного экстремизма в местах лишения свободы ни Правила, ни Инструкция не содержат. Кроме того, отметим, что программа теологической реабилитации (предпочтительнее было бы назвать «Программа исправления и социальной реинтеграции лиц, осужденных за преступления экстремистской направленности») должна носить комплексный характер, предусматривающий участие различных специалистов: квалифицированных священнослужителей (тюремных капелланов), психологов, социальных работников, наставников из числа лиц, способных положительно влиять на осужденного и т. п. Однако никакого упоминания об этом в Правилах не имеется. Они ограничиваются указанием на то, что программа теологической реабилитации – это совокупность предупредительно-профилактических и социально-воспитательных мероприятий, направленных на дерадикализацию осужденных. Важно, что в Правилах отсутствует какой-либо организационно-правовой, управленческий механизм разработки и последующего применения подобных программ. Сотрудники органов и учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, обречены на «блуждание впотьмах», не получив четкого и понятного алгоритма реализации программ воспитательно-профилактического воздействия на лиц, осужденных за преступления религиозно-экстремистской направленности.

К сожалению, слишком мало четкости, конкретики содержится в гл. 2 Правил, посвященной порядку организации теологической реабилитационной работы. Данная глава ставит слишком абстрактные задачи теологической реабилитационной работы. На первое место поставлена задача дерадикализации, в которой нет никакого упоминания о формировании у осужденных мотивации и установок отказа от насильственных форм поведения.

Задача выявления и устранения причин и условий, способствующих радикализации религиозных убеждений, исключительно сложна, и вряд ли все эти причины и условия зависят от сотрудников пенитенциарного учреждения, а вот задачи по снижению уровня криминализации и виктимизации осужденных, по возвращению их к нормальной жизнедеятельности после отбывания наказания вовсе не обозначены. Нельзя не отметить, что Правила содержат избыточное количество оценочных понятий, которые требуют дополнительного толкования и разъяснения. Так, например, цели работы теологического реабилитационного характера (в Правилах почему-то они идут после задач) обозначены следующим образом:

- 1) по приверженцам идеологии религиозного экстремизма и терроризма – дерадикализация;
- 2) по дерадикализованным осужденным – закрепление на позиции умеренности религиозных взглядов.

Однако неясно, что означает эта умеренность религиозных взглядов и по каким критериям можно судить о том, что осужденный на этих позициях закрепился?

Необходимость индивидуальных программ теологической реабилитационной работы в отношении осужденных

Основным средством реализации профилактической работы с осужденными Правила называют индивидуальные программы теологической реабилитационной работы. Следует отметить, что вопросу о программах социальной реинтеграции осужденных-

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ...

экстремистов уделяют пристальное внимание документы ООН. В частности, резолюция Совета безопасности ООН № 27/78, принятая в 2014 г. в отношении разработки и осуществления стратегий привлечения к ответственности, реинтеграции иностранных боевиков-террористов¹, отмечает, что государствам – членам ООН необходимо разработать меры в целях содействия тому, чтобы заключенные из числа воинствующих экстремистов отказались от применения насилия. Как указывалось ранее, одним из понятных критериев эффективности программ социальной реинтеграции осужденных – религиозных экстремистов должен стать их отказ от насильственных способов выражения своих убеждений. В целом об эффективности программ можно будет судить в том числе по снижению случаев насильственного разрешения конфликтов на религиозной почве.

На основании позиции Совета безопасности ООН, Комитета ООН по правам человека программы социальной реинтеграции должны включать в себя:

- мероприятия, имеющие отношение к религии, связанные с отрицанием насилия в религиозном контексте;
- образовательные мероприятия по развитию критического мышления осужденных;
- мероприятия по социальной реинтеграции и социальной работе (моделирование лучшего будущего);
- мероприятия по профессиональной подготовке;
- занятия физической культурой для самореализации без необходимости прибегать к насилию;
- арт-терапию как возможность личного выражения эмоционального состояния.

В Правилах говорится о психологических, психокоррекционных мероприятиях, теологической работе, однако они представлены в слишком общем виде, без системной взаимосвязи между собой. Из Правил не совсем понятно, кто конкретно будет проводить психологические тренинги с осужденными или привлекать их к общественно-культурной и трудовой деятельности. Положительным моментом Правил можно назвать упоминание о Законе Республики Казахстан от 30 декабря 2016 г. «О пробации». По существу, Правила отсылают к этому Закону и Правилам оказания социально-правовой помощи лицам, состоящим на учете в службе пробации. Иными словами, органы пробации должны участвовать в мероприятиях по реинтеграции осужденных за преступления религиозно-экстремистской направленности. Следует отметить, что международные стандарты ООН признают и поддерживают такую практику, когда тюрьмы и службы пробации взаимодействуют между собой по вопросам контроля и социальной реинтеграции осужденных – воинствующих экстремистов, обеспечивают наличие базовых знаний о религиозных и культурных традициях заключенных у сотрудников исправительных учреждений и службы пробации.

Однако в анализируемых Правилах такому взаимодействию посвящены всего пять строк, что, конечно, недостаточно для создания необходимого алгоритма взаимодействия пенитенциарных учреждений и органов пробации в аспекте теологической, реабилитационной работы с осужденными.

Порядок взаимодействия в процессе осуществления теологической реабилитационной работы в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан

Весьма неполным выглядит в анализируемых Правилах порядок взаимодействия при проведении теологической реабилитационной работы в учреждениях УИС.

¹ См.: Организация Объединенных Наций : сайт. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n14/548/01/pdf/n1454801.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).

Упомянуты такие субъекты взаимодействия, как заинтересованные государственные органы, местные исполнительные органы, неправительственные организации, осуществляющие деятельность в религиозной сфере. Полагаем, что в перечне субъектов взаимодействия с пенитенциарными учреждениями Комитета УИС МВД РК в связи с необходимостью решения задач профилактического воздействия на осужденных – религиозных экстремистов должны быть общественные наблюдательные комиссии (ОНК), участники Национального превентивного механизма (НПМ). Кроме того, партнерами уголовно-исполнительной системы в рассматриваемом контексте могут выступать образовательные организации. В самих Правилах упоминается о проведении лекториев по теологической проблематике с участием соответствующих преподавателей вузов регионов, на территории которых находятся пенитенциарные учреждения. Очевидно, что необходимо взаимодействие и сотрудничество с религиозными конфессиями и органами конфессионального управления, представляющими традиционные религии народов Казахстана. Следует также ориентироваться на привлечение к оказанию реабилитационной помощи осужденным социальных работников из некоммерческих организаций, оказывающих различные социальные услуги населению, либо соцработников государственных учреждений.

Таким образом, партнерство уголовно-исполнительной системы в отношении профилактики религиозного экстремизма должно быть максимально широким, а для этого в Правилах должна быть соответствующая правовая основа. И в этом контексте органам и учреждениям, исполняющим наказания в виде лишения свободы, следует учитывать положения различных отраслей национального законодательства Республики Казахстан. Например, привлечение осужденных – религиозных экстремистов к труду должно основываться на нормах и институтах не только уголовно-исполнительного, но и трудового законодательства. Получение осужденными образования предусматривает необходимость учета положений законодательства об образовании. Сотрудничество с ОНК и участниками НПМ, в свою очередь, основывается на положениях нормативных правовых актов, регулирующих деятельность Национального превентивного механизма.

Эффективность применения Правил и Инструкции

Со дня принятия двух анализируемых документов прошло фактически пять лет и это вполне достаточный период для того, чтобы оценить практическую результативность их использования. Вопросы профилактики религиозного радикализма не только не утратили свою остроту, но стали еще более актуальными вследствие роста численности осужденных за преступления террористической и экстремистской направленности. Например, по состоянию на 1 квартал 2024 г. в местах лишения свободы находилось 659 лидеров и участников религиозных экстремистских и террористических организаций, из которых осуждены за преступления экстремистского и террористического характера – 470 чел., за общеуголовные преступления – 189 чел., в том числе 37 граждан возвращены из зон террористической активности в рамках гуманитарной операции «Жусан» [3, с. 17]. Это достаточно ощутимый показатель. В пенитенциарных учреждениях служат 125 инспекторов теологической реабилитационной работы. К сожалению, в рассматриваемой сфере существует проблема кадрового голода, так как от сотрудников, занимающих должности инспекторов, требуется не только высокая религиозная и общая культура, но и стрессоустойчивость. Инспектор должен быть способным разбираться в различных аспектах религиозных вероисповеданий, понимать нюансы взаимоотношений религиозных организаций и светского государства, ориентироваться в вопросах социальной реинтеграции

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ...

осужденных. Он должен уметь разрешать конфликты на религиозной почве в местах лишения свободы, участвовать в диалоге со священнослужителями, представляющими религиозные исповедания народов Казахстана. Следует отметить, что по состоянию на декабрь 2024 г. в Республике Казахстан функционировало 3999 религиозных объединений, среди них 2858 – исламских, 347 – находящихся под юрисдикцией Русской православной церкви¹. На территории Республики Казахстан действует 3788 культовых учреждений, из них: мечетей – 2857, православных храмов – 302². К сожалению, у нас нет оснований утверждать, что инспекторы взаимодействуют со всеми этими учреждениями, или хотя бы с теми религиозными учреждениями, прихожане которых относятся к одной конфессии с осужденными, находящимися в местах лишения свободы. Нехватка инспекторов теологической реабилитационной работы в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан обусловлена не только сложным характером выполнения данной трудовой функции, но и ее невысокой привлекательностью для молодежи, получающей высшее и среднее профессиональное образование. Согласно официальным данным, заработная плата (денежное довольствие) инспекторов теологической реабилитационной работы составляет от 220 400 до 302 900 тенге, включая компенсацию найма жилых помещений. Учитывая темпы инфляции и рост стоимости потребительской корзины, данная заработная плата, хотя и не являющаяся низкой, вряд ли способна мотивировать молодых специалистов. Таким образом, на сегодняшний день не созданы надлежащие организационные социально-психологические и иные инструменты привлечения квалифицированных специалистов на должности инспекторов теологической реабилитационной работы в уголовно-исполнительной системе Республики Казахстан. Данное обстоятельство свидетельствует о низкой эффективности этого организационно-правового института за пятилетний период его функционирования.

Выводы и рекомендации

Полагаем, что для успешной теологической работы с осужденными нужно устранить противоречащую международным правовым актам и Конституции Республики Казахстан практику недопущения существования в пенитенциарных учреждениях помещений для отправления религиозных обрядов. Это, свою очередь, требует внесения изменений в ч. 6 ст. 13 УИК РК, запрещающую открытие таких помещений. Необходимо понять, что проведение в учреждениях мероприятий теологического характера, бесед с заключенными по религиозным вопросам при отсутствии реальной возможности выполнять религиозные обряды и удовлетворять свои духовные потребности вряд ли обеспечит доверие со стороны осужденных к лицам, проводящим теологическую реабилитационную работу.

Для повышения эффективности деятельности по социальной реинтеграции заключенных – религиозных экстремистов необходимо в первую очередь улучшить качество нормативных правовых актов, формирующих правовые основы теологической реабилитационной работы. Эта работа достаточно сложна, требует высокой квалификации, должного научного методологического уровня и учета индивидуальных особенностей, рисков и потребностей личности осужденных. Целесообразно рекомендовать провести инвентаризацию анализируемых Правил и Инструкции, пересмотреть избыточно оценочные положения, отказаться от чрезмерно идеологизированных конструкций в содержании теологической реабилитационной работы с осужденными. Необходимо

¹ См.: Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов : сайт. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/din/documents/details/774769?lang=ru> (дата обращения: 10.01.2025).

² См.: Там же.

устранить нарушения юридической техники, не соответствующие законодательству Республики Казахстан, его языку и стилю, определиться с конкретикой целей и задач теологической реабилитационной работы, разработать и закрепить на уровне Правил механизм системной подготовки и реализации индивидуальных программ социальной реинтеграции лиц, осужденных за преступления религиозно-экстремистской направленности. Заслуживает внимания также создание алгоритма взаимодействия пенитенциарных учреждений и органов пробации с общественными формированиями и религиозными организациями по проблеме воспитательно-профилактического воздействия на осужденных – религиозных экстремистов.

Требует уточнения содержание прав и обязанностей лиц, ответственных за воспитательно-профилактические мероприятия по противодействию религиозному экстремизму в местах лишения свободы. Как отмечалось ранее, в данной сфере деятельности необходимы квалифицированные представители религиозных конфессий, психологи, социальные работники, члены семьи заключенных, способные оказывать на них позитивное влияние. По-видимому, это требует закрепления порядка взаимодействия данных субъектов на уровне анализируемых Правил или иного нормативного правового акта. С учетом того что заключенные, совершившие преступления религиозно-экстремистской направленности, после отбытия наказания будут поставлены на учет в органах внутренних дел – полиции, следует проработать вопрос о взаимодействии органов полиции и пробации в процессе применения индивидуальных программ социальной реинтеграции таких поднадзорных лиц [4]. Нельзя забывать о том, насколько сложной и ответственной является работа реабилитационного предупредительного характера с лицами, являющимися религиозными экстремистами. Для того чтобы эта работа приносила свои плоды, необходимо обучение и повышение квалификации сотрудников пенитенциарных учреждений и органов пробации. У них должен быть определенный набор знаний и представлений о религиозных и культурных особенностях тех социальных групп, к которым относятся религиозные экстремисты. Кроме того, персоналу УИС, занимающемуся социальной реинтеграцией осужденных, нужны знания об основных особенностях религий, существующих в Казахстане, о сущности религиозных обрядов, требований к образу жизни верующих (участие в богослужениях, соблюдение постов, религиозных праздников).

Сотрудники УИС должны ориентироваться в проблематике пенитенциарной психологии, психологии социальной реинтеграции религиозных экстремистов, иметь представления о способах разрешения конфликтов с данными осужденными. Как отмечалось ранее, некоторые из них закрыты для межличностных контактов, соблюдают жесткую дистанцию по отношению к остальным заключенным и являются убежденными приверженцами своих религиозных течений. Другая часть заключенных – религиозных экстремистов характеризуется эмоциональной неустойчивостью, имеет потребности в эмоциональном самовыражении, и сотрудникам УИС необходимо завоевать доверие этих заключенных и действовать совместно с ними в направлении формирования навыков нормальной жизнедеятельности в обществе. Следовательно, уголовно-исполнительная система должна располагать квалифицированным персоналом, способным решать разноплановые задачи по социальной реинтеграции осужденных – религиозных экстремистов. Это также требует правовых основ.

В процессе осуществления социальной реинтеграции осужденных за террористические и экстремистские преступления, и прежде всего религиозных радикалов, следует учитывать замечания, содержащиеся в Докладе специального докладчика по вопросу

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ...

о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания Элис Джилл Эдвардс «Актуальные вопросы и передовой опыт в области управления тюрьмами» (Совет по правам человека. Пятьдесят пятая сессия. 26 февраля – 5 апреля 2024 г.), касающиеся недопущения рисков пыток и жестокого, бесчеловечного обращения и обеспечения индивидуализированного подхода к реабилитационной работе с осужденными, достойного обращения с ними в условиях изоляции от общества¹.

Подводя итог изложенному, полагаем, что в настоящее время следует с учетом выработанных рекомендаций дополнить Правила и Инструкцию, расширить их содержание в соответствии с законодательством Республики Казахстан и рекомендациями международных правовых актов по обращению с осужденными. Это позволит сформировать юридические основания более эффективного и обоснованного воспитательно-профилактического воздействия на осужденных за религиозно-экстремистские преступления и достичь положительных результатов в процессе их социальной реинтеграции.

Список источников

1. Хорган Д. Психология террориста: почему люди начинают убивать ради идеи : пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2025. 318 с.
2. Личность участника террористической деятельности : монография / под общ. ред. В. В. Меркурьева. М. : Проспект, 2024. 368 с.
3. Актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы Казахстана : материалы заседания Общественного совета по вопросам деятельности органов внутренних дел Республики Казахстан. Астана : МВД РК, 2024. 77 с.
4. Рахимбердин К. Х. Административный надзор за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, в связи с совершением преступлений террористической и экстремистской направленности, по законодательству государств Центральной Азии. Астана, 2023. 78 с.

References

1. Horgan, D. 2025, *Psychology of a terrorist: why people start killing for the sake of an idea*, translated from English, Alpina Publisher, Moscow.
2. Merkuruyev, V. V. (ed.) 2024, *The identity of a participant in terrorist activities: monograph*, Prospekt, Moscow.
3. *Actual problems of the penal system of Kazakhstan: materials of the meeting of the Public Council on the activities of the Internal Affairs bodies of the Republic of Kazakhstan 2024*, Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Astana.
4. Rahimberdin, K. H. 2023, *Administrative supervision of persons who have served sentences of imprisonment in connection with the commission of crimes of a terrorist and extremist nature, according to the legislation of the Central Asian states*, Astana.

Информация об авторе

К. Х. Рахимбердин – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры юриспруденции.

¹ См.: Организация Объединенных Наций : сайт. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g24/011/87/pdf/g2401187.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).

Information about the author

К. Н. Rahimberdin – Sc.D (Law), professor, professor of the jurisprudence department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 19.02.2025; одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 27.03.2025.

The article was submitted 19.02.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.

Научная статья

УДК 343.81

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.113-125

ИНСТИТУТ ИЗМЕНЕНИЯ УСЛОВИЙ ОТБЫВАНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, НАПРАВЛЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИИ

Сергей Леонтьевич Гайкович¹

¹ Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, cgaykovich@mail.ru

Аннотация. В статье осуществлен анализ теоретических и организационно-прикладных аспектов изменения условий отбывания наказания в виде лишения свободы на определенный срок, сформулированы и научно обоснованы предложения, направленные на оптимизацию правового регулирования общественных отношений в сфере изменения условий содержания осужденных в рамках одного исправительного учреждения, а также посредством их перевода в другое учреждение. Актуальность исследования обусловлена тем, что с момента принятия действующего Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь и до настоящего времени отсутствуют комплексные монографические исследования, посвященные институту изменения условий отбывания наказания в виде лишения свободы на определенный срок.

Ключевые слова: осужденный, лишение свободы, условия отбывания наказания, исправительное учреждение

Для цитирования

Гайкович С. Л. Институт изменения условий отбывания лишения свободы: теория, практика, направления оптимизации // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 1. С. 113–125. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.113-125.

Original article

THE INSTITUTE OF CHANGING THE CONDITIONS OF SERVING IMPRISONMENT: THEORY, PRACTICE, OPTIMIZATION DIRECTIONS

Sergey Leontievich Gaikovich¹

¹ Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus, cgaykovich@mail.ru

Abstract. The article analyzes the theoretical, organizational and applied aspects of changing the conditions of serving a sentence of imprisonment for a certain period, formulated and scientifically substantiated proposals aimed at optimizing the legal regulation of public relations in the field of changing the conditions of detention of convicts in one correctional institution, as well as through their transfer to another institution. The relevance of the research is due to the fact that since the adoption of the current Penal Code of the Republic of Belarus and to date, there have been no comprehensive monographic studies on the institution of changing the conditions of serving a sentence of imprisonment for a certain period.

Keywords: convict, imprisonment, conditions of serving a sentence, correctional institution

For citation

Gaikovich, S. L. 2025, 'The Institute of changing the conditions of serving imprisonment: theory, practice, optimization directions', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 1, pp. 113–125, doi: 10.33463/2687-122X.2024.20(1-4).1.113-125.

Основными национальными интересами в социальной сфере, отраженными в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, являются обеспечение общественной безопасности и безопасности жизнедеятельности населения, снижение уровня преступности и криминализации общества. Реализация данных интересов зависит от эффективной деятельности правоохранительных органов, качественного совершенствования мер по противодействию преступности, а также дальнейшего развития их правовой основы. Их составными частями являются, во-первых, обеспечение функционирования надлежащей системы исполнения такого вида наказания, как лишение свободы; во-вторых, внедрение в правоприменительную практику конструктивных форм и методов организации исправления осужденных к лишению свободы; в-третьих, предупреждение совершения осужденными новых преступлений.

Главной целью уголовной ответственности выступает исправление осужденного. В условиях гуманизации и либерализации комплекса государственных мер, направленных на реализацию положений уголовно-исполнительного законодательства, особое значение в достижении указанной цели придается развитию прогрессивной системы исполнения наказаний. Ее сущность заключается в изменении порядка применения уголовного наказания посредством увеличения либо уменьшения объема правоограничений в отношении осужденного исходя из его поведения в период отбывания наказания.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ...

Прогрессивная система предполагает оказание положительного влияния на сознание осужденного, тем самым стимулируя его к правомерному поведению и выполнению установленных законодательством требований.

С учетом особенностей отечественного правоприменения полагаем необходимым уточнить, что указанная система представляет собой совокупность норм, регулирующих изменение условий отбывания наказания, а также характер этих преобразований в зависимости от достижения осужденными определенной степени исправления и отбытия установленной законодательством части срока. При этом следует иметь в виду, что первоначальное распределение осужденных по видам исправительных учреждений (ИУ) к реализации прогрессивной системы не относится, поскольку вид учреждения и условия режима, в которых осужденный будет отбывать лишение свободы, назначаются судом, из чего следует, что прогрессивная система относится только к стадии исполнения, а не назначения наказания.

Изменение условий отбывания лишения свободы юридически закреплено в качестве самостоятельного комплексного института исполнения данного вида наказания, а в теории уголовно-исполнительного права последний признан одним из средств достижения целей уголовной ответственности, предусмотренных действующим законодательством Республики Беларусь.

Изменение условий содержания осужденных к лишению свободы, а также вида ИУ по своей сути являются составными элементами прогрессивной системы исполнения лишения свободы, подразумевающей ступенчатую корректировку уровня правоограничений. Исходя из семантического значения слова «изменение», означающего определенную переменную [1, с. 214], следует, что изменение условий отбывания наказания должно вносить существенные преобразования в ряд направлений исполнения лишения свободы по отношению к конкретному осужденному и его правовому положению.

Используя сравнительно-правовой метод, В. Б. Шабанов подчеркивает, что механизм изменения условий отбывания лишения свободы в Республике Беларусь урегулирован преимущественно на уровне ведомственных нормативных правовых актов, в связи с чем требуется дальнейшая оптимизация правовой регламентации данного института [2, с. 115]. Схожего мнения придерживается Н. В. Кийко, который отмечает, что для эффективного исправления осужденных уголовно-исполнительная система (УИС) должна постоянно совершенствоваться. Причем оптимизация должна касаться в первую очередь средств и методов воспитательного воздействия на осужденных [3, с. 99]. К таковым, несомненно, относится применение института изменения условий отбывания наказания в виде лишения свободы.

В результате системного анализа исследуемой проблемы В. М. Хомич приходит к умозаключению о том, что на современном этапе развития уголовно-исполнительной науки Республики Беларусь институт изменения условий отбывания лишения свободы рассматривается исключительно в качестве самостоятельного [4, с. 254].

Ввиду соответствия всем признакам правового института изменение условий отбывания наказания является самостоятельным институтом уголовно-исполнительного права. Его применение представляет собой меру воздействия, влекущую за собой длительное изменение правового положения осужденных, в отличие от применения мер поощрения и взыскания. Принимая во внимание отмеченные подходы к исследуемому институту, можно констатировать, что сущность института изменения условий отбывания наказания заключается в правовой регламентации объема ограничений исходя из конкретных деяний осужденного, подпадающих под установленные законодательством критерии.

С учетом достижений отечественной и зарубежной науки представляется возможным определить институт изменения условий отбывания лишения свободы как входящую в отрасль уголовно-исполнительного права обособленную группу взаимосвязанных норм, регулирующих общественные отношения в сфере изменения уровня правоограничений осужденного в зависимости от его поведения в период отбывания наказания как в пределах одного исправительного учреждения, так и посредством перевода в другое. Разработанная дефиниция развивает и дополняет положения уголовно-исполнительной доктрины, конкретизируя и обогащая понятийно-категориальный аппарат, отражает самостоятельность исследуемого института, раскрывает его основные признаки и способствует единообразному пониманию, является теоретической основой для совершенствования дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в виде лишения свободы.

В условиях перехода Республики Беларусь к рыночной экономике и осуществляемых в связи с этим преобразований, связанных с формированием гражданского общества и правового государства, возрастает роль нормативного регулирования общественных отношений, складывающихся в сфере исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы. Создание унифицированной правовой системы на интернациональном уровне, формирование единого правового поля в сфере регулирования общественных отношений, возникающих при исполнении наказания, в том числе лишения свободы, обоснованно рассматривать как завершающую стадию создания гармонизированного правового пространства.

Актуальность изучения вопроса об изменении осужденным к лишению свободы условий отбывания наказания в пенитенциарном праве зарубежных государств обусловлена наличием общих и универсальных знаний в части мотивации осужденных к ведению правомерного образа жизни. Это позволяет посредством сравнения выявить наиболее эффективные и оптимизировать имеющиеся направления и способы достижения целей уголовной ответственности.

В зарубежном пенитенциарном праве институт изменения условий отбывания лишения свободы является одним из центральных звеньев системы исполнения наказаний, поскольку индивидуализирует процесс стимулирования правопослушного поведения заключенных. В контексте исследования института изменения условий отбывания лишения свободы в законодательстве зарубежных стран приведем опыт Норвегии, Федеративной Республики Германии (ФРГ), Франции и Швейцарии, где на территории закрытых учреждений создаются отделения открытого типа («переходные дома»). По своей сути они представляют собой промежуточную стадию между тюремным заключением и освобождением от отбывания наказания. Функционирование данных отделений имеет своей целью оказание помощи в скорейшей реадaptации осужденных к длительным срокам наказания, в отношении которых может быть применено условно-досрочное освобождение.

Условия перевода в указанные учреждения имеют определенные сходства с таким отечественным элементом прогрессивной системы, как направление из исправительных колоний (ИК) для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, ИК для лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, в ИК-поселения. Основной задачей ИУ подобного типа является последовательная и продуктивная адаптация осужденных после освобождения к жизни в социуме, что подчеркивает значимость данных учреждений в пенитенциарной системе государства, а отсутствие необходимости

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ...

в инженерно-технических средствах охраны и сокращенный штат сотрудников содействуют экономии ресурсов на содержание одного осужденного.

Полагаем целесообразным заимствовать положительный опыт данных государств. Его реализация возможна посредством создания участков ИК-поселений на территории ИК. Существующая в настоящее время архитектура отдельных ИУ Республики Беларусь позволяет организовать и ввести в эксплуатацию участок ИК-поселения без существенных материальных затрат и введения дополнительных штатных единиц. Кроме того, указанное реформирование позволит в перспективе сократить количество ИК-поселений и штатно укомплектовать иные ИУ.

Перевод в изолированный локальный участок ИК-поселения и обратно на основании постановления начальника ИУ, согласованного с прокурором, позволит: сэкономить ресурсы на персонал ИУ и инженерно-технические средства охраны и надзора; оптимизировать деятельность судов, вследствие уменьшения количества выездных заседаний по вопросам изменения вида ИУ и условий режима; обеспечить преемственность в организации исправительного процесса; повысить качество осуществления делопроизводства за счет снижения документооборота. В целях реализации указанного подхода представляется необходимым внести в уголовно-исполнительное законодательство ряд изменений и дополнений. Так, ст. 69 Уголовно-исполнительного кодекса (УИК) Республики Беларусь предлагается дополнить:

1. Частью 31 следующего содержания:

«При наличии в исправительных колониях для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, исправительных колониях для лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, и воспитательных колониях изолированных локальных участков исправительной колонии-поселения, осужденные, указанные в части 3 настоящей статьи, переводятся для дальнейшего отбывания наказания в данный изолированный локальный участок.

В случае признания осужденных, переведенных для дальнейшего отбывания наказания в изолированный локальный участок исправительной колонии-поселения, злостно нарушающими установленный порядок отбывания наказания они переводятся в исправительное учреждение, на территории которого находится данный изолированный локальный участок.»;

2. Частью 32 следующего содержания:

«Изменение вида исправительного учреждения посредством перевода осужденного в изолированный локальный участок исправительной колонии-поселения и обратно в исправительное учреждение, на территории которого находится данный изолированный локальный участок, осуществляется по мотивированному постановлению начальника исправительного учреждения, согласованному с прокурором».

Необходимо заострить внимание и на закрепленном в законодательстве РФ и Казахстана праве инициативы обращения с ходатайством об изменении вида ИУ в суд не только у администрации учреждения, но и у осужденного, его адвоката либо близкого родственника. Указанный подход позволяет найти разумный компромисс между оценочной деятельностью администрации ИУ при решении вопроса об удовлетворении законных интересов осужденного как полноправного участника уголовно-исполнительных правоотношений и формальной определенностью уголовно-исполнительного закона. Заимствование данного опыта будет способствовать стимулированию правомерного поведения осужденных, исключит

субъективизм, а следовательно, минимизирует образование факторов, способствующих созданию предпосылок для проявления коррупции в исследуемой сфере правоприменения.

Кроме того, на осужденного следует возложить обязанность подачи ходатайства через администрацию ИУ, в котором последний отбывает наказание. Представляется, что несоблюдение осужденным или иными лицами процедуры подачи ходатайства через администрацию ИУ должно влечь за собой отказ суда в его рассмотрении с последующим предоставлением права повторного изложения ходатайства. В связи с этим предлагаем дополнить ст. 69 УИК частью 61 в следующей редакции:

«Изменение вида исправительного учреждения и условий режима осужденным к лишению свободы, ставшим на путь исправления, осуществляется судом по представлению администрации исправительного учреждения или на основании мотивированного ходатайства осужденного, его адвоката либо близкого родственника, направляемого в суд через администрацию исправительного учреждения, в котором осужденный отбывает наказание. В случае выявления нарушений порядка подачи ходатайства суд отказывает в его рассмотрении и возвращает ходатайство лицу, его направившему, с последующим уведомлением администрации исправительного учреждения».

Изменение условий содержания осужденных к лишению свободы в пределах одного ИУ путем перевода на улучшенные условия содержания является организационно-правовой процедурой, состоящей из нескольких последовательных этапов, отражающих объективную оценку поведения осужденного, и стимулирующим фактором к правооптимальному образу жизни. Для реализации указанного перевода обязательным является наличие двух критериев: формального и материального.

К первому критерию относится отбытие осужденным определенной части срока наказания, назначенного по приговору суда. Причем установленные сроки возможности применения того или иного элемента прогрессивной системы, улучшающего правовое положение осужденного, являются не предельно допустимыми, а минимально необходимыми. Примечательно, что формальный критерий применяется лишь в случае изменения условий в сторону увеличения льгот. Данная конструкция характерна для построения поощрительных норм уголовно-исполнительного права.

Материальным критерием согласно ч. 2 ст. 68 УИК Республики Беларусь является признание осужденного ставшим на путь исправления. Принятие решения о признании осужденного к лишению свободы ставшим на путь исправления осуществляется советом воспитателей отряда при проведении аттестации. В результате этой процедуры происходит всестороннее изучение личности: отношение к проводимым индивидуальным беседам и основным средствам достижения целей уголовной ответственности, наличие социально полезных связей. Кроме того, осужденный обладает правом выразить свое несогласие с решением по аттестации в письменной форме. Однако наличие такого права не влияет на принятие решения администрацией ИУ и не является основанием для пересмотра результата аттестации. Это свидетельствует о допустимости субъективного усмотрения в принятии управленческого решения.

Посредством анализа личного дела оценивается поведение осужденного в период отбывания наказания, а также его соответствие признакам, установленным ч. 3 ст. 116 УИК Республики Беларусь. К одному из таковых законодатель относит отсутствие взысканий. Принимая во внимание закрепление в законодательстве нормы, предусматривающей лишь отсутствие взысканий, небезосновательно можем заключить: наличие поощрений не является обязательным критерием для перевода осужденного

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ...

на улучшенные условия содержания. Однако очевидно, что осужденный должен не только не допускать совершения дисциплинарных проступков, но и доказывать своим поведением стремление к исправлению. Это, в свою очередь, выражается в наличии у осужденного поощрений, применяемых не только за надлежащее выполнение установленных законодательством обязанностей, но и добросовестное отношение к труду, обучению, участие в воспитательных мероприятиях, работе самодеятельных организаций и иную полезную деятельность. С учетом изложенного предлагается ч. 3 ст. 116 УИК Республики Беларусь после слов «не имеет взысканий» дополнить словами «имеет поощрения».

Одним из немаловажных критериев для признания осужденного ставшим на путь исправления является его добросовестное отношение к труду.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 98 УИК Республики Беларусь каждый осужденный к лишению свободы с учетом его пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья, а также специальности обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией ИУ. Привлечение осужденных к труду осуществляется на предприятиях или в производственных мастерских ИУ либо иных организациях независимо от форм собственности при неукоснительном соблюдении режимных требований [7, с. 111]. Добросовестность труда заключается не просто в его выполнении, а включает в себя соответствие качества работы определенным стандартам, выполнение производственного задания, рациональное расходование сырья и исходных материалов, содержание рабочего места в образцовом (опрятном) виде, соблюдение трудовой дисциплины и техники безопасности на производстве.

Вместе с тем следует учитывать, что не все осужденные могут быть трудоустроены в ИУ в силу объективных и субъективных причин. К объективным причинам относятся: отсутствие должной специальности либо рабочих мест; состояние здоровья (инвалидность I и II группы); достижение общеустановленного пенсионного возраста; невывод осужденного в производственную зону из оперативных сообщений (угроза жизни или здоровью, нахождение осужденного на профилактическом учете как склонного к побегу); привлечение осужденного к труду в столовой, банно-прачечном комбинате, в качестве дневальных и нарядчиков. Субъективной причиной является отказ осужденного трудиться, что наиболее характерно для лиц, отбывающих наказание в тюрьме и ИК для лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы.

Таким образом, рассматриваемый критерий надлежит считать второстепенным, а не основополагающим при определении степени исправления. Вследствие этого полагаем уместным дополнить ст. 116 УИК Республики Беларусь частью 31 в следующей редакции:

«Осужденные, которые по независящим от них причинам не трудоустроены на предприятиях или в производственных мастерских исправительных учреждений, лица, достигшие общеустановленного пенсионного возраста, осужденные беременные женщины, а также осужденные, являющиеся инвалидами I и II группы, могут быть признаны ставшими на путь исправления без учета их отношения к труду».

Юридическим основанием изменения условий содержания осужденных к лишению свободы в пределах одного ИУ является мотивированное постановление начальника учреждения, в котором содержатся: вывод о степени исправления; указание отбытой части срока наказания; резолюция о переводе на улучшенные условия содержания либо отмене таковых. Однако существенным пробелом в уголовно-исполнительном

законодательстве является отсутствие установленной формы постановления о переводе на улучшенные условия содержания, ввиду чего в практических подразделениях оно составляется в произвольной форме. Это создает предпосылки к возникновению противоречий в правоприменительной практике при реализации изменения условий отбывания лишения свободы.

С учетом изложенного предлагаем дополнить постановление МВД Республики Беларусь от 10 ноября 2010 г. № 353 «Об аттестации осужденных, формировании и деятельности самодеятельных организаций» приложением, устанавливающим форму постановления о переводе осужденного на улучшенные условия содержания, что будет способствовать единообразному применению норм уголовно-исполнительного законодательства в исследуемой сфере правоотношений.

Несмотря на стимулирующий характер института изменения условий отбывания лишения свободы, среди осужденных имеется категория лиц, которые, отбывая наказание в ИУ, не только не реагируют на применяемые в отношении них средства исправления, но и оказывают активное противодействие воспитательному процессу. При этом их действия нередко направлены на дестабилизацию не только оперативной обстановки, но и функционирования учреждения в целом. В отношении таких лиц на законодательном уровне предусмотрена система поэтапного возрастания уровня правоограничений. В частности, к таковым относятся: перевод осужденных к лишению свободы в помещения камерного типа (ПКТ) либо одиночные камеры, перевод с общего режима на строгий в тюрьме. Рассматриваемые меры являются мерами взыскания, однако их также следует считать составной частью института изменения условий отбывания лишения свободы, поскольку они приводятся в действие после признания осужденного злостно нарушающим установленный порядок отбывания наказания.

В то же время следует поддержать точку зрения И. Н. Павлова, который отмечает, что в процессе реализации прогрессивной системы прослеживается законодательная неопределенность. Так, мера взыскания в виде перевода осужденного в ПКТ на срок до шести месяцев по своему содержанию является переводом в тюрьму за нарушения режима содержания в ИК различных видов. Причем характер правоограничений в ПКТ соответствует условиям содержания осужденных в тюрьме на строгом режиме [5, с. 124–125]. Вместе с тем постановление об установлении (изменении) вида режима осужденному в тюрьме согласовывается с наблюдательной комиссией при местном исполнительном и распорядительном органе, а постановление о переводе в ПКТ (одиночные камеры) подобного согласования не проходит.

На основании изложенного представляется необходимым дополнить ст. 113 УИК Республики Беларусь, устанавливающую порядок применения мер взыскания к осужденным к лишению свободы, частью 71 следующего содержания:

«Взыскания в виде перевода в помещения камерного типа и одиночные камеры налагаются постановлением начальника исправительного учреждения, согласованным с наблюдательной комиссией».

Предлагается также унифицировать правоприменительный процесс посредством внесения изменений в форму бланка постановления о переводе осужденного в ПКТ, одиночную камеру ИК особого режима, установленную ведомственным законодательством, тем самым устранив существующий законодательный пробел.

Следует обратить внимание на то, что согласно действующему законодательству Республики Беларусь, изменение условий содержания осужденных к лишению свобо-

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ...

ды в пределах ИК-поселения не предусмотрено. Вместе с тем реализация прогрессивной системы в ИК-поселении возможна посредством предоставления осужденному (на основании постановления начальника учреждения) разрешения проживать со своими семьями на территории ИУ либо за его пределами. Материальным критерием для предоставления указанного права является отсутствие нарушений установленного порядка отбывания наказания. Кроме того, формальный критерий предусматривает лишь наличие семьи, в то время как отбытия определенной части срока наказания не требуется.

Однако, как показывают результаты исследования, проведенного В. Е. Южаниным, данная категория осужденных наиболее часто совершает побеги из ИК-поселения (90 % зафиксированных прецедентов) [6]. Одной из причин этого является тот факт, что их личность изучена не в полной мере. По данным Департамента исполнения наказаний Республики Беларусь, указанный показатель составляет 75 %. В связи с этим представляется рациональным ограничить применение права проживания осужденных семей за пределами учреждения до отбытия ими в ИК-поселении не менее трех месяцев путем дополнения п. 2 ч. 3 ст. 122 УИК Республики Беларусь после слов «имеющим семьи» словами «по отбытии ими в исправительной колонии-поселении не менее трех месяцев срока наказания, назначенного по приговору суда».

Установление срока в три месяца обусловлено тем, что именно в течение указанного минимального периода возможно осуществление эффективного индивидуального прогнозирования, сущность которого сводится к определению вероятности совершения осужденным преступления. По нашему мнению, в течение первых трех месяцев пребывания осужденного в ИУ осуществляется непрерывный процесс изучения его личностных особенностей со стороны сотрудников всех отделов и служб учреждения. За указанный период формируется представление об отношении осужденного к средствам исправления и перспективах отбывания наказания. Представляется, что указанная мера позволит более детально исследовать намерения осужденных и будет способствовать сведению к минимуму вероятности совершения ими побега и иных нарушений установленного порядка отбывания наказания.

В настоящее время дискуссионным остается вопрос правовой природы такого института, как предоставление осужденным права передвижения без конвоя или сопровождения за пределами ИУ. Полагаем, дискуссионность рассматриваемого вопроса можно объяснить тем, что, несмотря на наметившуюся тенденцию движения уголовно-исполнительной системы в сторону гуманизации и повышения роли стимулирования правомерного поведения осужденных, юридически закрепленный субинститут расконвоирования фактически не применяется. Это обусловлено высоким риском совершения побега из ИУ. В целях предупреждения (пресечения) побегов и иных правонарушений со стороны осужденного, соблюдения им установленных правоограничений и запретов считаем целесообразным введение нормы, предусматривающей применение электронных средств контроля за местом нахождения осужденных к лишению свободы, которым предоставлено право передвижения без конвоя или сопровождения. Исходя из этого, предлагается ст. 90 УИК Республики Беларусь дополнить ч. 9 следующего содержания:

«Осужденные, обладающие правом передвижения без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения, по постановлению начальника исправительного учреждения обязаны постоянно носить электронные средства контроля своего места нахождения, соблюдать правила их эксплуатации».

Указанная корректировка законодательства в последующем будет способствовать скорейшей ресоциализации осужденных, осуществлению дополнительного контроля за их поведением, а право передвижения без конвоя или сопровождения станет промежуточным этапом перед направлением осужденного из ИУ закрытого вида для дальнейшего отбывания наказания в ИК-поселении.

Предоставление такой возможности наглядно демонстрирует способность осужденного быть законопослушным гражданином в условиях свободы, поскольку осужденный, в отношении которого на момент его бесконвойного передвижения не осуществлялась охрана, своим поведением может доказать наличие у него готовности вести правопослушный образ жизни после освобождения из ИУ.

Осуществляя анализ порядка изменения условий отбывания лишения свободы путем перевода в другое ИУ, остановимся на возможности перевода осужденных к лишению свободы, злостно нарушающих установленный порядок отбывания наказания, из ИК в тюрьму на срок не свыше трех лет. Существенным отличием перевода в тюрьму из ИК от изначального отбывания лишения свободы в тюрьме по приговору суда является то, что в первом случае учитывается оценка поведения осужденного в период отбывания наказания (уголовно-исполнительная дифференциация), а не степень общественной опасности совершенного преступления (уголовно-правовая дифференциация).

Количество осужденных, переведенных из ИК для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, и ИК для лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, в тюрьму на срок не свыше трех лет, составляет очень незначительный процент от общей численности осужденных. Это подчеркивает, что в целях недопущения необдуманно широкого применения данного механизма воздействия на осужденных, злостно нарушающих установленный порядок отбывания наказания, каждый конкретный случай подготовки материалов для направления осужденного в тюрьму подлежит всестороннему и объективному рассмотрению.

С. В. Назаров относит к недостаткам изменения вида ИУ посредством перевода из ИК в тюрьму его временный характер – срок до трех лет [7, с. 89]. Опираясь на указанный факт, отдельные исследователи предлагают отказаться от практики применения данных переводов, а в качестве альтернативы увеличить срок содержания в ПКТ. Однако совершенно очевидно, что на современном этапе развития отечественной уголовно-исполнительной системы отказ от перевода осужденных в тюрьму нецелесообразен. Во-первых, как показывает практика, условия содержания в ПКТ не обеспечивают настолько высокого уровня карательно-исправительного воздействия на осужденных, злостно нарушающих установленный порядок отбывания наказания, как в тюрьме. Во-вторых, из-за специфической архитектоники ИК невозможно в полной мере осуществить изоляцию отдельных категорий осужденных, особенно если речь идет о лидерах и авторитетах преступной среды, информативное участие которых в процессах, происходящих на территории ИК, пресечь весьма сложно.

По нашему мнению, для повышения эффективности перевода из ИК в тюрьму, а также стимулирования осужденных к правомерному поведению в период отбывания наказания в виде лишения свободы рационально внесение в уголовно-исполнительное законодательство изменений, предусматривающих увеличение максимально возможного срока нахождения в тюрьме с трех до пяти лет. Указанный способ оптимизации условий отбывания наказания будет способствовать уменьшению количества лиц, поддержи-

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ...

вающих и пропагандирующих уголовные традиции. С увеличением возможного срока нахождения в тюрьме повысится также и роль фактора, сдерживающего реализацию противоправных намерений.

Несмотря на ограниченный характер ресоциализационных возможностей тюрьмы, перевод в указанный вид ИУ делает логически завершенной систему воздействия на злостных нарушителей режима и является действенным способом изоляции положительно настроенных осужденных от лиц, которые в силу занимаемого положения в системе неофициальной стратификации оказывают негативное влияние на организацию воспитательного воздействия.

На основании изложенного предлагаем в п. 3 ч. 5 ст. 69 УИК Республики Беларусь слово «трех» заменить словом «пяти». Это создаст благоприятные условия для реализации администрацией ИУ мероприятий по предупреждению преступлений и иных правонарушений со стороны осужденных, повышению качества исправительного процесса, снижению уровня рецидива и достижению целей уголовной ответственности.

С учетом факта отсутствия подробной правовой регламентации перевода положительно характеризующихся осужденных в ИК-поселение нами предлагается следующий алгоритм их перевода в данный вид ИУ.

В целях обеспечения подготовки к рассмотрению вопросов о переводе осужденных представляется рациональным осуществление между администрациями ИК-поселения и ИК постоянного информационного обмена о потребностях ИК-поселения исходя из лимита наполняемости учреждения.

Взвешенный подход необходимо проявлять также при оценке целесообразности представления к переводу в ИК-поселение осужденных, в отношении которых установлены следующие обстоятельства: нахождение ранее в республиканском, межгосударственном, международном розыске; осужденный ранее состоял на профилактическом учете в категории «склонный к побегу»; наличие гражданства, подданства, вида на жительство и близких родственников в другом государстве; осуждение с применением ст. 107 УК Республики Беларусь, а также наличие в период отбывания наказания фактов нарушений, связанных с употреблением алкоголя, наркотических, психотропных либо токсических веществ; отсутствие определенного места жительства (ведение бродяжнического образа жизни).

Перед принятием окончательного решения о направлении осужденного в ИК-поселение целесообразно его первичное рассмотрение на заседании совета воспитателей отряда и последующее обсуждение комиссией ИУ.

Для принятия объективного решения полагаем рациональным поручить начальнику отряда подготовку мотивированного рапорта с указанием следующих сведений: полные установочные данные осужденного; фабула совершенного преступления; когда, каким судом, по каким статьям УК Республики Беларусь и к какой мере наказания осужден; начало и окончание срока наказания; наличие соучастников совершенного преступления; номер ИУ и вид режима, в условиях которого содержится осужденный; места отбывания наказания до прибытия в данное ИУ (движение по личному делу); прежние судимости; сроки представления к условно-досрочному освобождению, замене наказания более мягким наказанием; родственные связи осужденного, наличие актуальных социально полезных связей (имеются лица, от которых осужденный получает денежные переводы, посылки (передачи), с которыми предоставляются свидания); в какой категории профилактического учета состоит или состоял; сведения: о количестве поощрений и взысканий

за весь период отбывания наказания, о признании вины в совершенном преступлении, о возмещении ущерба, причиненного преступлением, о переводе (переводах) в тюрьму за злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания, об имеющейся профессии (специальности) и наличии в личном деле подтверждающих документов; отношение к труду (обучению) во время отбывания наказания.

Администрации ИК-поселения при необходимости уточнения вопросов, имеющих значение для принятия решения о согласовании, следует провести собеседование с осужденным посредством телефонного разговора с использованием систем видеосвязи либо лично по месту отбывания осужденным наказания. Данный вариант изменения вида ИУ является наиболее эффективным с точки зрения поэтапной ресоциализации осужденных. Именно по этой причине при отборе кандидатов для перевода в ИК-поселение приоритет следует отдавать осужденным к длительным срокам лишения свободы.

Подводя итог, отметим, что разработанные нами предложения, направленные на совершенствование отраслевого законодательства Республики Беларусь путем внесения изменений и дополнений в уголовно-исполнительное законодательство, ведомственные нормативные правовые акты, позволят повысить эффективность не только применения института изменения условий отбывания наказания в виде лишения свободы, но и функционирования уголовно-исполнительной системы государства в целом.

Список источников

1. Уткин В. А. Концепция модернизации уголовно-исполнительной системы как доктринальный политико-правовой акт // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 431. С. 210–214.
2. Шабанов В. Б. Проблемы уголовно-исполнительной дифференциации осужденных к лишению свободы: опыт России и Республики Беларусь // Вестник Кузбасского института. 2018. № 4. С. 110–116.
3. Кийко Н. В. Гуманизация уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь как основное направление ее реформирования // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2017. № 1. С. 96–101.
4. Хомич В. М. Уголовно-исполнительное право. Минск, 2018. 460 с.
5. Павлов И. Н. Принцип дифференциации и индивидуализации в уголовно-исполнительном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 215 с.
6. Южанин В. Е. Исправительная колония-поселение – разновидность лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 1. С. 18–25.
7. Назаров С. В. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: уголовно-правовое и криминологическое исследование. Владимир, 2002. 140 с.

References

1. Utkin, V. A. 2018, 'The concept of modernization of the penal system as a doctrinal political and legal act', *Bulletin of Tomsk State University*, iss. 431, pp. 210–214.
2. Shabanov, V. B. 2018, 'Problems of penal differentiation of persons sentenced to imprisonment: the experience of Russia and the Republic of Belarus', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 4, pp. 110–116.
3. Kiiko, N. V. 2017, 'Humanization of the penal system of the Republic of Belarus as the main direction of its reform', *Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus*, iss. 1, pp. 96–101.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ...

4. Khomich, V. M. 2018, *Penal law*, Minsk.
5. Pavlov, I. N. 2011, *The principle of differentiation and individualization in penal law: PhD thesis (Law)*, Moscow.
6. Yuzhanin, V. E. 2018, 'Correctional colony settlements – a type of imprisonment', *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, iss. 1, pp. 18–25.
7. Nazarov, S. V. 2002, *Disorganization of the activities of institutions providing isolation from society: criminal law and criminological research*, Vladimir.

Информация об авторе

С. Л. Гайкович – заместитель начальника уголовно-исполнительного факультета по учебной работе.

Information about the author

S. L. Gaikovich – deputy head of the penal faculty for academic affairs.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 19.02.2025; одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 26.03.2025.

The article was submitted 19.02.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 26.03.2025.

Научная статья

УДК 343.83

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.126-132

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПЕРСОНАЛОМ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Татьяна Георгиевна Терещенко¹

¹ Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, tati2034@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8705-2046>

Аннотация. Статья посвящена исследованию понятия и сущности предупреждения правонарушений, совершаемых сотрудниками и работниками органов и учреждений уголовно-исполнительной системы (на примере практики Республики Беларусь). Актуальность рассматриваемой темы определяется необходимостью выстраивания слаженной политики противодействия преступности, включая пенитенциарную преступность в условиях полной или частичной изоляции человека от общества. На основе обобщения статистических данных, полученных из Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь, разработана система мер предупреждения правонарушений применительно к специальному субъекту в уголовно-исполнительной системе. Полученные сведения могут быть положены в основу мер профилактического воздействия.

Ключевые слова: криминология, система мер предупреждения правонарушений, специальный субъект, уголовно-исполнительная система

Для цитирования

Терещенко Т. Г. Предупреждение правонарушений, совершаемых персоналом уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 1. С. 126–132. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.126-132.

Original article

PREVENTION OF OFFENSES COMMITTED BY THE STAFF OF THE PENAL SYSTEM

Tatiana Georgievna Tereshchenko¹

¹ Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus, tati2034@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8705-2046>

Abstract. The article is devoted to the study of the concept and essence of the prevention of offenses committed by employees of bodies and institutions of the penal system (using the example of the practice of the Republic of Belarus). The relevance of the topic under consideration is determined by the need to build a coherent policy of countering crime, including penitentiary crime in conditions of complete or partial isolation of a person from society. Based on the generalization of statistical data obtained from the Penitentiary Department of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, a system of crime prevention measures has been developed in relation to a special entity in the penal system. The information obtained can be used as a basis for preventive measures.

Keywords: criminology, system of crime prevention measures, special entity, penal system

For citation

Tereshchenko, T. G. 2025, 'Prevention of offenses committed by the staff of the penal system', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 1, pp. 126–132, doi: 10.33463/2687-122X.2024.20(1-4).1.126-132.

Предупреждение правонарушений, а в частности преступности, в рамках науки криминологии представляет собой широкий комплекс мер правового, организационно-управленческого, идеологического, культурно-нравственного, психологического характера, реализуемых государственными органами в лице особых субъектов, членами гражданского общества и отдельными гражданами. Реализация превентивных мер осуществляется комплексно с учетом выработанных наукой принципов законности, гласности, гуманизма, научности, системности, транспарентности. Немаловажной представляется градация реализуемых мер с учетом уровневого подхода: общесоциальное предупреждение, специально-криминологическое предупреждение и индивидуальная профилактика [1, с. 280–285].

Отметим, что сотрудники (работники) уголовно-исполнительной системы с учетом особых задач, реализуемых в пределах функционирования Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее – ДИН МВД Республики Беларусь), учреждений, подведомственных центральному органу, подвергаются ежедневным рискам с позиции криминальной зараженности.

Статистические данные, предоставленные ДИН МВД Республики Беларусь, свидетельствуют о том, что наиболее часто встречаются правонарушения, связанные с возникновением рисков коррупционного характера (в первую очередь с возможностью злоупотреблений и превышений в реализации прав и законных интересов осужденных,

заключенных под стражу и граждан, содержащихся в лечебно-трудовых профилакториях). Так, имеют место случаи послабления режима и предоставления необоснованных льгот; проноса запрещенных предметов (мобильных телефонов, психически активных веществ); непривлечения к дисциплинарной ответственности; закупки техники, материалов с нарушением процедуры закупки¹.

В процессе развития общественных отношений для укрепления воинской (служебной) дисциплины и пресечения недопущения правонарушений (преступности) среди персонала уголовно-исполнительной системы применяются два основных направления: предупреждение и дисциплинарная практика, включая привлечение к уголовной ответственности в рамках принципа неотвратимости юридической ответственности. Несмотря на неоспоримое значение справедливого, своевременного и неотвратимого наказания преступника для сдерживания преступности, все более укрепляется осознание того, что именно противодействие преступности в форме предупреждения (профилактики) является наиболее перспективным и результативным, чем предупреждение постфактум.

В связи с этим общесоциальное предупреждение правонарушений (преступлений) следует рассматривать как социально-правовую деятельность, проводимую в масштабе всей страны среди специальных субъектов по выявлению и устранению (нивелированию) причин и условий делинквентного поведения и оказанию комплексного профилактического воздействия на лиц, склонных к совершению преступлений, в целях недопущения последних [2, с. 287–288]. Эта деятельность может быть полностью реализуема применительно к деятельности ДИН МВД Республики Беларусь и подчиненных субъектов.

В рамках указанной деятельности прежде всего следует использовать широкий потенциал правового просвещения (особенно на стадии ранней профилактики) с целью преодоления правового формализма и нигилизма, апатии, возникающих вследствие служебной деформации и перегрузок у отдельных сотрудников (работников).

Следует наращивать информационный потенциал в аспекте разъяснения отдельных норм права с позиции их динамичности и сложности субъективного восприятия (например, нормы уголовного законодательства об объективных элементах составов преступлений против собственности и экономической деятельности; коррупционное законодательство, порядок обращения со служебной (персональной) информацией).

В рамках мер организационного характера важным направлением реализации Концепции государственной кадровой политики представляется обеспечение кадровой безопасности. Прежде всего это касается подбора, расстановки, постоянного обучения и воспитания кадров, их аттестации, контроля и надзора за их поведением, соблюдения сотрудниками требований по службе и соответствующих ограничений (например, ст. 17–20 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-3 «О борьбе с коррупцией»).

В качестве одного из алгоритмов профилактики может выступать совершенствование системы кадровой работы, направленной на подбор и расстановку личного состава в подразделениях органов внутренних дел (ОВД). За последние годы существенно проработан механизм подбора руководителей структурных подразделений ОВД. Формируется резерв руководящих кадров, сотрудники проходят удаленное обучение в Единой информационной системе обучения (ЕИСО), приобретают компетенции, необходимые для назначения на должности, включенные в основную и учетно-контрольную номенклатуры. При этом механизм комплектования должностей контролерского состава требует

¹ Сведения ДИН МВД Республики Беларусь по итогам коллегии 2023 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ...

дальнейшего совершенствования. Именно среди указанной категории лиц наиболее высок удельный вес тех, кто совершает правонарушения (например, доставляет запрещенные предметы, мобильные телефоны осужденным за дополнительную плату).

В дальнейшем необходимо поддерживать социальный престиж службы, обеспечить более глубокую профессионализацию, соответствие личного состава современным, качественно новым требованиям. Только на этой основе могут успешно решаться задачи противодействия преступлениям специальных субъектов.

Данная деятельность должна включать в себя также комплексную, системную и многоаспектную работу, направленную на мониторинг морально-психологического климата в служебных коллективах, изучение индивидуальных личностных установок и психических состояний сотрудников. Всестороннее исследование динамики морально-психологического климата и индивидуальных особенностей личного состава позволяет своевременно выявлять изменения в криминогенной склонности личности сотрудников и обеспечить наиболее эффективную модель реагирования со стороны руководства. Морально-психологический климат представляет собой нравственный и социально-психологический настрой коллектива, который проявляется во всех разнообразных формах деятельности. Поддержание здорового морально-психологического климата в подразделениях и обеспечение высокой эффективности служебной деятельности представляется невозможным без наличия достаточного уровня индивидуальной мотивации каждого отдельно взятого сотрудника.

Современной психологической наукой установлено, что после окончания этапа формирования профессиональных компетенций, при длительном пребывании сотрудника в занимаемой должности (как правило, более 5 лет) на человека начинают оказывать деструктивное влияние не только физические и психологические нагрузки, специфичные для каждого вида деятельности, но и факторы, ранее формировавшие его компетентность, что находит свое отражение в мотивационной сфере личности и проявляется в виде синдромов профессионального и эмоционального выгорания.

На первоначальных этапах проявления данного синдрома для сотрудников характерно изменение устоявшейся модели поведения, что обусловлено активностью защитных механизмов психики. В сфере потребностей личности появляются желания и установки, направленные на развитие, самосовершенствование и формирование новых компетенций, формируется желание сменить должность, а часто и сферу деятельности. В случае невозможности удовлетворения потребностей в реализации компетенций или смены обстановки описанный феномен ведет к прогрессированию эмоционального и профессионального выгорания, которые, в свою очередь, могут стать причиной изменений в криминогенной склонности личности и проявления девиаций в поведении сотрудника (работника).

Обеспечить проведение мониторинга возможно исключительно при использовании качественного и валидного инструментария с привлечением достаточного количества сил и средств подразделений психологического обеспечения [3, с. 41–43]. В связи с этим немаловажным представляется получение данных о психологическом портрете современного сотрудника пенитенциарной системы с выявлением его интеллектуальных, морально-волевых и нравственно-психологических ценностных характеристик и установок. Отсутствие комплексных сведений о современном облике сотрудника в рамках его психологических состояний затрудняет применение мер индивидуальной воспитательной работы в дальнейшем. В силу этого просматривается особая роль психологических служб, которые могут не только обеспечить получение указанной ин-

формации в рамках соответствующих форм диагностики, но и оказывать действенную психологическую помощь по разгрузке накопившихся негативных эмоций, состояний фрустрации и стресса (при выполнении ежедневных задач).

Иные субъекты также могут играть действенную роль в преодолении состояний напряженности. Можно выделить несколько направлений: спортивная составляющая, художественное просвещение, деятельность объединений культурной направленности (например, клубы по интересам), церковное движение и т. п.

Специальное предупреждение представляет собой профилактическую деятельность, проводимую различными субъектами как в системе ОВД, так и вне ее с целью предотвращения замышляемых преступлений или пресечения начавшихся преступных посягательств с использованием правовых и иных методов воздействия на делинквентов. Кроме того, специально-криминологическое предупреждение может реализовываться с целью недопущения совершения отдельных видов и форм преступных посягательств (например, коррупционных, против безопасности движения и эксплуатации транспорта, корыстных).

Таким образом, возрастает роль как субъектов предупреждения в лице руководителей подразделений, отделов, отделений, служб, так и службы собственной безопасности (инспекции по личному составу). Специальное предупреждение преступлений необходимо рассматривать с точки зрения организационного и правового критериев.

Успешность организационно-профилактических мероприятий во многом зависит от глубокого уяснения причин и условий, способствующих совершению преступлений, совершаемых персоналом уголовно-исполнительной системы. При этом в основу превентивной деятельности должны быть положены тщательный анализ причин и условий уже совершенных деяний, просчетов и упущений, мониторинг имевшей место предкриминальной ситуации, элементов механизма индивидуального преступного поведения с учетом личности виновного, виктимологического фактора.

Должностные лица служб собственной безопасности также должны тщательно анализировать складывающуюся оперативную обстановку в каждом структурном подразделении. Задача анализа состоит в том, чтобы из различного рода оперативных данных составить общую, целостную картину процесса, выявить присущие ему закономерности и тенденции и на их основе проводить те мероприятия профилактического характера, которые наиболее способствуют решению проблемы (например, системное нарушение дисциплины может в дальнейшем поспособствовать совершению преступления).

Исключительно важной проблемой при этом является борьба за чистоту кадров. Кадровая проверка должна осуществляться на основе программы многоуровневого изучения сотрудников с момента их поступления на службу и до перевода на вышестоящие должности, при получении званий, наград, включении в резерв кадров и т. п.

Кроме того, представляется важным продолжить некоторые направления деятельности в аспекте предупреждения отдельных видов и форм преступных посягательств, совершаемых специальными субъектами. Например, применительно к категории правонарушений коррупционной направленности представляется необходимым провести следующие мероприятия:

- 1) продолжить реализовывать комплекс мер по внедрению в деятельность МВД системы менеджмента качества по борьбе со взяточничеством – СТБ ISO 37001-2020 «Системы менеджмента борьбы со взяточничеством. Требования и руководство по применению» (идентификация рисков с выявлением криминогенных факторов (включая разработку карты рисков и возможностей); анализ рисков с установлением соответствую-

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ...

ющих критериев ранжирования; политика органа; система дополнительного мониторинга за лицами, занимающими наиболее рискованные с позиции коррупции должности; система внутренней и внешней коммуникации и т. д.);

2) разработка и принятие этического стандарта поведения сотрудника ОВД как составляющей этической политики государственного органа, деонтологии ОВД (внутренних войск – ВВ);

3) разработка и внедрение регламентированной версии этического кодекса сотрудника ОВД (ВВ).

Дополнительно следует уделить внимание:

– правовым основам служебной деятельности с момента поступления на службу и в ее процессе (подача сведений о доходах и имуществе, достоверных анкетных данных; пользование служебным имуществом и транспортом; разрешение административных процедур и дополнительное обогащение; склонение к противоправной деятельности и уведомление; обращение со служебной информацией; принятие управленческих решений; вмешательство в деятельность иных субъектов; создание протекций и т. д.);

– понятию конфликта интересов (этической дилеммы) в служебной деятельности и механизму его разрешения;

– алгоритму поведения сотрудника ОВД в случае провокации взяточничества;

– контролю и этическому мониторингу;

– ответственности за нарушение правовых предписаний.

Индивидуальное предупреждение преступлений – это деятельность, связанная с реализацией комплекса мероприятий психолого-педагогического, воспитательного, организационно-правового и контрольно-надзорного характера. Непосредственное предупреждение состоит в предотвращении замышляемых и подготавливаемых сотрудниками и военнослужащими преступлений с целью их недопущения, пресечения начавшихся преступлений, привлечения лиц (к которым ранее применялись меры воспитательного воздействия) к уголовной ответственности как вынужденной мере правового реагирования.

Важно определить с кругом тех лиц, в отношении которых необходимо реализовывать меры индивидуального воздействия различной степени интенсивности на раннем и непосредственном этапах профилактики. В такой работе особая роль отводится психологическим службам, которые могут обладать данными относительно лиц с различными видами и формами девиации (например, склонные к акцентуациям; попавшие в тяжелую жизненную ситуацию в связи с потерей близких, родственников, тяжелыми болезнями и остро переживающие эти события; любители азартных игр и склонные к рискам; замеченные в употреблении психоактивных веществ; семейные скандалисты, неуравновешенные при возникновении конфликтных ситуаций в служебных коллективах; имеющие дорогостоящие привычки, увлечения и стремления к коллекционированию дорогостоящих предметов; ранее на системной основе привлекавшиеся к дисциплинарной или административной ответственности и т. п.).

Массивное накопление данных можно также получить при должной, а не формальной реализации индивидуальной воспитательной работы уполномоченными субъектами в соответствии с действующим законодательством. Кроме того, важно учесть и информационно-просветительский аспект службы. Так, доведение до личного состава сведений о наиболее резонансных происшествиях в целом по республике, включая гибель и травматизм, в рамках системы служебной подготовки является неотъемлемым элементом прохождения службы.

Таким образом, можно отметить, что предупреждение преступности среди специальных субъектов в уголовно-исполнительной системе – это комплексная, системная,

целенаправленная и постоянная деятельность, реализуемая широким кругом лиц на различных уровнях и при помощи различных форм, средств и методов. Эффективность и результативность данной деятельности определяется интенсивностью, вариативностью и ранжированием применяемых форм и методов работы. При этом приоритет в этом направлении должен принадлежать администрации органов и учреждений Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь, поскольку указанные субъекты непосредственно взаимодействуют с персоналом, оказывая на них поступательное профилактическое воздействие. При этом разработка ключевых аспектов превентивной деятельности должна иметь место с учетом наработок криминологической науки в разрезе современных тенденций криминологического прогнозирования и планирования.

Список источников

1. Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М. : Наука, 2005. 366 с.
2. Пенитенциарная криминология : учебник / под ред. Ю. М. Антоняна, А. Я. Гришко. 2-е изд., испр. и доп. М. : Проспект ; Академия ФСИН России, 2022. 304 с.
3. Гаврилюк М. Н. О некоторых вопросах совершенствования системы подбора и расстановки кадров в органах внутренних дел // Индивидуальная управленческая концепция руководителя: психологические аспекты : материалы III респ. науч.-практ. конф. (Минск, 25 марта 2022 г.) / отв. ред. А. А. Урбанович. Минск, 2022. С. 41–43.

References

1. Kudryavtsev, V. N. 2005, *Strategies for combating crime*, Nauka Publ., Moscow.
2. Antonyan, Yu. M. & Grishko, A. Ya. 2022, *Penitentiary criminology: textbook*, 2nd edn, Prospekt, Academy of the FPS of Russia, Moscow.
3. Gavrilyuk, M. N. 2022, 'On some issues of improving the system of recruitment and placement of personnel in the internal affairs bodies', in A. A. Urbanovich (ed.), *Individual managerial concept of the head: psychological aspects: materials of the III Republican Scientific and Practical Conference (Minsk, March 25, 2022)*, pp. 41–43, Minsk.

Информация об авторе

Т. Г. Терещенко – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии.

Information about the author

T. G. Tereshchenko – PhD (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Penal Law and Criminology Department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 18.12.2024; одобрена после рецензирования 15.02.2025; принята к публикации 24.02.2025.

The article was submitted 18.12.2024; approved after reviewing 15.02.2025; accepted for publication 24.02.2025.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Научная статья

УДК 343.828

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.133-141

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Юлия Александровна Головастова^{1,2}, Татьяна Александровна Видова³, Юлия Владимировна Митяева⁴

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, ugolovastova@yandex.ru

² Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, Россия

^{3,4} Московский университет имени С. Ю. Витте, г. Рязань, Россия

³ tatyanabron@yandex.ru

⁴ jmitt@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются теоретические и практические проблемы, возникающие при исполнении применительно к невменяемым и прочим лицам принудительных мер медицинского характера. Представлена характеристика эволюции данных мер, современных подходов к оценке их сущности. Авторы рассматривают эти меры в качестве мер медико-социальной безопасности, приводят аргументы в поддержку своей позиции. Исследование завершается выводом о необходимости двухуровневой нормативной регламентации таких мер в рамках содержащего административно-правовые нормы профильного федерального закона.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера, иная мера уголовно-правового характера, мера медико-социальной безопасности, невменяемый

Для цитирования

Головастова Ю. А., Видова Т. А., Митяева Ю. В. Принудительные меры медицинского характера: история, теория и практика применения // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 1. С. 133–141. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.133-141.

INTERSECTORAL ASPECTS OF SENTENCES EXECUTION

Original article

COMPULSORY MEDICAL MEASURES: HISTORY, THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Yulia Aleksandrovna Golovastova^{1,2}, Tatiana Aleksandrovna Vidova³, Yulia Vladimirovna Mityaeva⁴

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, ugolovastova@yandex.ru

² Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russia

^{3,4} Moscow Witte University, Ryazan, Russia

³ tatyanabron@yandex.ru

⁴ jmitt@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the theoretical and practical problems that arise when performing compulsory medical measures against the insane and other persons. The article describes the evolution of these measures and modern approaches to assessing their essence. The authors consider these measures as measures of medical and social security, and provide arguments in support of their position. The study concludes with the finding that there is a need for two-level regulatory regulation of such measures within the framework of the relevant federal law containing administrative and legal norms.

Keywords: compulsory medical measures, other measure of a criminal-legal nature, measure of medical and social security, insane

For citation

Golovastova, Yu. A., Vidova, T. A. & Mityaeva, Yu. V. 2025, 'Compulsory medical measures: history, theory and practice of application', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 1, pp. 133–141, doi: 10.33463/2687-122X.2024.20(1-4).1.133-141.

Институт принудительных мер медицинского характера характеризуется продолжительной эволюцией. Необходимо обратить внимание на противоречивость отношения к лицам с психическими заболеваниями в процессе развития отечественного уголовного законодательства. На протяжении длительного периода религиозные факторы имели ведущее значение, тогда как роль правовых средств являлась второстепенной.

Лица с психическими заболеваниями рассматривались на Руси в период Средневековья в качестве одержимых бесами в силу Божьего попущения. С учетом этого обстоятельства участь таких «блаженных» определялась церковью. Если подобные лица совершали преступные деяния, в отношении них преимущественно осуществлялись меры по «изгнанию бесов» при помещении в монастыри [1, с. 13]. Таким образом, данные меры сопровождались изоляцией от общества. При этом возможно было применение пыток, казни в ситуациях, когда действия лиц были богохульственными либо антигосударственными.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Лишь во второй половине семнадцатого столетия государственная власть попыталась нормативно урегулировать отношение к лицам с психическими заболеваниями, которые совершили преступные деяния. В датированных 1669 г. Новоуказных статьях о татевных, разбойных и убийственных делах предусматривалось, что при совершении убийства лица указанной категории освобождаются от ответственности¹. При этом, как и ранее, они помещались в монастыри.

Развитие медицинских знаний обусловило формирование в следующем столетии подхода к указанным лицам как к имеющим нарушения психики, в отношении которых необходимо лечение. При этом применение прежних мер не прекращалось, поскольку квалифицированные специалисты и больницы отсутствовали. Существенные изменения связаны с изданием Екатериной II в 1766 г. указа, предусматривающего создание особых светских лечебниц для лиц с психическими заболеваниями, совершивших правонарушение. При этом функция излечения являлась в подобных учреждениях второстепенной, первичной была функция изоляции от общества.

Приказы общественного призрения были учреждены в 1775 г., и с этой датой принято соотносить начало применения в отношении лиц с нарушениями психики мер, имеющих медицинский характер. Передача церкви лиц указанной категории для присмотра и содержания официально прекращается. При этом нормативные положения, регулирующие меры, подлежащие применению к лицам с нарушениями психики, совершившим правонарушения, отсутствовали.

Впервые освобождение лиц с психическими заболеваниями, совершивших различные разновидности преступных деяний, от уголовной ответственности было предусмотрено в Своде законов 1832 г. Причинившее смерть другому человеку лицо, являющееся сумасшедшим, безумным, в принудительном порядке направлялось для лечения.

Были введены дефиниции таких понятий, как «безумный», «сумасшедший». Применительно к данным лицам предусматривалась продолжительность лечения. Законодатель на первый план выдвигал цель не лечения, а защиты общества от совершения такими лицами деяний, являющихся преступными. В дальнейшем в связи с разработкой в 1866 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, в 1903 г. – Уголовного уложения соответствующие законодательные положения были расширены.

После октябрьских событий 1917 г. сформировался более детальный подход к лицам с нарушениями психики и мерам, которые следует применять в отношении них в случае совершения преступных деяний. Ненаказуемость лиц с психическими заболеваниями была четко определена в Уголовном кодексе (УК) РСФСР 1922 г. Касательно данных лиц была предусмотрена необходимость применения лечения, являющегося принудительным, с направлением в психиатрические лечебницы. Уголовный кодекс 1926 г. содержал дифференцированные медицинские меры социальной защиты, лица соответствующей категории направлялись в общие психиатрические лечебницы для лечения в принудительном порядке.

В тридцатых годах прошлого столетия политический режим ужесточился и назначение принудительных мер медицинского характера осуществлялось в отсутствие проведения судебно-психиатрического обследования и судебных решений. Сформировалась практика применения принудительного лечения для противодействия противникам государственной власти.

¹ См.: Информационно-правовой портал "Гарант. ру". URL: <https://base.garant.ru/55097777> (дата обращения: 17.12.2024).

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

В 1935 г. назначение и отмена указанных мер были отнесены к исключительной компетенции судебных органов. В дальнейшем в законодательстве усиливалась детализация определения оснований применяемого к лицам с психическими заболеваниями принудительного лечения. Были детализированы категории лиц и реализующие принудительные меры медицинского характера учреждения лечебного профиля. Уточнен порядок осуществления, продления и прекращения данных мер. Соответствующие положения были зафиксированы в Законе РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», регламентирующем психиатрическую помощь и гарантии имеющихся у граждан прав при ее предоставлении.

На данный момент в отношении лиц с психическими заболеваниями одновременно применяются гуманистический и более строгий подходы. Проявлением первого является содержащаяся в действующем уголовном законе ст. 98, предусматривающая, что принудительные меры медицинского характера применяются, в частности, чтобы улучшить состояние психики лиц, способствовать их излечению. Второй связан с применением к совершившим преступные деяния лицам с психическими заболеваниями более строгих мер. Примером служит Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних», который для усиления ответственности за половые преступления применительно к лицам, не достигшим совершеннолетнего возраста, предусмотрел внесение изменений в УК РФ и прочие нормативно-правовые акты.

Существует много вопросов, которые продолжают оставаться предметом полемики. Они связаны с основаниями, наличие которых обуславливает применение принудительных мер медицинского характера. Например, однозначно не решен вопрос о том, возможно ли признать субъектом уголовно-исполнительного права лицо, у которого отсутствует вменяемость и которое не является субъектом уголовной ответственности. Представляется необходимым принимать во внимание то, что невменяемый характеризуется особой правосубъектностью, отсутствием способности выступать в качестве носителя статуса осужденного.

Степень разработанности сущности анализируемых мер в отечественном праве является недостаточной. Причины этой ситуации состоят в следующем: назначение указанных мер сопровождается решением медицинских вопросов наряду с юридическими; регулирование данных мер является комплексной задачей, которая связана с действием норм таких отраслей права, как административное, уголовное, уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное; цели и задачи субъектов не регламентированы с должной точностью, характеризуются непоследовательностью.

Существуют противоречивые подходы к трактовке сущности анализируемых мер, их содержания. Некоторые исследователи придерживаются подхода, представленного в гл. 15 уголовного закона, и полагают, что данные меры являются «иными мерами», а их сущность – уголовно-правовая [2, с. 173–186; 3, с. 22–133].

Имеет место мнение, согласно которому принудительные меры медицинского характера основаны на интеграции правовых и медицинских мер, поэтому существует потребность в их межотраслевой комплексной регламентации [4, с. 79–83; 5, с. 306–311]. Иногда принудительные меры медицинского характера трактуют как меры безопасности [6, с. 37; 7, с. 101–111], поскольку они ориентированы на то, чтобы обезопасить общество от лиц, которым требуется лечение.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Необходимо обратить внимание и на мнение ряда авторов, указывающих на то, что несмотря на расположение принудительных мер медицинского характера в уголовном законе, к числу «иных мер» они не относятся. При этом обоснованно отмечается, что по закону их применение возможно лишь в случае совершения преступлений, однако назначаются они лицу, совершившему деяние, сопряженное с общественной опасностью, но не обладающему вменяемостью.

Фактически ситуация складывается следующая – анализируемые меры предусмотрены в уголовном законе в шестом разделе, при этом их назначение осуществляется в отношении лиц, совершивших деяния общественно опасного характера. В соответствии с отечественным законодательством к категории субъектов преступления лица, которые характеризуются отсутствием вменяемости, не относятся. Они не могут являться также субъектами уголовной ответственности и осужденными. Следовательно, если применение «иных мер» осуществляется лишь в случае совершения преступного посягательства, невозможно объяснить, в связи с чем они предусмотрены шестым разделом УК РФ. При таком подходе логичным будет являться их фиксация в ином акте, вне УК РФ [8, с. 50].

В качестве исключяющего наступление уголовной ответственности обстоятельства выступает в том числе отсутствие вменяемости. Ряд исследователей обоснованно полагают, что законодатель ошибочно включил указанные меры в шестой раздел уголовного закона [9, с. 10–16]. Это мнение видится состоятельным. Следует отметить, что данные меры не входят в число «иных мер». Таким образом, существует потребность в том, чтобы обособить принудительные меры медицинского характера в уголовном законе. В этом случае требуется определить, какие источники должны регламентировать назначение не обладающим вменяемостью лицам указанных мер и их исполнение.

Представляется теоретически и практически значимым включить принудительные меры медицинского характера в комплекс мер, связанных с государственно-правовым воздействием. При этом можно определить обстоятельства, обуславливающие отсутствие четких указаний в Уголовно-исполнительном кодексе РФ в отношении порядка исполнения данных мер.

Законодатель не придерживается последовательного и однозначного подхода в определении сущности принудительных мер медицинского характера. Назначение «иных мер» возможно лишь в случае, если совершено преступное деяние. Уголовный закон содержит четкое указание по данному вопросу в ч. 2 ст. 2.

Лицо, которое, будучи невменяемым, совершило деяние, являющееся противоправным, общественно опасным, характеризуется особым правовым положением, которое выходит за рамки нормативной регламентации уголовно-правовых отношений охранительного характера [10, с. 19–21]. Речь идет об обстоятельстве, исключаящем наступление уголовной ответственности, состоящем в отсутствии вменяемости. Если лицо не обладает вменяемостью, обязанности нести уголовную ответственность у него нет и уголовно-правовое отношение охранительного характера прекращается. Существующее противоречие обусловлено, по нашему мнению, тем, что принудительные меры медицинского характера безосновательно включены в категорию «иных мер».

На основании изложенного применять вне охранительных уголовно-правовых отношений анализируемые меры как «иные меры» невозможно. Следовательно, указанные меры в отношении не обладающих вменяемостью лиц характеризуются выраженными особенностями и являются мерами медико-социальной безопасности.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Лица, в отношении которых применяются данные меры, представлены также лицами, у которых имеются не исключающие наличие вменяемости расстройства психики и которые совершили преступные деяния; лицами, наступление у которых расстройства психики произошло при отбывании наказания; лицами, наступление у которых расстройства психики произошло после того, как было совершено преступное деяние, что исключило возможность назначения им наказания и его исполнения.

В последнем случае лицо рассматривается в качестве несудимого, целесообразность в назначении наказания отсутствует. В ситуации, когда при исполнении наказания возникло расстройство психики, фактически производится освобождение осужденного от отбывания наказания в связи с наличием заболевания.

Если у лица имеется расстройство психики, при котором вменяемость сохраняется, оно относится к сфере действия уголовно-правовых отношений охранительного характера и существуют отношения судимости. К осужденному фактически применяются две имеющие уголовный характер иные меры. Представляется, что налицо выраженное противоречие. При этом цели соответствующих мер являются различными. Представленные соображения также могут использоваться в качестве аргумента позиции, согласно которой анализируемые меры в категорию «иных мер» не входят.

Подобный осужденный представляет собой субъект отбывания наказания, а также субъект применения анализируемых мер, к которому применяются средства коррекции исправления и меры обеспечения медико-социальной безопасности.

Представляется обоснованным подход специалистов в сферах уголовно-исполнительного, уголовного права, указывающих на возможность применения не предусматривающих форму реализации уголовной ответственности и имеющих уголовно-правовой характер мер как за поведение, являющееся преступным, так и за уголовно-противоправное поведение [10, с. 19–21] (применительно к анализируемой ситуации речь идет о совершаемой не обладающим вменяемостью лицом противоправной деятельности). При этом соответствующие меры следует дифференцировать с прочими имеющими уголовно-правовой характер мерами, исполнение которых относится к предмету уголовно-исполнительного права [11, с. 78].

Соответствующие меры связаны с наличием такого процессуального субъекта, как осужденный. В противном случае существует потребность в расширении спектра существующих в уголовно-исполнительном праве субъектов с включением в него как лиц, у которых отсутствует вменяемость, так и прочих, не относящихся к категории субъектов уголовной ответственности лиц. Подобный подход не соотносится с традиционными представлениями в отношении действия уголовно-исполнительного закона по кругу лиц и стадиями реализации уголовной ответственности.

На основании изложенного представляется необходимым предусмотреть в федеральном законе положения об исполнении указанных мер. Регулирование данных вопросов соотносится с административным судопроизводством. Видится возможным регулирование в гл. 30 Кодекса административного производства (КАС) РФ вопросов, относящихся к сокращению, продлению срока пребывания в учреждениях психиатрического профиля при применении принудительных мер медицинского характера.

Ранее было отмечено, что анализируемые субъекты уголовной ответственности несут, в связи с этим охранительных отношений в уголовно-исполнительном праве не существует. При этом следует отметить переход указанных отношений на уровень, являющийся административно-правовым. С учетом данного обстоятельства требуется принимать во

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

внимание потребность в регламентации посредством административно-правовых норм вопросов, связанных с исполнением исследуемых мер, их сокращением, прекращением.

Необходимо также обратить внимание на следующее. В случае если регулирование исполнения принудительных мер медицинского характера применительно к лицам, не обладающим вменяемостью, относится к предмету административного права, назначение соответствующих мер (с учетом того, что лицо совершает деяние, являющееся уголовно-противоправным) относится к предмету такой отрасли права, как уголовно-процессуальное. Суд на основе признания доказанности предъявленных прокурором обстоятельств выносит постановление, предусматривающее отсутствие привлечения к ответственности соответствующего лица. При этом необходимо учитывать, что в данном случае присутствует основание, не имеющее реабилитирующего характера. Реабилитация возможна лишь применительно к лицу, не являющемуся виновным. Исходя из вышеизложенного лицо, которое не обладает вменяемостью, не представляет опасности, не может быть реабилитировано.

Следует также отметить прекращение уголовно-процессуальных отношений после того, как дело в отношении не обладающего вменяемостью лица прекращается. При этом особенности заболевания не имеют значения. Происходит переход отношений в административно-правовую сферу.

Представляется, что регулирование вопросов, относящихся к продлению и сокращению периода пребывания вышеуказанных лиц в учреждениях психиатрического профиля, может быть регламентировано положениями гл. 30 КАС РФ.

Принимая во внимание представленный анализ, уместно отметить, что вопросы о правовой сущности принудительных мер медицинского характера относятся и к административному праву, и не ограничиваются пределами относящихся к уголовно-правовому комплексу отраслей.

Список источников

1. Горшков М. М., Гутникова О. И., Едомский Е. А. Исторический обзор формирования в России института принудительных мер медицинского характера // Омский психиатрический журнал. 2020. № 1(23). С. 13–17.
2. Полубинская С. В. Назначение принудительных мер медицинского характера // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 4. С. 173–186.
3. Спасенников Б. А. Принудительные меры медицинского характера. СПб. : Юридический центр – Пресс, 2003. 412 с.
4. Белик Ю. С. Проблемы применения норм о принудительных мерах медицинского характера // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 1. С. 79–83.
5. Сверчков С. С. Факторы, влияющие на обоснованность применения принудительных мер медицинского характера // Юридическая техника. 2013. № 7, Ч. 1. С. 306–311.
6. Горобцов В. И. Принудительные меры медицинского характера в отношении психически больных по УК РФ : учеб. пособие. Красноярск, 1998. 59 с.
7. Назаренко Г. В. Принудительные меры медицинского воздействия: раздел «меры общественной безопасности» // Lex Russica. 2017. № 8(129). С. 101–111.
8. Пудовочкин Ю. Е. Система мер уголовно-правового характера // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 1. С. 46–54.
9. Бойко А. И., Голик Ю. В., Елисеев С. А. Ошибки в Уголовном кодексе // Российская газета. 2010. 10 июня. С. 10–16.

10. Звечаровский И. Э. Понятие мер уголовно-правового характера // *Законность*. 2007. № 1(867). С. 19–21.

11. Головастова Ю. А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источники, система : монография. М. : Юриспруденция, 2019. 560 с.

References

1. Gorshkov, M. M., Gutnikova, O. I. & Edomsky, E. A. 2020, 'Historical review of the formation of the institute of compulsory medical measures in Russia', *Omsk Psychiatric Journal*, iss. 1(23), pp. 13–17.

2. Polubinskaya, S. V. 2016, 'The appointment of compulsory medical measures', *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, iss 4, pp. 173–186.

3. Spasennikov, B. A. 2003, *Compulsory medical measures*, Law Center – Press, St. Petersburg.

4. Belik, Yu. S. 2016, 'Problems of the application of norms on compulsory medical measures', *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 1, pp. 79–83.

5. Sverchkov, S. S. 2013, 'Factors influencing the validity of the use of compulsory medical measures', *Legal technology*, iss. 7, part 1, pp. 306–311.

6. Gorobtsov, V. I. 1998, *Compulsory medical measures against mentally ill persons under the Criminal Code of the Russian Federation: textbook*, Krasnoyarsk.

7. Nazarenko, G. V. 2017, 'Compulsory medical measures: section "public safety measures"', *Lex Russica*, iss. 8(129), pp. 101–111.

8. Pudovochkin, Yu. E. 2021, 'System of criminal law measures', *Law Bulletin of Kuban State University*, iss. 1, pp. 46–54.

9. Boyko, A. I., Golik, Yu. V. & Eliseev, S. A. 2010, 'Errors in the Criminal Code', *Rossiyskaya gazeta*, June 10, pp. 10–16.

10. Zvecharovsky, I. E. 2007, 'The concept of criminal law measures', *Legality*, iss. 1(867), pp. 19–21.

11. Golovastova, Yu. A. 2019, *Penal law as a branch of Russian law: subject, method, sources, system: monograph*, Jurisprudence, Moscow.

Информация об авторах

Ю. А. Головастова – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными (Академия ФСИН России); профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина);

Т. А. Видова – кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой гражданско-правовых дисциплин;

Ю. В. Митяева – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин.

Information about the authors

Yu. A. Golovastova – Sc.D (Law), Associate Professor, professor of the penal law and organization of educational work with convicts department (Academy of the FPS of Russia); professor of the criminal law disciplines department (Ryazan State University named after S. A. Yesenin);

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

T. A. Vidova – PhD (Historical Sciences), Associate Professor, Deputy Head of the Civil Law Disciplines Department;

Yu. V. Mityaeva – PhD (Political Sciences), Associate Professor, associate professor of the civil law disciplines department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 15.02.2025; принята к публикации 25.02.2025.

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 15.02.2025; accepted for publication 25.02.2025.

Научная статья

УДК 328.185

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.142-155

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ДЕТЕРМИНАЦИИ КОРРУПЦИИ

Елена Викторовна Стебенева¹

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия, st.el@list.ru

Аннотация. В статье идеология рассматривается в качестве доминирующего коррупциогенного фактора существования коррупции как социокультурного феномена. Несовершенство формирования идеологических основ антикоррупционного мировоззрения проанализировано на примерах социологических исследований, законодательных актов по предупреждению коррупции. Идеологии коррупции способствует толерантность, принятие и допустимость коррупционных правонарушений в правосознании граждан, поэтому в имеющейся конкуренции между коррупционной и антикоррупционной идеологией автор отводит последней главенствующую роль в механизме противодействия коррупции как довлеющей силе и определяющей вектор всей антикоррупционной политики.

Ключевые слова: идеология коррупции, антикоррупционная политика, детерминанты коррупции, механизм противодействия коррупции

Для цитирования

Стебенева Е. В. Идеологический фактор в детерминации коррупции // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 1. С. 142–155. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.142-155.

Original article

THE IDEOLOGICAL FACTOR IN DETERMINING CORRUPTION

Elena Viktorovna Stebeneva¹

¹ Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia, st.el@list.ru

Abstract. The article considers ideology as the dominant corruption-causing factor in the existence of corruption as a socio-cultural phenomenon. The imperfection of the formation of the ideological foundations of the anti-corruption worldview is analyzed on the examples of sociological research, legislative acts on the prevention of corruption. The ideology of corruption is promoted by tolerance, acceptance and permissibility of corruption offenses in the legal consciousness of citizens, therefore, in the existing competition between corruption and anti-corruption ideology, the author assigns the latter a dominant role in the mechanism of combating corruption as the dominant force and determining vector of the entire anti-corruption policy.

Keywords: ideology of corruption, anti-corruption policy, determinants of corruption, anti-corruption mechanism

For citation

Stebeneva, E. V. 2025, 'The ideological factor in determining corruption', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 1, pp. 142–155, doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.142-155.

Определяя коррупцию как социокультурный феномен, требуется выделить доминирующий коррупциогенный фактор, детерминирующий коррупционное деяние, каковым нам видится негативная идеология, существующая в обществе и оказывающая влияние на все ее составляющие. Идеология в нашем понимании выступает как система взглядов, идей, смыслов, задающих направление духовно-нравственному, культурному, политическому, экономическому развитию общества в целом. Именно благодаря идеологии формируется общественное сознание («карта социальной реальности и матрицы коллективного сознания» [1, с. 250–261]), распространяющееся на все сферы – культуру, религию, науку, философию и пр.

Соотношение культуры и идеологии – сложный вопрос и скорее выходит за рамки нашего криминологического исследования в сферу смежных наук, но не отметить кратко эту взаимосвязь было бы неверно. Идеология как часть культурного наследия воплощает комплекс существующих на определенном этапе развития взглядов, воззрений, мнений и идей, которые формируют духовно-нравственные начала, признаваемые в обществе, но усваиваемые на субъективном (личностном) уровне индивидуально, что предопределяет необходимость усиления культуры позитивными ценностями, установками как основой идеологии антикоррупционного воздействия.

Идеи являются достоянием человеческого разума и оцениваются нами в соответствии с внутренними убеждениями, о чем упоминал еще И. Кант [2, с. 348]. В связи с этим идеология видится нам основой формирования общественного сознания, пре-

ломление которого идет через внутреннее индивидуальное восприятие, оценивание и воспроизводство поступков. «На свете нет моральных явлений, есть только моральное истолкование явлений» [3, с. 85], поэтому дефицит позитивной идеологии приведет к распространению ее негативной формы. Как следствие – общество насытится отрицательными идеями, взглядами, ложными истинами о добре и зле.

Идеология – неотъемлемая часть культуры народа, нации, которая трансформируется неразрывно с преобразованиями в культуре, и эта взаимосвязь неизбежна. Без культуры не будет идеологии как духовного порождения. Существование идеологии обусловлено необходимостью содержания духовной жизни. Нельзя не согласиться с мнением о том, что смысл феномена идеологии заключается в духовном производстве. Идеология выступает самостоятельным элементом общественного сознания и является значимой в усвоении и понимании общенациональной цели, идеалов и ценностей, способных позитивно повлиять на совместную деятельность граждан [4], что, несомненно, требуется учитывать в формировании антикоррупционной национальной идеологии в противовес существующей коррупционной (тем самым преодолевая и выигрывая «идеологическую конкуренцию» [1, с. 250–261]). Идеология формируется на стыке психики и сознания, поэтому ее понимание уходит в антропологию, но существующие условия формирования идеологического мировоззрения – восприятие идеологии и признание большинством членов общества – выводят данный феномен в социологическую плоскость, что предопределяет обязательность условий для его формирования: персональная уверенность в правоте, состоятельности своих идей, вера в их общественную значимость и необходимость, что является «сырьем» не только для общей идеологии, но и в целом для культурного кода цивилизации, нации, народа [5].

Вечная дилемма философских постулатов «не в силе Бог, а в правде (Не в правде Бог, а в силе)» сталкивает между собой понимание первостепенного духовного или телесного, что предопределяет ориентацию на мораль, право, нравственность или «потребительство», стремление к телесным удовольствиям. Это созвучно с коррупционной мотивацией деяний – удовлетворение материальных потребностей, формирующих корыстный мотив. Несомненно, в антикоррупционной идеологии должны быть «прошиты» духовные основы («скрепы»), базирующиеся на реальных примерах и действующих конкретных принципах. Видимое расхождение между формируемой антикоррупционной идеологией и существующей коррупционной может ввергнуть в непонимание, неверие, а порой и отрицание правдивости, подлинности проводимых мер противодействия коррупции. Иначе говоря, одной из основ антикоррупционной идеологии является привитие традиционных ценностей, среди которых высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным¹.

Трансформация коррупции происходит через виды коррупции, за счет ее распространенности в той или иной сфере, но неизменны, тяжело поддаются преобразованию мотивы, формируемые под воздействием потребностей, увлечений, имеющие материальную природу. И именно от морально-нравственных ценностей, установок зависит готовность совершить коррупционное (как равно и иное корыстное) преступление. Этот аспект позволяет прицельно воздействовать на данную коррупциогенную детерминан-

¹ См.: Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : утв. Указом Президента Рос. Федер. от 9 ноября 2022 г. № 809. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906 (дата обращения: 30.01.2025).

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

ту, чему служит формируемая идеология, оказывающая влияние на антикоррупционное мировоззрение в целом. Таким образом, морально-нравственные установки – это та опора, которая наиболее устойчива, стабильна среди интенсивно изменяющегося современного социума. На нее необходимо оказывать позитивное воздействие, чему несомненно должна служить антикоррупционная идеология.

Мы не можем полностью согласиться с мнением некоторых ученых [6, с. 71–73] о необходимости деидеологизации общества, оставив идеологию для государства и ее политики, где должен присутствовать идеологический плюрализм. Однако в свое время еще Э. Фромм отмечал, что понимание происхождения социального характера требует взаимодействия социологических и идеологических факторов; идеи, берущие свое начало в социальном характере, придают ему устойчивость [7, с. 111]. В силу этого отсутствие единой идеологии в проведении государственной политики лишает нас внятной перспективы социального будущего (к чему идем и где мы будем). Согласимся, что государственные институты должны быть избавлены от излишней, «закостенелой» идеологизации, но создавая идеологическую нейтральность, например, в том же праве, мы отдаляемся от единства в идеологии развития. Так, уголовное право формирует в общественном сознании идею нетерпимости преступного поведения и невозможности совершения преступлений в обществе в целом и у каждого его члена отдельно [8, с. 67]. В этом случае идеология выступает как необходимый элемент формирования общественного сознания и государственной политики (в том числе антикоррупционной), а вот ее содержание требует серьезной проработки, насыщения позитивными идеалами, убеждениями, которые порой нестатичны, требуют своевременной корректировки, но позитивны всегда и принимаемы, одобряемы большинством членов общества, отражают конкретные социальные интересы, «не прикрывая пороки», «не ужасая скудностью и убожеством» [6]. Иначе мы столкнемся с идеологией, прививающей (а порой насаждающей) деструктивные идеалы, вплоть до формирования криминальной идеологии [9]. Произойдет так называемое смещение фаз, имеющее социальный характер, при котором мы можем получить вместо стабилизирующей функции идеологии дезинтегрирующую («не социальный «цемент», а динамит), о чем в немалой степени свидетельствует преобладание в современной преступности корыстных преступлений, одной из причин которых видится существование идеологии потребительства, «общества, охваченного жадной наживы», «накопительской ориентации», «мира вещей и их накопления» [7, с. 112, 114, 126, 131].

Идеология формируется под воздействием перенятия образов, правил поведения; интеллектуального научения, привития традиций, обычаев, где одну из решающих ролей играет информация, поэтому так важно формирование позитивной информационной среды, которая влияет на идеологическое мировоззрение, составляющее общественное сознание, не допуская распространения «общественно вредной идеологии» [10, с. 5]. Согласимся, что говорить об идеологии, ценностной парадигме в гуманистических координатах, не затрагивая природу человека как существа информационного, природу его познания, веры, ценностей, было бы неверно [11]. От существующей информационной матрицы зависит социальная трансформация [12, с. 84], поэтому имеющаяся идеология в обществе (коррупционная/антикоррупционная) задает тон идеологической ментальности, понимание которой позволяет предотвратить ее негативную разновидность – так называемую криминологическую коррупционную ментальность [13, с. 11].

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Национальная антикоррупционная идеология складывается под воздействием существующего информационного поля, и именно из него в преобладающем большинстве граждане черпают сведения о принимаемых мерах по противодействию коррупции и антикоррупционной политике государства в целом. Многочисленные сообщения в новостях почти ежедневно несут информацию о выявленных фактах коррупции среди должностных лиц и суммах взяток, освещаются принятые меры и размер изъятого в доход государства имущества, денежных средств у коррупционеров. Имеются факты, обсуждаемые также активно в средствах массовой информации, например, коррупционный скандал 2012 г. по уголовному делу бывшего министра Минобороны России и начальника одного из департаментов министерства о многочисленных хищениях, злоупотреблениях должностным положением, который породил множество обсуждений об истинности противодействия коррупции. Не имеет ли это детерминирующую связь с непрекратившимися хищениями, взяточничеством и злоупотреблениями полномочиями в Минобороны России, что выразилось в новых выявленных фактах коррупции¹. Только на примере одного из министерств (иных примеров по высокопоставленным должностным лицам достаточно в средствах массовой информации) можно отметить имеющуюся антикоррупционную идеологическую несостоятельность по формированию мнения граждан о реальных мерах по противодействию коррупции, что способствует нивелированию веры в успешность борьбы с коррупцией.

Принимаемые меры также не всегда идеально позитивно влияют на формирование антикоррупционной идеологии в обществе. Так, ст. 15 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» предусмотрен Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия (далее – Реестр), размещение информации в нем осуществляется на основании Положения, утвержденного постановлением Правительства РФ от 5 марта 2018 г. № 228. Данная мера является превентивной, содержит факты совершения должностными лицами коррупционных правонарушений, связанных с нарушением основных запретов и несоблюдением ограничений, обязанностей, возложенных антикоррупционным законодательством, в частности: в виде непринятия лицом мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого оно является; непредставления лицом сведений о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своего супруга (супруги) и несовершеннолетних детей, представления заведомо неполных сведений, недостоверных сведений; участия лица на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организации; осуществления лицом предпринимательской деятельности; вхождения лица в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории Российской Федерации их структурных подразделений.

Данная мера направлена на публичное освещение (так как размещаются на официальном сайте федеральной государственной информационной системы в области государственной службы в информационной-телекоммуникационной сети Интернет) све-

¹ См.: Против Сердюкова возбудили уголовное дело о халатности // РИА Новости. 2013. 28 нояб. URL: <https://ria.ru/20131128/980248070.html> (дата обращения: 10.02.2025); Похищенные земли, мертвые души и аферы с китайской техникой: самые громкие коррупционные скандалы в Минобороны России // LENTA.RU. 2024. 4 мая. URL: <https://lenta.ru/articles/2024/05/04/army> (дата обращения: 10.02.2025).

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

дений о лицах, которые допустили нарушения коррупционной направленности и были привлечены к дисциплинарной ответственности в виде увольнения в связи с утратой доверия. Отметим, что согласно п. 7 ст. 81 Трудового кодекса РФ расторжение трудового договора работодателем возможно и при совершении виновных действий работником, непосредственно обслуживающим денежные или товарные ценности, если эти действия дают основания для утраты доверия к нему со стороны работодателя.

По состоянию на 27 января 2025 г. в Реестр было внесено 4918 записей¹, включая те, по которым записи о лицах, уволенных по рассматриваемым основаниям, удалены по прошествии установленного срока – 5 лет. Согласно проведенному анализу записей Реестра наибольшее количество увольнений в связи с утратой доверия произведено в отношении депутатов различных уровней (40,79 %), сотрудников МВД России (20,99 %), сотрудников ФССП России (5,69 %) [14, с. 57–65].

Введение достаточно нового и востребованного направления в противодействии коррупции способствовало возникновению ряда проблем, спорных аспектов в его реализации. Так, закрепление правил ведения Реестра не предусматривает правовых последствий включения лиц в указанный документ, в частности, не содержится прямого указания на запрет приема на государственную и муниципальную службу включенного в Реестр лица. Данный Реестр носит информационный характер и служит скорее для целей изучения кандидата на службу. Имеющиеся упоминания, например, в п. 10 ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», в ст. 82.1 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», о возможности увольнения сотрудника органов внутренних дел со службы в связи с утратой доверия, о недопустимости нахождения на службе гражданского служащего в связи с утратой доверия учитываются представителем нанимателя. Однако отсутствует норма, указывающая на отказ в повторном приеме на службу данных лиц.

В Реестре информация о лицах, уволенных в связи с утратой доверия, размещается сроком на 5 лет, как смеем предположить, по аналогии со ст. 47 УК РФ, где вид наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью предусматривает срок до 5 лет, когда указанный вид наказания выступает в качестве основного (в качестве дополнительного – от 6 месяцев до 3 лет). Однако данный вид наказания предусмотрен за преступление, которое определяется законодателем как деяние повышенной общественной опасности.

Статья 3.11 КоАП РФ предусматривает в качестве административного наказания дисквалификацию от 6 месяцев до 3 лет, заключающуюся в лишении права замещать определенные должности. Несомненно, с учетом того что увольнение в связи с утратой доверия является дисциплинарным коррупционным проступком, следовало бы ограничиться меньшим сроком размещения сведений о лицах в Реестре [15, с. 180], но при этом не нужно забывать о преследуемых целях при внесении лица в указанный Реестр. На сегодняшний день рассматриваемые данные носят информативный характер, и при отсутствии прямого запрета приема вновь на службу лиц, уволенных по указанному основанию, следовало бы, на наш взгляд, сделать бессрочным размещение предусмотренной информации в Реестре.

¹ См.: Федеральный портал государственной службы и управленческих кадров. URL: <https://gosszluzhba.gov.ru/reestr?ysclid=m6f5vtwyll933708711&page=33&pageSize=100> (дата обращения: 27.01.2025).

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Прямого запрета на отказ в последующем приеме на службу указанных лиц до сих пор в соответствующих нормативных правовых актах не закреплено. Существующий законопроект по этому поводу был отложен в июле 2023 г. на рассмотрение во втором чтении на неопределенный срок¹ (и это лишь спустя 5 лет после введения указанного Реестра), что говорит о низкой оперативности и сниженной интенсивности разработки механизмов реализации антикоррупционных мер, о планировании мер без их окончательной реализации. Кроме того, в законопроекте предложено дополнить Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» статьей, где будет установлено, что запрет на назначение лица, включенного в Реестр, на государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности ограничивается только пятью годами, что вызывает закономерный вопрос об эффективности и реальном противодействии коррупции.

При проведении проверки по факту совершения коррупционного правонарушения, как показывает анализ судебной практики, используется ряд оценочных признаков коррупционного деяния, влияющих на привлечение к ответственности, в том числе к дисциплинарной в виде увольнения в связи с утратой доверия: характер и тяжесть совершенного деяния; вред, причиненный охраняемым законом интересам [16]. Во-первых, это повышает коррупционные риски при принятии решения о привлечении к ответственности за коррупционное правонарушение, во-вторых, от результата указанной оценки проступок будет признан значительным или малозначительным, что влияет на привлечение к ответственности.

Рассмотрим на ином примере недостаточную активность и принципиальность в проведении противодействия коррупции, что сказывается на характере формируемой идеологии и детерминации коррупциогенных факторов. При изучении судебной практики выявляются факты прекращения уголовных дел по преступлениям коррупционной направленности небольшой и средней тяжести (ч. 1 ст. 285, 292 УК РФ) в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), что не только вызывает сомнения в справедливости (преступлением вред причиняется как конкретному гражданину, юридическому лицу, так и государственной власти), но и может приводить к иным последствиям [17, с. 68; 18, с. 11]. Так, постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2023 г. № 38-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 14, пункта 4 части 4 статьи 17, пункта 7 части 3 статьи 80 и статьи 92 Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Р. М. Пахомова» признан не соответствующим Конституции Российской Федерации бессрочный запрет поступления на службу в органы принудительного исполнения для лиц, уголовное преследование которых по делам частного обвинения было прекращено в связи с деятельным раскаянием. В связи с этим принят Федеральный закон от 26 февраля 2024 г. № 29-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"», который предусматривает возможность поступления на службу лица в случае

¹ См.: Проект № 325724-8 федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии коррупции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/325724-8> (дата обращения: 27.01.2025).

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

прекращения в отношении его уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием по уголовным делам частного обвинения, прекращенным не менее чем за три года до дня поступления на службу, а также вносятся корреспондирующие изменения в положения, касающиеся ограничений и запретов, связанных со службой, и основания прекращения или расторжения служебного контракта. С учетом того что аналогичный запрет имеет место быть в законах о государственной службе Российской Федерации иных видов (органы внутренних дел, федеральная противопожарная служба, служба в уголовно-исполнительной системе и пр.), подготовлен законопроект № 593402-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и принят Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 442-ФЗ с одноименным названием, в котором предусмотрено внесение соответствующих изменений с целью закрепления единого подхода к организации государственной службы. Согласно ч. 3 ст. 20 УПК РФ преступления коррупционной направленности не относятся к преступлениям частного обвинения, но применение ст. 76 УК РФ в случае примирения с потерпевшим не требует обязательного наличия указанного вида преступлений и, как мы упоминали ранее, применяется на практике в отношении преступлений коррупционной направленности. Не исключаем, что законодатель может пойти и дальше и не ограничится снятием запрета для приема на службу при прекращении уголовного дела по преступлению только частного обвинения по так называемым нереабилитирующим основаниям, в частности в связи с примирением с потерпевшим¹. В связи с этим необходимо соответствующее разъяснение о недопустимости применения ст. 76 УК РФ в отношении преступлений коррупционной направленности.

Предполагаем, что приведенный факт открывает возможность дальнейшего развития законодательства в этом направлении. Согласно ст. 86 УК РФ лицо считается судимым с момента вступления обвинительного приговора в силу и до момента погашения, снятия судимости, которую возможно досрочно снять в соответствии с п. 5 указанной статьи, что ставит под вопрос прием на государственную службу лиц, ранее судимых за коррупционные преступления, но с погашенной, снятой судимостью. Пример – снятие досрочно судимости с бывшего вице-губернатора Санкт-Петербурга, осужденного за получение взятки в 2016 г. при строительстве стадиона на Крестовском острове города за незаконное привлечение компании по театрально-декорационной деятельности в качестве субподрядчика. Примечательно, что осужденный после отбытия наказания, уплаты штрафа продолжил свою трудовую деятельность помощником художественного руководителя Мариинского театра Санкт-Петербурга².

Распространению коррупционной идеологии способствует не только идеология постребления, но и существование так называемых двойных стандартов, толерантности к коррупции, обыденность коррупции, опривычивание (хабитуализация) коррупции [19, с. 8].

¹ См.: О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355 (дата обращения: 24.11.2024).

² См.: С бывшего вице-губернатора Петербурга Оганесяна сняли судимость // РБК. 2025. 20 янв. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/678e53929a794743a5fc4228?ysclid=m77w9qq8z0523490606> (дата обращения: 16.02.2025).

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Так, проведенное нами исследование в виде опроса граждан¹ показывает, что уровень восприятия коррупции среди населения, к сожалению, не совсем однозначно негативен: 19 % опрошенных ответили утвердительно на вопрос, допускают ли они возможность прибегать к даче взятки, совершению коммерческого подкупа в отдельных случаях; 13 % – относятся равнодушно к коррупции как социальному явлению, а почти 5 % – положительно; свыше 82 % – относятся к коррупции негативно. Кроме того, на вопрос, как вы отреагировали бы, если бы узнали о факте взяточничества или ином факте коррупции, почти 20 % ответили, что отнеслись бы равнодушно, а свыше 10 % – с сочувствием и пониманием, и только около 11 % опрошенных сообщили бы о данном факте в соответствующие органы, занимающиеся рассмотрением сообщений по данным фактам; почти 60 % – лишь предупредили бы о недопустимости такого поведения.

В исследованиях других ученых низкий уровень неприятия коррупции также подтверждается, особенно на так называемом бытовом уровне, где большое количество граждан толерантны к данному явлению и готовы участвовать в коррупционных деяниях – 67 % опрошенных граждан считают коррупцию выгодной для решения бытовых проблем и только 20 % – оценили ее отрицательно [20, с. 163]. Это один из наглядных показателей антикоррупционной идеологической незрелости нашего российского общества, что выступает коррупциогенной детерминантой в механизме преступного поведения. Подтверждением этому служит и мировой рейтинг по уровню восприятия коррупции, где Россия достаточно длительное время не оценивается выше 30 баллов из 100 возможных². В тех странах, которые занимают высокие рейтинги (Дания, Финляндия, Швеция), исследователями отмечается высокий уровень нетерпимости к коррупции как негативному явлению и низкий уровень терпимости к ней [21–23].

Формированию идеологии коррупции способствуют в немалой степени так называемые двойные подходы к противодействию рассматриваемому явлению. Так, Указом Президента РФ от 29 декабря 2022 г. № 968 внесены изменения в требования о предоставлении сведений о доходах, расходах своих, своего супруга (супруги), несовершеннолетних детей некоторым категориям граждан в период проведения специальной военной операции, что, по нашему мнению, оправданно в силу произошедших событий в государственной и внешней политике. При этом вызывает недоумение внесение Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 12-ФЗ изменений в ст. 12.1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» о том, что к лицам, замещающим муниципальные должности депутата представительного органа муниципального образования, правила ч. 4.3 ст. 12.1 указанного Закона не применяются, а именно: сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера не размещаются в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на официальных сайтах органов местного самоуправления; не публикуются средствами массовой информации в порядке, определяемом муниципальными правовыми актами. Это противо-

¹ Всего в опросе приняли участие 312 чел. из 8 федеральных округов (г. Архангельск, г. Грозный, г. Донецк, г. Екатеринбург, г. Иваново, г. Иркутск, г. Калининград, г. Краснодар, г. Красноярск, Ленинградская область, г. Москва, г. Нижний Новгород, г. Новокузнецк, г. Омск, г. Рязань, г. Самара, г. Санкт-Петербург, г. Севастополь, г. Симферополь, г. Тамбов, г. Томск, г. Тюмень, г. Челябинск, г. Чита, г. Якутск, г. Ярославль).

² Transparency International. URL: <https://images.transparencycdn.org/images/RU-CPI-2023-Press-Release-Media-Page.pdf> (дата обращения: 09.02.2025).

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

речит основополагающим принципам успешной антикоррупционной политики – прозрачности деятельности должностных лиц, высокому уровню социального контроля.

Введение в ст. 291.2 УК РФ в 2016 г. понятия «мелкое взяточничество» и объединение в ее диспозиции совершенно различных по общественной опасности деяний – дачи и получения мелкой взятки – создает дисбаланс в понимании не только значимости единой уголовно-правовой политики в данной сфере, но и полноценности восприятия формирования единой антикоррупционной идеологии, которая проигрывает в конкуренции коррупционной [24; 25]. «Мелкость» взяточничества, введенная законодателем, приводит к отсутствию осознания реальной общественной опасности этого явления, к ложному пониманию незначительности ответственности за данные деяния, легкости избежать серьезного наказания, что идеологически неверно, опасно и неоправданно реалиями трансформирующейся коррупции и ее распространения.

Идеологию формирует не только информация, сведения о проводимых мерах, выявленных фактах, но и концепции, законопроекты, оказывающие немалое влияние на «требуемый» уровень осознания (правосознания) [8, с. 74] идей, взглядов, а в нашем случае – антикоррупционной идеологии. При этом идеологическому началу должна подчиняться правовая и иная политика государства [8, с. 85] (в том числе антикоррупционная), основанная на реальных целях и выполнимых задачах. Но, например, в Национальной стратегии противодействия коррупции (утв. Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460) целью заявлено искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе, что заведомо полностью неисполнимо и вызывает сомнение в подлинности стремления достижения реальных целей в противодействии коррупции. Причины коррупционных деяний кроются в базовых человеческих корыстных мотивах, формируемых под воздействием потребностей, увлечений, привычек, которые трудно поддаются преобразованию и трансформации. Отсутствие понимания механизма коррупционных деяний заведомо приводит к ослаблению антикоррупционной идеологии в конкуренции с идеологией коррупции, которая, в свою очередь, выступает в качестве коррупциогенной детерминанты.

В заключение отметим, что коррупция имеет корыстную социальную природу, формированию и трансформации которой способствует укоренившаяся в современном обществе идеология потребления, считаются наивысшей ценностью обладание, доступ к материальным благам. Наличие толерантного, а порой оправдывающего отношения к коррупции не умаляет высокую общественную опасность данного явления, степень которого оценивать лишь с позиции последствий не совсем верно и справедливо¹. Наличие терпимости к коррупции в обществе служит показателем его нездоровья, поражения негативным мировоззрением, что приводит к подмене ценностей, смешиванию истинных благ для общества с фиктивными, а иногда навязанными. Коррупция обладает повышенной общественной опасностью для всех социальных институтов, может иметь отдаленные негативные последствия, цену которых полностью не всегда возможно определить, а имеющаяся в обществе толерантность к данному феномену выступает как благоприятное условие, детерминирующее распространение коррупционных правонарушений и блокирующее привитие антикоррупционной идеологии [26].

Коррупционная идеология, являясь отчасти криминальной идеологией, способствует коррупционному поведению и детерминирует различные виды правонарушений коррупци-

¹ Например, состав преступления, предусмотренный ст. 290 УК РФ «Получение взятки», является формальным и не требует наступления конкретных последствий. Опасен сам факт противоправных действий должностного лица в виде получения денег, имущества и пр.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

онной направленности, что вызывает необходимость усиления антикоррупционной идеологии и выделения ее довлеющей силы в механизме противодействия коррупции, пронизывающей все его элементы. Антикоррупционная идеология как часть государственно-правовой идеологии выступает важным элементом механизма противодействия коррупции [27, с. 10–13]. Идеология противодействия коррупции формирует общественное мнение к проводимой антикоррупционной политике, эффективность которой зависит от наличия антикоррупционного правопорядка. Реализация мер по противодействию коррупции, их полнота, продуманность, системность, доведение стратегически замысла до конца – те составляющие, которые дают позитивную характеристику проводимой идеологии государства. Напротив, ущербность, незавершенность в окончательном применении не только служат отторжению от проводимых мер, но и создают иллюзию пустотелости формируемой антикоррупционной идеологии. Промедление, задержка в решающих шагах сведут на нет антикоррупционную политику и подвергнут сомнению реальность, обоснованность и действенность ее основы – антикоррупционной идеологии, подпитка которой именно в согласованных наступательных и решительных действиях, что несомненно приводит к признанию значимости и поддержке большинством формирующейся идеологии противодействия коррупции.

Список источников

1. Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. О. В. Барсукова, А. А. Борзунов, Г. М. Дашевский, Е. М. Лазарева, В. Г. Николаев. М. : Рос. полит. энцикл., 2004. 560 с.
2. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М. : АСТ, 2022. 784 с.
3. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: прелюдия к философии будущего. СПб. : Азбука-Аттикус, 2023. 240 с.
4. Кузнецов В. Н. Феномен идеологии // Общество и право. 2006. № 4(14). С. 15–19.
5. Андреев А. Н. Культурный код русской цивилизации как идеологическая проблема // Медийные процессы в современном гуманитарном пространстве: подходы к изучению, эволюция, перспективы : материалы IX науч.-практ. конф. (Москва, 20 мая 2023 г.). М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2024. С. 97–105.
6. Похмелкин А. В., Похмелкин В. В. Идеология и уголовная политика. М. : РАН, 1992. 160 с.
7. Фромм Э. Здоровое общество / пер. с англ. Т. Банкетовой, С. Карпушиной. М. : Аст, 2019. 528 с.
8. Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : монография. Омск : Омская академия МВД России, 2014. 248 с.
9. Ильницкий А. С. Криминальная идеология в сети Интернет: теоретические и социально-правовые предпосылки криминологического познания // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 4(50). С. 49–53.
10. Кочетков А. В. Проблемы противодействия криминальной идеологии в культуре: криминологические и уголовно-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 20 с.
11. Андреев А. Н. Идеология как феномен культуры и как цивилизационный потенциал России // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2024. Т. 13, № 1. С. 13–23.
12. Голик Ю. В., Карасев В. И. Коррупция как механизм социальной деградации : монография. М. : Юрид. центр, 2005. 195 с.
13. Кузнецова О. А. Субъект коррупционных преступлений: уголовно-правовая характеристика и ментальные особенности личности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2024. 46 с.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

14. Противодействие коррупции : информ.-аналит. бюл. М. : Юриспруденция, 2023. 112 с.
15. Пресняков М. В., Чаннов С. Е. Реестр лиц, уволенных с государственной и муниципальной службы в связи с утратой доверия: вопросы эффективности // Журнал российского права. 2020. № 10. С. 168–183.
16. Трунцевский Ю. В. Дисциплинарная и судебная практика по делам об увольнении за коррупционное правонарушение в связи с утратой доверия // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 155–173.
17. Стебенева Е. В. Сотрудник ОВД как специальный субъект коррупционных преступлений: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 220 с.
18. Ширшанова Е. А. Взятничество в ОВД: криминологический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2024. 22 с.
19. Миронова Г. Н. Уголовная ответственность за мелкий коммерческий подкуп (ст. 204.2 УК РФ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2019. 23 с.
20. Сидоренко Э. Л. Состояние и динамика бытовой коррупции в Российской Федерации // Журнал российского права. 2017. № 6(246). С. 154–167.
21. Гезалов П. А. Причины низкого уровня коррупции в Дании, Финляндии и Новой Зеландии // Научный лидер. 2024. № 19(169). URL: <https://scilead.ru/article/6433-prichini-nizkogo-urovnya-korruptsii-v-danii-f?ysclid=m6xtkuj2f9940020181> (дата обращения: 10.02.2024).
22. Гребенкина С. А. Противодействие коррупции в органах власти: практика зарубежных стран // Вестник Академии знаний. 2024. № 1(60). С. 105–108.
23. Калач А. В., Кулакова Н. Г. Сравнительно-правовой анализ состояния и противодействия коррупции в Финляндии и Российской Федерации (Что наша страна может позаимствовать у северного соседа?) // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 4(35). С. 45–51.
24. Стебенева Е. В. Антикоррупционное российское законодательство: некоторые проблемы совершенствования и интерпретации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2(78). С. 166–169.
25. Сидоров Б. В., Ахунов Д. Р. Мелкое взяточничество или взяточничество небольшой тяжести // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 3. С. 73–79.
26. Стебенева Е. В. Коррупция: общественная опасность или толерантность? // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии : материалы XIV Российского конгресса уголовного права (Москва, 30–31 мая 2024 г.). М. : Юрлитинформ, 2024. С. 414–417.
27. Хорольский Г. В. Государственно-правовая антикоррупционная идеология в структуре правовой системы: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. 39 с.

References

1. Girts, K. 2004, *Interpretation of cultures*, translated from English by O. V. Barsukov, A. A. Borzunov, G. M. Dashevsky, E. M. Lazareva, V. G. Nikolaev, Russian Political Encyclopedia, Moscow.
2. Kant, I. 2022, *The Critique of pure reason*, translated from German by N. Lossky, AST, Moscow.
3. Nietzsche, F. 2023, *Beyond good and evil: a prelude to the philosophy of the future*, ABC-Atticus, St. Petersburg.
4. Kuznetsov, V. N. 2006, 'The phenomenon of ideology', *Society and law*, iss. 4(14), pp. 15–19.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

5. Andreev, A. N., 2024 'The cultural code of Russian civilization as an ideological problem', in *Media processes in the modern humanitarian space: approaches to study, evolution, prospects: proceedings of the IX Scientific and practical Conference, Moscow, May 20, 2023*, pp. 97–105, Moscow Pedagogical State University, Moscow.
6. Pohmelkin, A. V. & Pohmelkin, V. V. 1992, *Ideology and criminal policy*, RAS, Moscow.
7. Fromm, E. 2019, *Healthy society*, translated from English by T. Banquetova, S. Karpushina, AST, Moscow.
8. Bavsun, M. V. 2014, *Criminal legal impact: ideology, goals and means of implementation: monograph*, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk.
9. Il'nitskiy, A. S. 2020, 'Criminal ideology on the Internet: theoretical and socio-legal prerequisites for criminological cognition', *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 4(50), pp. 49–53.
10. Kochetkov, A. V. 2002, *Problems of countering criminal ideology in culture: criminological and criminal law aspects: PhD thesis (Law)*, Moscow.
11. Andreev, A. N. 2024, 'Ideology as a cultural phenomenon and as a civilizational potential of Russia', *Scientific research and development. Socio-humanitarian research and technology*, vol. 13, iss. 1, pp. 13–23.
12. Golik, Yu. V. & Karasev, V. I. 2005, *Corruption as a mechanism of social degradation: monograph*, Law Center, Moscow.
13. Kuznetsova, O. A. 2024, *The subject of corruption crimes: criminal and legal characteristics and mental personality traits: Sc.D thesis (Law)*, Moscow.
14. *Anti-corruption: information and analytical bulletin 2023*, Jurisprudence, Moscow.
15. Presnyakov, M. V. & Channov, S. E. 2020, 'Register of persons dismissed from state and municipal service due to loss of trust: issues of effectiveness', *Journal of Russian Law*, iss. 10, pp. 168–183.
16. Truntsevsky, Yu. V. 2020, 'Disciplinary and judicial practice in cases of dismissal for a corruption offense due to loss of trust', *Journal of Russian Law*, iss. 11, pp. 155–173.
17. Stebeneva, E. V. 2011, *Police officer as a special subject of corruption crimes: criminal law and criminological aspects: PhD thesis (Law)*, St. Petersburg.
18. Shirshanova, E. A. 2024, *Bribery in the Department of Internal Affairs: criminological analysis: PhD thesis (Law)*, St. Petersburg.
19. Mironova, G. N. 2019, *Criminal liability for minor commercial bribery (art. 204.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): PhD thesis (Law)*, Omsk.
20. Sidorenko, E. L. 2017, 'The state and dynamics of domestic corruption in the Russian Federation', *Journal of Russian Law*, iss. 6(246), pp. 154–167.
21. Gezalov, P. A. 2024, 'The reasons for the low level of corruption in Denmark, Finland and New Zealand', *Scientific Leader*, iss. 19(169), viewed 2 October 2024, <https://scilead.ru/article/6433-prichini-nizkogo-urovnya-korrupsii-v-danii-f?ysclid=m6xtkuj2f9940020181>.
22. Grebenkina, S. A. 2024, 'Anti-corruption in government: the practice of foreign countries', *Bulletin of the Academy of Knowledge*, iss. 1(60), pp. 105–108.
23. Kalach, A. V. & Kulakova, N. G. 2019, 'Comparative legal analysis of the state and anti-corruption in Finland and the Russian Federation (What can our country borrow from its northern neighbor?)', *Bulletin of the Samara Law Institute*, iss. 4(35), pp. 45–51.
24. Stebeneva, E. V. 2018, 'Anti-corruption Russian legislation: some problems of improvement and interpretation', *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 2(78), pp. 166–169.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

25. Sidorov, B. V. & Ahunov, D. R. 2021, 'Minor or minor bribery', *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, no. 3, pp. 73–79.

26. Stebeneva, E. V. 2024, 'Corruption: public danger or tolerance?', in *Public danger in criminal, penal law and criminology: proceedings of the XIV Russian Congress of Criminal Law, Moscow, May 30–31, 2024*, pp. 414–417, Yurlitinform, Moscow.

27. Horolskiy, G. V. 2011, *State-legal anti-corruption ideology in the structure of the legal system: theoretical and legal analysis: PhD thesis (Law)*, Volgograd.

Информация об авторе

Е. В. Стебенева – кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела.

Information about the author

E. V. Stebeneva – PhD (Law), Associate Professor, doctoral student of the research department

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 30.01.2025; одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 21.03.2025.

The article was submitted 30.01.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 21.03.2025.

Научная статья

УДК 343.14

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.156-162

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО, ПРИНАДЛЕЖАЩЕЕ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЛИЦУ, ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ЕГО КОНФИСКАЦИИ

Аркадий Александрович Кириллов¹

¹ Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
г. Москва, Россия, kirark@mail.ru

Аннотация. В статье содержится теоретическое исследование некоторых особенностей доказывания в процессе наложения ареста на имущество, принадлежащее юридическому лицу, для возможной его конфискации, проведенное на основе всеобщего диалектического метода и метода системного толкования комплекса подлежащих применению норм отечественного уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Результаты исследования представляют собой предложения об изменении и дополнении действующего уголовно-процессуального законодательства в целях повышения эффективности уголовного судопроизводства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: мера процессуального принуждения, наложение ареста на имущество, конфискация имущества

Для цитирования

Кириллов А. А. Некоторые особенности доказывания в процессе наложения ареста на имущество, принадлежащее юридическому лицу, для возможной его конфискации // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 1. С. 156–162. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.156-162.

Original article

SOME FEATURES OF EVIDENCE IN THE PROCESS OF SEIZING PROPERTY BELONGING TO A LEGAL ENTITY FOR POSSIBLE CONFISCATION

Arkady Alexandrovich Kirillov¹

¹ All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia, kirark@mail.ru

Abstract. The article contains a theoretical study of some features of evidence in the process of seizing property belonging to a legal entity for possible confiscation, conducted on the basis of a universal dialectical method and a method of systematic interpretation of the complex of applicable norms of domestic criminal and criminal procedure legislation. The results of the study are proposals for changing and supplementing the current criminal procedure legislation in order to increase the effectiveness of criminal proceedings in this area.

Keywords: measure of procedural coercion, seizure of property, confiscation of property

For citation

Kirillov, A. A. 2025, 'Some features of evidence in the process of seizing property belonging to a legal entity for possible confiscation', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 1, pp. 156–162, doi: 10.33463/2687-122X.2024.20(1-4).1.156-162.

Доказывание в процессе наложения ареста на имущество юридического лица для возможной его конфискации представляет собой осуществляемую в досудебном и судебном производстве уголовно-процессуальную деятельность со стороны обвинения, защиты и суда, направленную на установление обстоятельств, имеющих значение для принятия законных, обоснованных и справедливых решений в этом процессе. Особенности такой деятельности определяются, на наш взгляд, несколькими детерминантами. В первую очередь – уголовным законом, устанавливающим понятие, признаки, виды конфискации имущества, формирующим тем самым перечень фактических обстоятельств, подлежащих доказыванию в целях обеспечения принятия законного и обоснованного решения о такой конфискации. Уголовный закон предусматривает фактический состав, наличие которого является основанием для применения норм, содержащихся в гл. 15.1 УК РФ.

Можно констатировать путем буквального толкования уголовного закона ряд фактов, подлежащих доказыванию в уголовном процессе, с учетом конкретных фактических обстоятельств расследования:

1) факты, предусмотренные в ст. 104.1 УК РФ:

– получение имущества в результате совершения некоторых указанных в уголовном законе видов преступлений;

– признание предметов (в широком смысле – материальных и нематериальных объектов), полученных в результате указанных преступлений, имуществом (то есть обладание ими положительной денежной оценкой или стоимостью, измеряемой в деньгах);

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

- наличие имеющих денежную оценку доходов от указанного имущества;
 - частичное или полное превращение или преобразование указанных имущества и доходов в иное имущество;
 - использование или факт предназначения имущества для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), а также деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации (такая деятельность представляет собой конкретные виды преступлений, указанные в примечании к ст. 104.1 УК РФ);
 - квалификация имущества как принадлежащего обвиняемому орудия, оборудования и иного средства совершения любого преступления;
 - приобщение имущества, полученного в результате совершения преступления, и (или) доходов от этого имущества к имуществу, приобретенному законным путем;
 - соответствие стоимости части указанного имущества, полученного законным путем, стоимости приобщенных к нему имущества, полученного в результате совершения преступления, и (или) доходов от этого имущества;
 - осознание или обязанность осознания лица, принявшего переданное ему осужденным имущество, указанное в ч. 1, 2 ст. 104.1 УК РФ (полученное в результате совершения некоторых видов преступлений), того, что это имущество получено в результате преступных действий;
- 2) факты, предусмотренные в ст. 104.2 УК РФ:
- невозможность конфискации предмета, входящего в имущество, указанное в ст. 104.1 УК РФ, на момент принятия судом решения о конфискации данного предмета вследствие его использования, продажи или по иной причине;
 - размер денежной суммы, соответствующей стоимости указанного предмета и подлежащей конфискации взамен этого предмета;
 - полное или частичное отсутствие указанной денежной суммы;
 - наличие подлежащего конфискации взамен указанной денежной суммы иного имущества;
 - стоимость указанного «иного имущества», которая соответствует стоимости предмета, подлежащего конфискации;
 - стоимость указанного «иного имущества», которая сопоставима со стоимостью этого предмета.

Можно условно разделить названные факты на две группы в зависимости от цели доказывания: 1) факты, дающие основания для конфискации имущества, полученного преступным путем; 2) факты, дающие основания для конфискации имущества, полученного законным путем, взамен имущества, полученного преступным путем.

Содержание и особенности перечисленных фактов обоснованно критикуются в доктрине уголовного права [1, с. 81]. Отмеченные учеными недостатки уголовно-правовых норм, прежде всего неполнота уголовно-правового регулирования, существенно повлияли и на процессуальные нормы. В 2006 г. предмет доказывания, предусмотренный ст. 73 УПК РФ, был дополнен новым обстоятельством, подлежащим обязательному установлению в ходе уголовного судопроизводства. В действующей редакции п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ требуется установить «обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со статьей 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, получено в результате совершения преступления или является

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации».

Указанная законодательная формулировка являлась объектом острой критики в уголовно-процессуальной науке [2, с. 104–105]. Во-первых, из п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ не следует обязанность доказывания всех фактов, дающих основания для конфискации имущества, полученного преступным путем. Данная уголовно-процессуальная норма требует доказывания в отношении имущества, которое возможно конфисковать, фактов: его получения преступным путем; признания этого имущества доходами от преступно приобретенного имущества; использования или предназначения этого имущества как принадлежащего обвиняемому орудия, оборудования или иного средства совершения преступления. Вместе с тем не требуют доказывания факты: приобщения имущества, полученного в результате совершения преступления, и (или) доходов от этого имущества к имуществу, приобретенному законным путем; соответствия стоимости части указанного имущества, полученного законным путем, стоимости приобщенных к нему имущества, полученного в результате совершения преступления, и (или) доходов от этого имущества; осознания или обязанности осознания лица, принявшего переданное ему осужденным имущество, указанное в ч. 1, 2 ст. 104.1 УК РФ (полученное в результате совершения некоторых видов преступлений), того, что это имущество получено в результате преступных действий. Во-вторых, из п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ не следует обязанность доказывания всех фактов, дающих основания для конфискации имущества, полученного законным путем, взамен имущества, полученного преступным путем. Эта уголовно-процессуальная норма не требует доказывания фактов, предусмотренных ст. 104.2 УК РФ.

Формулировки пп. 1–7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ определены общим, недетальным образом, позволяющим путем их логического буквального толкования в полном объеме отразить содержание соответствующих уголовно-правовых норм, определяющих преступность и наказуемость общественно опасного деяния. Однако в отношении формулировки п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ законодатель использовал иной юридико-технический подход, попытавшись детализировать содержание главного факта. Таким образом, обсуждаемая уголовно-процессуальная норма не отражает в полной мере фактический состав, заложенный в уголовно-правовых нормах о конфискации имущества, предусмотренных гл. 15.1 УК РФ, являющийся основанием для применения этих норм.

В результате применения формулировки п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ возникает следующая проблема. В ходе расследования и судебного следствия уполномоченные должностные лица (следователь, дознаватель, государственный обвинитель) формально не обязаны доказывать ряд важнейших фактов, дающих основания для конфискации имущества, полученного преступным путем, а также факты, дающие основания для конфискации имущества, полученного законным путем, взамен имущества, полученного преступным путем. Они вправе провести (инициировать – в судебном следствии) необходимые процессуальные действия в этом направлении, но могут этого и не делать. Их бездействие не влечет за собой ответственности, поскольку процессуальный закон о доказывании формально ими не нарушается. Практики неутверждения обвинительных заключений

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

обвинительных актов, возвращения уголовных дел в порядке ст. 237 УПК РФ, отмены приговоров по рассмотренным основаниям в ходе нашего исследования не выявлено.

Разумеется, на изложенные аргументы можно возразить, что в п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ содержится отсылка к ст. 104.1 УК РФ, требующая в ходе судопроизводства исполнения всех норм уголовного закона. Но такое толкование, на наш взгляд, не будет буквальным логическим толкованием указанного пункта УПК РФ. Ряд ранее названных фактов отражен не только в ст. 104.1, но и в ст. 104.2 УК РФ, не предусмотренной указанным пунктом УПК РФ. Некоторые правоприменители на местах (судьи, государственные обвинители, следователи, дознаватели) руководствуются скорее буквой, а не духом закона, во многом боясь обвинений в злоупотреблениях из-за проявления излишней свободы усмотрения.

Содержание главного факта детерминирует, в свою очередь, содержание фактов, необходимых для принятия различных процессуальных решений, в том числе необходимых для наложения, продления и отмены ареста на имущество, принадлежащее юридическому лицу, для возможной его конфискации.

На основании рассмотренных уголовно-правовых норм при наложении, продлении, отмене исследуемого вида ареста необходимо устанавливать фактические обстоятельства, подтверждающие или опровергающие достаточные основания полагать наличие фактов, предусмотренных в ст. 104.1, 104.2 УК РФ. Доказывание данных обстоятельств позволит должным образом определить объект рассматриваемого правоотношения (имущество, подлежащее конфискации). Проверка этих фактов в рамках каждой из трех процедур должна обеспечить законность принятых процессуальных решений и гарантировать права и законные имущественные интересы участников процесса.

Следует также учитывать, что «достаточные основания полагать» в ряде случаев касаются доказывания не фактов объективной действительности (например, наличия или отсутствия какого-то конкретного имущества, его получения в результате совершения преступления), а скорее обоснованных версий или презумпций. К числу последних, по нашему мнению, относятся:

1) предусмотренный в ч. 3 ст. 104.1 УК РФ факт осознания или обязанности осознания лица (организации), принявшего переданное ему осужденным имущество, указанное в ч. 1, 2 ст. 104.1 УК РФ (полученное в результате совершения некоторых видов преступлений), того, что это имущество получено в результате преступных действий;

2) предусмотренный ч. 2 ст. 116 УПК РФ факт добросовестности приобретателя находящихся у него ценных бумаг (в этом случае таковые не подлежат аресту).

На наш взгляд, доказывание предусмотренного в ч. 3 ст. 104.1 УК РФ факта «знания или обязанности знания» представляет особую сложность. Следует отметить, что, если лицо знало о преступном происхождении переданного ему имущества, оно подлежит привлечению к уголовной ответственности как соучастник преступления. Однако такое правило применимо лишь к физическому лицу в силу ст. 19 УК РФ. В отношении организации (юридического лица) доказать такое «знание» будет крайне тяжело. В этом случае практически невозможно установить круг лиц, в отношении которых потребуются доказать данный факт. Человек, уполномоченный (доверенностью или уставом) от имени юридического лица на совершение соответствующей сделки по принятию имущества, или уполномоченный лишь на юридическое принятие этого имущества, или работник организации, фактически принявший такое имущество на склад, или работник, фактически участвовавший в переговорах по приобретению имущества, – кто из этих и многих других лиц, участвующих в подобных сделках, должен обладать таким «знанием»?

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Этот вопрос не разрешен в гражданском законодательстве или каких-либо подзаконных нормативных правовых актах, соответствующая функция подобного «знания» не фиксируется и в учредительных документах юридического лица или должностных инструкциях, определяющих трудовые обязанности ее руководителей и других работников. В силу этого определить факт, подлежащий доказыванию, практически невозможно.

В отношении «обязанности знания» организации отметим, что уголовно-правовая норма обязывает организации выявлять имущество, полученное в результате совершения преступлений, что представляется заведомой фикцией. Это исключительная функция правоохранительных органов. У обычных юридических лиц подразделения «по борьбе с преступностью», очевидно, отсутствуют и не должны иметься. В силу этого и в данном случае определить факт, подлежащий доказыванию, весьма затруднительно.

Содержание двух рассмотренных фактов может требовать проведения индивидуальных последовательностей процессуальных действий, с ориентацией на содержание и своеобразие той или иной отрасли хозяйственной деятельности (в каждой из которых нормативная и фактическая организация труда работников и деятельности уполномоченных представителей и агентов будет выглядеть для следователя по-новому). Это существенно повышает степень трудоемкости производства по делу. Особенности доказывания в данном случае определяются в том числе в зависимости от трактовки рассматриваемого процессуального действия как следственного или меры процессуального принуждения.

Часть 5 ст. 165 УПК РФ называет наложение ареста на имущество следственным действием. Его производство требует соблюдения, в частности, общих правил производства следственных действий (ст. 164 УПК РФ). Последние предусматривают важную процессуальную гарантию прав и законных интересов юридических лиц – требуют не допускать необоснованного применения мер, которые могут привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц (ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ). Как представляется, в силу этих правил при производстве данного следственного действия и выборе конкретных ограничений имущественных прав необходимо установить конкретные фактические обстоятельства, подтверждающие, что арест имущества не приведет к приостановлению деятельности юридического лица.

Наложение ареста на имущество признается и мерой процессуального принуждения (ч. 1 ст. 111 УПК РФ). Глава 14 УПК РФ содержит достаточно подробные правила наложения, продления, отмены ареста имущества, в том числе в части, касающейся доказывания. Эти правила также являются важнейшей гарантией прав и интересов юридических лиц как участников уголовного судопроизводства.

Порядок уголовного судопроизводства, установленный УПК РФ, является обязательным для всех его участников (ч. 1 ст. 1 УПК РФ). В связи с этим возникает закономерный вопрос о толковании указанной совокупности уголовно-процессуальных норм. На наш взгляд, их буквальное толкование приводит к выводу о том, что производство следственного действия не должно регулироваться нормами о применении мер процессуального принуждения и наоборот. Но тогда применение части указанных уголовно-процессуальных гарантий исключается в зависимости от вида производимого процессуального действия. Полагаем, что в данный момент правоприменители должны учитывать это законодательное противоречие и стремиться обеспечить весь круг названных гарантий для юридических лиц, в том числе путем доказывания соответствующих фактических обстоятельств, имеющих значение для дела. Считаем важным дать соответ-

ствующие разъяснения в форме постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Вместе с тем данное противоречие подлежит скорейшему устранению. В этих целях предлагается:

- 1) изложить п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ в следующей редакции: «обстоятельства, которые могут повлечь за собой предусмотренную уголовным законом конфискацию имущества»;
- 2) дополнить ст. 165 УПК РФ новой частью следующего содержания:
«5.1. Производство наложения ареста на имущество как следственного действия осуществляется в порядке, установленном настоящим Кодексом для производства наложения ареста на имущество как меры процессуального принуждения.».

Список источников

1. Шевелева С. В. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 3. С. 73–84.
2. Кухта А. А. Предмет доказывания по уголовным делам об экономических преступлениях // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2008. № 1(8). С. 100–105.

References

1. Sheveleva, S. V. 2019, 'Confiscation of property as another measure of a criminal law nature', *Judicial power and criminal procedure*, iss. 3, pp. 73–84.
2. Kuhta, A. A. 2008, 'The subject of evidence in criminal cases of economic crimes', *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 1(8), pp. 100–105.

Информация об авторе

А. А. Кириллов – соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики.

Information about the author

A. A. Kirillov – graduate student of the criminal procedure and criminology department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 20.01.2025; одобрена после рецензирования 15.02.2025; принята к публикации 26.02.2025.

The article was submitted 20.01.2025; approved after reviewing 15.02.2025; accepted for publication 26.02.2025.

АВТОРСКИЙ ПЕРЕВОД ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Научная статья

УДК 343.8(510)

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.163-167

РАЗДЕЛ 2 «РАССМОТРЕНИЕ АПЕЛЛЯЦИЙ, ЖАЛОБ И СООБЩЕНИЙ О ПРОТИВОПРАВНЫХ И ПРЕСТУПНЫХ ДЕЙСТВИЯХ, ПОДАННЫХ ОСУЖДЕННЫМИ» ГЛАВЫ 3 «ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЙ» ЗАКОНА О ТЮРЬМАХ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ: АВТОРСКИЙ ПЕРЕВОД И КРАТКИЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Оюна Баировна Бальчиндоржиева¹, Александра Николаевна Мяханова²,
Андрей Петрович Скиба^{3, 4}

^{1, 2} Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия

¹ baoyu2008@yandex.ru

² alex27-m@mail.ru

³ Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия, apskiba@mail.ru

⁴ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия

Аннотация. В статье приводится текст авторского перевода статей 21–24 действующей редакции раздела 2 «Рассмотрение апелляций, жалоб и сообщений о противоправных и преступных действиях, поданных осужденными» главы 3 «Исполнение наказаний» Закона о тюрьмах Китайской Народной Республики. В рамках краткого сравнительного анализа с российским законодательством выделяется ряд особенностей рассмотрения обращений осужденных по китайскому законодательству как в связи с несогласием с решением суда, так и по поводу преступления или иного правонарушения.

Ключевые слова: Закон о тюрьмах Китайской Народной Республики, обращение осужденного, приговор суда, сообщение о противоправных и преступных действиях

Для цитирования

Бальчиндоржиева О. Б., Мяханова А. Н., Скиба А. П. Раздел 2 «Рассмотрение апелляций, жалоб и сообщений о противоправных и преступных действиях,

поданных осужденными» главы 3 «Исполнение наказаний» Закона о тюрьмах Китайской Народной Республики: авторский перевод и краткий сравнительный анализ с законодательством Российской Федерации // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 1. С. 163–167. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.163-167.

AUTHOR'S TRANSLATION OF FOREIGN LEGAL ACTS

Original article

SECTION 2 “CONSIDERATION OF APPEALS, COMPLAINTS AND REPORTS OF ILLEGAL AND CRIMINAL ACTS FILED BY CONVICTS” OF CHAPTER 3 “EXECUTION OF SENTENCES” OF THE LAW ON PRISONS OF THE PEOPLE’S REPUBLIC OF CHINA: AUTHOR’S TRANSLATION AND BRIEF COMPARATIVE ANALYSIS WITH THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Oyuna Bairovnа Bal'chindorzhieva¹, Alexandra Nikolaevna Mjakhanova², Andrey Petrovich Skiba^{3, 4}

^{1, 2} Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia

¹ baoyu2008@yandex.ru

² alex27-m@mail.ru

³ St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, apskiba@mail.ru

⁴ Academy of the FPS of Russia

Abstract. The article contains the text of the author’s translation of Articles 21-24 of the current edition of Section 2 “Consideration of appeals, complaints and reports of illegal and criminal acts filed by convicts” Chapter 3 “Execution of punishments” of the Law on Prisons of the People’s Republic of China. As part of a brief comparative analysis with Russian legislation, a number of features of the consideration of appeals from convicts under Chinese law are highlighted, both in connection with disagreement with a court decision and with a crime or other offense.

Keywords: The Law on Prisons of the People’s Republic of China, the appeal of the convicted person, the verdict of the court, the report of illegal and criminal acts

For citation

Bal'chindorzhieva, O. B., Mjahanova, A. N. & Skiba, A. P. 2025, ‘Section 2 “Consideration of appeals, complaints and reports of illegal and criminal acts filed by convicts” of Chapter 3 “Execution of sentences” of the Law on Prisons of the People’s Republic of China: author’s translation and brief comparative analysis with the legislation of the Russian Federation’, *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 1, pp. 163–167, doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.163-167.

АВТОРСКИЙ ПЕРЕВОД ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Ниже приводится авторский перевод действующей редакции разд. 2 «Рассмотрение апелляций, жалоб и сообщений о противоправных и преступных действиях, поданных осужденными» гл. 3 «Исполнение наказаний» Закона о тюрьмах Китайской Народной Республики (КНР) (принятого 26 октября 2012 г. и вступившего в силу 1 января 2013 г.), включающей ст. 21–24.

Выделим некоторые отличия указанных положений Закона о тюрьмах КНР от российского законодательства (ст. 12, 15 и др. Уголовно-исполнительного кодекса (УИК) Российской Федерации, ст. 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и иных нормативных правовых актов):

1. В разд. 2 Закона о тюрьмах КНР закреплено, что в Китае осужденные могут обращаться в администрацию пенитенциарного учреждения, суд и прокуратуру. В России осужденным также разрешается обращаться к Президенту Российской Федерации, в палаты Федерального Собрания Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, законодательные органы субъектов Российской Федерации, исполнительные органы субъектов Российской Федерации, вышестоящие органы уголовно-исполнительной системы и к их должностным лицам, Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, уполномоченному по правам человека в субъекте Российской Федерации, уполномоченному по правам ребенка в субъекте Российской Федерации, уполномоченному по защите прав предпринимателей в субъекте Российской Федерации, в общественные наблюдательные комиссии, а также в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека (ст. 15 УИК РФ).

2. В России администрация исправительного учреждения не обладает правом обращения (как и обжалования) в судебные или иные органы по поводу (не-) законности приговора суда, вступившего в законную силу (как и иного судебного решения), в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. В ст. 24 Закона о тюрьмах КНР закреплено, что администрация пенитенциарного учреждения на основании апелляции осужденного должна обратиться в Народную прокуратуру или Народный суд с обращением об ошибочном решении суда.

3. В России вопросы рассмотрения заявления о преступлении и иных поводов для возбуждения уголовного дела не регламентируются в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (который в целом посвящен исполнению наказаний, исправительному воздействию в отношении осужденных, их правовому положению и лишь фрагментарно затрагивает аспекты, имеющие отношение к уголовному судопроизводству: рассмотрение судами вопросов при исполнении приговора и судебный контроль (ст. 20 УИК РФ), привлечение осужденных к лишению свободы к участию в следственных действиях или судебном разбирательстве (ст. 77.1 УИК РФ) и т. д.). В соответствии со ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. Однако китайский законодатель определил, что администрация пенитенциарного учреждения должна незамедлительно рассматривать жалобы и сообщения о противоправных и преступных действиях,

АВТОРСКИЙ ПЕРЕВОД ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

поданные осужденными, или передавать их в органы общественной безопасности или Народную прокуратуру для рассмотрения (ст. 22 Закона о тюрьмах КНР).

4. В ст. 12 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» установлен 30-суточный срок для рассмотрения письменного обращения лица (в том числе осужденного), тогда как в ст. 24 Закона о тюрьмах КНР предусмотрено, что Народная прокуратура или Народный суд должны уведомить администрацию пенитенциарного учреждения о результатах рассмотрения обращения в течение 6 месяцев с даты получения обращения.

5. В Китае фактически приравниваются между собой обращения осужденных о преступлении и ином правонарушении (ст. 22 Закона о тюрьмах КНР), в то время как в нашей стране они регламентируются в различных отраслях: в уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном и административном законодательстве соответственно.

Текст авторского перевода ст. 21–24 Закона о тюрьмах КНР приводится с учетом российской терминологии и в дальнейшем может корректироваться.

«Глава 3. Исполнение наказаний

Раздел 2. Рассмотрение апелляций, жалоб и сообщений о противоправных и преступных действиях, поданных осужденными.

Статья 21. Если осужденный не удовлетворен вступившим в законную силу приговором суда, он может подать апелляцию. Народная прокуратура или Народный суд должны рассмотреть апелляцию осужденного в установленные сроки.

Статья 22. Администрация пенитенциарного учреждения должна незамедлительно рассматривать жалобы и сообщения о противоправных и преступных действиях, поданные осужденными, или передавать их в органы общественной безопасности или Народную прокуратуру для рассмотрения. Органы общественной безопасности или Народная прокуратура должны уведомить администрацию пенитенциарного учреждения о результатах рассмотрения.

Статья 23. Администрация пенитенциарного учреждения должна незамедлительно передавать апелляции, жалобы и сообщения о противоправных и преступных действиях, поданные осужденными, и не должны задерживать их.

Статья 24. Если в ходе исполнения наказания администрация пенитенциарного учреждения на основании апелляции осужденного полагает, что решение суда могло быть ошибочным, она должна обратиться в Народную прокуратуру или Народный суд. Народная прокуратура или Народный суд должны уведомить администрацию пенитенциарного учреждения о результатах рассмотрения обращения в течение шести месяцев с даты получения обращения».

Информация об авторах

О. Б. Бальчиндоржиева – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии;

А. Н. Мяханова – доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, судья в отставке;

А. П. Скиба – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник (Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации); профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными (Академия ФСИН России).

АВТОРСКИЙ ПЕРЕВОД ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Information about the authors

O. B. Bal'chindorzhiya – Sc.D (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy;

A. N. Mjahanova – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Process and Criminology, retired judge;

A. P. Skiba – Sc.D (Law), Professor, chief researcher (St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation); professor of penal law and organization of educational work with convicts department (Academy of the FPS of Russia).

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 19.02.2025; одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted 19.02.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 19.03.2025.

Научное издание

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Научный журнал

Редактор *С. О. Коноплева*

Перевод *П. Н. Нестеров*

Компьютерная верстка *Е. В. Чернышова*

Ответственный за выпуск *П. Н. Нестеров*

Подписано в печать 04.04.2025. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Печ. л. 10,5. Усл. печ. л. 9,8. Тираж 1500 (1-й завод – 32) экз.

Заказ № 129.

Редакционно-издательский отдел научного центра Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Отпечатано: Отделение полиграфии РИО НЦ Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Академия ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1
Редакционно-издательский отдел
Тел.: +7 (4912) 93-82-42, 93-46-40
E-mail: editor62@yandex.ru

